

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства»
(ПГУАС)

В.В. Зинченко, Л.А. Королева

**СИСТЕМНЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ
ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

Пенза 2014

УДК 316.42+338.2:339.97

ББК 86.38

З-63

Рецензенты: доктор философских наук, профессор кафедры философии Киевского национального университета им. Т. Шевченко М.И. Бойченко;
доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Национального научного центра «Институт аграрной экономики» В.И. Власов;
доктор философских наук, зав.кафедрой менеджмента и инновационных технологий социокультурной деятельности, директор Института развития ребенка Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова И.И. Загарницкая

Зинченко В.В.

З-63 Системные институциональные трансформации глобального развития: моногр. / В.В. Зинченко, Л.А. Королева. – Пенза: ПГУАС, 2014. – 236 с.

ISBN 978-5-9282-1157-8

Рассмотрены достижения и проблемы процессов глобализации, институализации, системной общественной и личностной трансформации и их роль для общественного бытия, человека и познания. Исследованы трансформационные модели глобализирующегося мирового развития и международных отношений, что является важным для обсуждения и понимания следующих проблем: степень адекватности анализа главных моделей развития и кризисов глобальной системы; природа современных проявлений социальной революции; трансформации идеологии мирового и общественного развития; перспективы функционирования рыночной экономики; доктрины глобализации и их идейные разработки.

Монография предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, а также студентов, обучающимся по направлениям 38.03.02, 38.04.02 «Менеджмент», 38.03.01 «Экономика», и для всех, кто интересуется комплексными проблемами в области становления и развития процессов глобализации, институциональных систем в контексте развития общества и личности. Положения и выводы монографии могут быть использованы в научных исследованиях и при преподавании учебных дисциплин в сферах глобалистики, социальной философии и философии истории, международных отношений, аналитики социально-антропологических трансформаций личности, педагогики, социального управления и менеджмента.

ISBN 978-5-9282-1157-8

© Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 2014

© Зинченко В.В., Королева Л.А., 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.....	7
2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ	100
3. ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЦЕССОВ ЛИЧНОСТНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ	153
Заключение	225
Библиографический список	229

ВВЕДЕНИЕ

В результате анализа современного мира, в котором мы существуем, общественные практики, социально-философская, экономическая и политическая науки современности констатируют наличие в нем инородных человеку состояний и сил, которые не только не удалось ослабить, но более того – сегодня человек и человечество попали в такие жесткие зависимости и опасности, которые не просто угрожают превратить ее в объект неподвластных ей отношений, но и ставят под угрозу в глобальных масштабах сами основы человеческой жизни.

В нынешних условиях противоречия «глобализма» и «империализма» не могут быть подведены под общие формулы, такие, как классические «универсальные противоречия между трудом и капиталом», и тем более не могут быть решены ими. Для современных обществоведческой и политико-экономической, психологической и педагогической, управленческой наук интеграция развитых обществ в современной «неокапиталистической» (или по другой терминологии, «неоиндустриальной»), фазе их развития является объектом серьезных исследований, которые показывают, каким образом современным развитым государствам удастся институализировать и контролировать социальные взаимоотношения. Это, прежде всего – анализ глобальных экономических, политических, мировоззренческих и общественных трансформаций, функционирование идеологии, систем управления, образования и воспитания, средств массовой коммуникации, методов ограничения социальной борьбы рамками формализованной системы, развития институтов социума и контроля за рынком.

На пороге нового тысячелетия возникает опасение: смогут ли общественные науки ответить на вызовы истории или же проекты будущего ограничатся философским дискурсом, политическими и идеологическими спекуляциями, политически корректной риторикой. Поэтому в монографии исследована специфика стратегий постиндустриального развития и трансформаций структур управления в условиях глобализации в совре-

менных индустриальных системах. Исследуется опыт трансформаций государств, которые осуществляют институциональные, политические и экономические реформы в условиях интеграционных процессов. Отмечается, что современная развитая социальная система требует стабильного макроэкономического роста, сочетания свободного предпринимательства с государственным регулированием, формирования публичной власти и развитого гражданского общества.

Также внимательно рассматривается и анализируется влияние тенденций глобализации на процессы экономики и управления, модернизации и постмодернизации на общество в условиях трансформации транзитивных систем.

Модели взаимодействия и взаимоотношений процессов поведения личности, индивидуального выбора, бессознательных психических факторов, приобретения социальных ролевых статусов со структурами общества являются предметом обстоятельного анализа многих исследователей, прежде всего тех из них, которые стремятся к объективной и многогранной концептуализации социально-исторических идей. Базовым для них является понятие «практики», которая рассматривается максимально широко, – как актуализация первичных аспектов психического и социального, лингвистического и производственного, политического поведения человека: стремления и выбора.

Личностное поведение является достаточно сильно детерминированным социальными структурами. В связи с этим в предлагаемой монографии исследуется и социально-философский педагогический аспект концепций управления воспитанием и образованием как отрасли в контексте глобализации и проблем развития институтов гражданского общества. Осуществляется анализ и классификация социальной сущности существующих школ и направлений социальной философии образования, раскрываются идейные противоречия между ними.

При планировании общественного будущего акцент необходимо делать равномерно и на анализ ценностей, и на анализ социальных институтов, который позволит осознать реальные механизмы практического построения нового общества. То, что иногда проявляется в качестве поверхностных феноменов, в действительности характеризует решительные тенденции, которые подсказывают не только иные перспективы изменений, но и такой переворот, который по глубине и ширине выходит далеко за пределы ожиданий традиционной общественной теории. С точки зрения исторического прогресса каждая новая степень развития человеческого общества отличается от прошлого тем, что создает новые предпосылки для материальной и духовной интеграции человечества как выражения основной тенденции этого общественно-исторического развития. То есть, изначально человечество должно ясно уразуметь и определить принципы своей внутренней жизни. Сущность истории заключается в

изменении тех форм, с помощью которых человек определенной эпохи постигает окружающий мир и которые определяют уклад его как внешней, так и внутренней жизни.

Поэтому актуальными стали вопросы определения глобальной трансформации мироустройства, системного характера происходящих на планете изменений, общих закономерностей истории. Прошлое и будущее не существуют сами по себе как полностью автономные пространства, поскольку слиты в едином потоке времени истории главным субъектом исторического действия – человеком. Вряд ли мы поймем суть происходящих на планете изменений, если не опознаем эти резонирующие со временем длинные волны истории. Основная исследовательская цель данной монографии – определить в условиях быстрых перемен социальной жизни эффективный механизм управления и самоуправления сложными системами общества.

В монографии исследуются процессы трансформаций в развитии современных моделей социальных систем, тенденции функционирования личности в структурах общества, в частности, в сферах экономических производственных отношений, политической власти, психической идентификации. Анализируются явления противоречий разных уровней общественной жизни, в частности, социального и психического, экономического и политического, идеологического и духовного.

1. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Глобальное измерение институциональных системных трансформаций общественного развития

Технический и культурный прогресс может сопровождаться или усилением репрессивного давления государства, которое приводит к росту общего объема инстинктивной агрессивной энергии, или длительной десублимацией, которая не дает возможность человеку и человечеству вернуться к архаичным и примитивным уровням, предоставляя возможность перехода к менее репрессивной форме цивилизации. Это становится заметным в процессе смягчения борьбы за существование, в росте гуманизированных потребностей и нерепрессивных влечений. Этот процесс можно наблюдать в трансформировании явления господства (репрессивного угнетения политико-экономическими институтами государства или общества свободы человека). Его можно рассматривать как нейтральный феномен, характерный для всех развитых стран мира. «Явным политическим выражением нейтрализации господства является возрастающая в развитых странах похожесть политических партий, которые раньше находились в оппозиции друг к другу, в стратегии, целях, унификации политического языка и политических символов» [6, 149].

В современных общественных системах проявляются черты позднеиндустриальной цивилизации: централизация и регламентирование приходят на смену индивидуальной экономике и автономии, конкуренция организовывается и рационализируется; существует общее господство экономической и политической бюрократии; население унифицируется, и мышление его стандартизируется с помощью средств массовой коммуникации, индустрии развлечений и воспитания. Если эти средства оказываются эффективными, тогда становится возможным для общественного управления гарантировать в юридическо-конституционных установлениях демократические права и институты, без опасности их использования против господствующей системы.

На высокой ступени индустриализации технология и техника, которые применяются в экономических процессах, еще более, чем когда-либо прежде, становятся инструментами социального и политического контроля. Удовлетворение материальных и духовных потребностей осуществляется с помощью научной организации труда и научного руководства предприятиями, научного определения действий и образцов поведения, которые становятся эффективными вне процессов труда и преформируют индивидов согласно господствующим общественным интересам. В развитом индустриальном обществе эта преформация является рациональной в полном смысле, т.е. она проявляется как манифестация технологической необходимости и самой производительности; она сопровождается

ростом комфорта и жизненного уровня населения. И с ростом технического прогресса возникают ощутимые преимущества, общество может полагаться на мощь экономического аппарата и в обычных условиях не применять насильственные средства для принуждения и подчинения.

Капитализированная индустриальная система общества трансформируется в результате собственных потенциальных возможностей; отсюда и сопротивление господствующих сил и институтов, их противодействие проявлению объективных возможностей, которые являются присущими технико-производственному прогрессу, который обеспечивает их власть [12, 20]. Технический прогресс идет своим путем, однако моделируется и направляется, контролируется и отклоняется с учетом его веса как политического господства. Освобождающие социально-психические потенции подавляются, и сознательно увековечивается существующая система в качестве «естественно необходимой». «Необходимо напомнить мнение Маркса, что естественные законы общества являются выражением слепых и иррациональных процессов капиталистического производства, социалистическая революция должна обеспечить эмансипацию от данных законов. В противовес этому, ревизионисты считали, что общественные законы являются естественными законами, которые гарантируют необратимое развитие к социализму» [10, 117].

Для раннего капитализма основной движущей силой, которая порождает общественно-психологические изменения и сдвиги, является экономический кризис, выраженный в борьбе труда и капитала. В раннекапиталистическом социуме участие в формировании общественной мысли является недостаточно распространенной привилегией, поэтому экономические отношения и классовая структура фактически определяют уровень и характер развития общественного сознания. Развитие общества определило сдвиг акцентов из экономической на другие сферы социальной системы. Ответом на экономический кризис стал рост государственного вмешательства в экономику, возрастание уровня государственной «интервенции» в стремлении избежать этих кризисов, что увеличило силу и значение государства.

Индустриально развитый «поздний капитализм» характеризуется государственной регуляцией не только экономики, но и других сфер общественной жизни. Постоянное расширение государственных полномочий в противовес обществу, перенесение на государство негосударственных функций, на экономическом уровне приводит к определенным кризисам, причиной которых является неспособность государства примирить разные, в том числе конфликтные, интересы частного капитала, иррациональность которого не способствует солидаризации организованного общества. На уровне социальной интеграции это проявляется в «кризисе легитимации» [3, 105].

Если государство неспособно предложить стратегию примирения конфликтных интересов, которыми стремится руководить, то оно теряет легитимность в глазах населения и оправдание его существования является достаточно проблематичным для большинства слоев населения. Выходом из этого кризиса является интеграция основных социальных и классовых интересов в господствующую идеологическую систему, обеспечение за счет индустриального производства и технологического развития роста материального благосостояния и уровня общественного потребления, достижения равномерного распределения общественного продукта.

Гигантское развитие производства в современном мире, научно-технический прогресс, который трансформирует психо-биологическую природу человека, использование в этих условиях административной манипуляции общественным поведением человека рассматриваются социально ориентированным психоанализом в качестве борьбы между инстинктом к жизненному плодотворному развитию, к творческой свободе (Эросом) и разрушительным инстинктом к агрессии, разрушению (Танатосом). В отличие от психоанализа Фрейда, эта борьба современной социальной и психосоциальной аналитикой (особенно неомарксистской), не рассматривается как вечная и неминуемая [14; 15]. Антагонистичные отношения господства одних социальных групп над другими вызваны не столько научно-техническим прогрессом, сколько специфической общественной формой организации труда и существующих социальных, политико-экономических отношений. Практика исследования человеческой психики, особенно в период значительных социальных потрясений, свидетельствует о том, что корни патологических отклонений в поведении людей находятся чаще всего в их социальном окружении [8, 214].

Политико-экономические, мировоззренческие, технологические трансформации общества всегда являются социальной революцией, в какой бы форме она не происходила. Однако она всегда будет безуспешной, если не обеспечит сдвиг в массовом сознании, в моделях индивидуальной и общественной культуры. Доминирование, господство и подчинение в общественных и межчеловеческих отношениях обязательно порождают репрессивное сознание и конфликтно-агрессивное бессознательное в индивидуальной и массовой психике, примитивизирует витальные влечения человека. В индустриально развитом, а тем более в «переходном», транзитивном обществе, индивид становится объектом тотального администрирования, удовлетворяя свои потребности лишь как некий объект манипуляции со стороны государства.

В результате формируется «одномерная структура человеческого существования и мышления» [10, 16] чей протест против разных форм социального и психического отчуждения не имеет оппозиционного характера. Эта «одномерная структура» не только вынуждает человека к четко определенному типу поведения, производя соответствующую разно-

видность сознания, но и формирует однотипные физиологические реакции, потребности и влечения. Возникает регрессия ментальной активности к ее примитивным формам, формируются конформистские стереотипы поведения. Следствием этого является высвобождение деструктивной энергии биологических агрессивных инстинктов, которые играют значительную роль в социальной, экономической и политической жизни современных индустриальных обществ.

В связи с этим необходимо различать понятия «психологически неосознанное» и «идеологически бессознательное». Такое различие основывается на теории товарного фетишизма: реальные социальные отношения между людьми приобретают фантастическую иллюзорную форму отношений между вещами. Идеологически бессознательное - это сфера ошибочного сознания, которое порождает иллюзорные, мнимые представления об истинных исторически-общественных и межличностных отношениях. Оно отображает именно отсутствие знания у человека о настоящих, реальных причинах общественного развития, а, следовательно, является тождественной основой существования ошибочных, мнимых, иллюзорных представлений, желаний, стремлений.

В наших переживаниях всегда присутствуют элементы, которые не осознаются и которые являются деформированными, неадекватно отображая внешний реальный мир, вытесняясь из сферы сознания (оговорки, сновидения, ошибочные действия и тому подобное). Однако под этими деформациями часто оказывается другая реальность. Сосуществуют две взаимодействующих сферы: одна из них – та история, которая отображается в современности, в сознательно пережитых фактах, биографии; другая – история неосознанная, бессознательная, вытесненная, но которая постоянно проникает в современное. Незнание, погрешности – это вытеснения, которые возникают в результате взаимодействия этих двух историй: осознанной и неосознанной, бессознательной. Психоанализ подтверждает идею Маркса о том, что «сознание», т.е. представление, цели влечений, моральные идеологии и тому подобное, обуславливаются общественным бытием. Экономическая структура общества не прямо и непосредственно влияет на идеологическую систему, а через опосредствованные социально-психологические факторы, через отношения в семье и тому подобное. В то же время существует обратное активное влияние психологического фактора на экономический базис общества. Экономические отношения обнаруживают экзистенциальные отношения между людьми. Поэтому является важным вопрос о необходимости изменений в характере социальной деятельности и труда для устранения отчуждения человека.

Психоаналитическая социальная теория является, в этом случае, с одной стороны, психологической частью социально-политической и экономической науки, а с другой – предоставляет возможность понять скрытую сущность определенных решающих тенденций в современной экономике и

политике. Неомарксистский психоанализ концентрирует внимание на теме человеческого одиночества и отчуждения между людьми, обнаруживая тяжелое расстройство и психологическую деформацию личности в период «раннего», «переходного» и «позднего капитализма» [5, 64]. Деятельность, стремление и влечения людей в товарно-фетишизированных общественных отношениях обнаруживают бессознательное стремление скрыть дискомфорт, вызванный «свертыванием» личного Я, сужением сферы личных интересов, исчезновением тождественности с самим собой в результате внешне навязанных идеологий. «Антенна на каждом доме, приемник на каждом пляже, музыкальный центр в барах и ресторанах, - во всем этом можно услышать крик отчаяния: не остаться бы одному, не оторваться от большинства, не оказаться обреченным на ненависть, на бесплодные мечты о собственном Я. Этот крик подхватывается из толпы, и даже те, кто не имеет или хочет собственного Я, являются осужденными» [11, 92].

Культура сводится к уровню коммерческих стандартов, культурные ценности стали предметом покупки-продажи, идеологической манипуляции, и те из них, которые не способны обеспечить прибыль, разрушаются; жизнедеятельность человека стала чужой и фальшивой относительно его естественных потребностей. Она превращается в определенные стандарты, которые создаются и навязываются чужой, отчужденной внеличностной средой. Проблема влияния языка на самоотношение субъекта принимает форму вопроса о том, какие отношения между неосознанием «Я» своих желаний, которые касаются отношения субъекта к своему телу, и незнанием идеологического характера, которое является связанным с отношением субъекта к общественному бытию.

Изменения в формах собственности на средства производства является значительными факторами индивидуального и общественного развития, однако сами по себе они еще ничего не решают, если не используются для развития и удовлетворения свободы мышления индивидов. В этом случае они просто сведутся к новой форме подчинения людей, их психики и поведения. В индустриальном обществе психика человека отличается значительной общественной пассивностью и ориентацией на ценности рынка, человек исполняет в первую очередь социальную роль потребителя. Другой ролью является роль торговца, которая выходит за пределы экономической подсистемы. Сам человек превратился в товар и рассматривает свою жизнь как капитал, который необходимо выгодно вложить. Если он этого достиг, его жизнь имеет смысл, а если нет - он неудачник. Его ценность определяется спросом, а не человеческими качествами. Поэтому его психологическая и социальная самооценка зависит от внешних факторов, обусловленных рыночной потребительской ориентацией общественного управления. Принципы потребительства и всеобщей производительности пропагандируются господствующими идеологами как самый приемлемый для человека «принцип реальности», закладываются в

фундамент социально-этических систем. Следствием является потребление как идеал жизни; у человека нет потребности развивать свое уникальное «Я», поскольку идеалом является личность как система удовлетворенных желаний, которые постоянно стимулируются и направляются экономико-политической и идеологической системами. Внутренняя пассивность человека в индустриальном обществе – характерная и патологическая черта, которая приводит к добровольному самоподчинению господствующим идеологемам и конформизму, ощущению недостаточности в накоплении и потреблении предлагаемых благ, что в дальнейшем приводит к хронической депрессивности.

На этом фоне растет разрыв между церебрально-интеллектуальной функцией и аффективно-эмоциональными переживаниями, между мыслью и чувством, разумом и страстями. Разум возникает из сочетания рациональной мысли и чувства. Если эти две функции являются разорванными, мышление деградирует к шизоидной интеллектуальной деятельности, а чувства превращаются в невротичные влечения и желания. Разрушение и разрыв между мыслью и аффектом приводит к хронической шизофрении в социальных ориентациях и психических восприятиях.

Неминуемый рост потребительской психосоциальной ориентации в этом случае перемещается в культурную сферу - как явление «мотивационного кризиса». Это кризис человеческой мотивации, заинтересованности человека в социальной системе как таковой. Он происходит на уровне социальной интеграции, вызванный ростом власти государства и технократического контроля, которые являются необходимыми для управления экономическими и легитимационными кризисами. Труд становится всё более рутинным и бюрократическим. Властное бюрократическое государство подавляет возможность полезного участия человека в процессе принятия решений, разрушая сущность демократических институций.

Все репрессивные тенденции обнаруживают свою неразрывную связь с формами господства и угнетения, которые имеют классовую природу и уменьшают свое влияние в условиях межклассовой интеграции и конвергенции. Однако в связи с тем, что следствием извращенной компенсации за постоянные отказы человека от самореализации своей личности, угнетения своего собственного «Я» с помощью репрессивной культуры, у него возникает готовность и склонность угнетать. Это обстоятельство обусловило судьбу всех социальных революций против репрессивных обществ и их культуры.

Даже после успешной социальной и экономико-политической революции, эволюционных трансформаций, у победителей возникает осознание необходимости господства на «более высшей ступени», и революция испытывает поражение в момент победоноснейшего триумфа – господство возобновляется и развивается дальше: «Нет ли рядом с исто-

рически общественным термидором, который оказывается во всех революциях прошлого, также психического термидора; возможно, революции не только внешне уничтожаются, возвращаются вспять и возводятся в ничто; предположительно, что в самих индивидах действует динамика, которая внутренне отрицает возможное освобождение и удовольствие?» [7, 47].

Дело в том, что капитализированное общество вместе с соответствующей ему материально-духовной культурой настолько глубоко проникает в структуру витальных потребностей человека, в сферу бессознательной психической жизни, что человек формирует его внутреннее подобие, проводя борьбу против свободы в угоду господствующей системе; блокируя естественное влечение к ней. Модернизация производства и социального управления в современном «позднекапиталистическом», «постиндустриальном» обществе способствует ненасильственной («толерантной») борьбе с проявлениями протеста против производственного отчужденного труда («принципа производства»), отоваривания личности (общественного фетишизма), всеобъемлющего засилия бюрократизированной власти («дополнительного угнетения» и «сверхугнетения»). В связи с этим на ментальном уровне человека происходит расщепление психоэмоциональной сферы на репрессивный разум и бессознательную доминанту, которые имеют одинаковый уровень активности.

В современный период, когда классовое господство уже не имеет явных основ, идеология обязана своим могуществом прежде всего отсутствием развитой способности к саморефлексии у общественного индивида. На социально-психологическом уровне идеология фактически отождествилась с невротичным состоянием индивида, когда нарушение психической деятельности последнего создает препятствия для всех разновидностей его общения с другими людьми. «Индивидуальным прообразом идеологии является невротичное расстройство, на примере которого исследуется механизм нарушения коммуникации» [4, 120].

Противоположностью государственно-идеологического господства является расширение сферы общественной дискуссии, предотвращение деполитизации сознания человека и социальных групп. Если легитимизирующие господство нормы проявят в рациональной общественной дискуссии свою «идеологическую» неистинность, появляется возможность установления неидеологизованных, свободных от принуждения коммуникативных форм межчеловеческих отношений.

Проблемой проблем социальной системы являются не спонтанные процессы саморегуляции, не массовое применение социальной технологии путем идеологических манипуляций, в результате чего сложные и разнообразные пути социализации в современном обществе должны были бы быть заменены нерелексивной адаптацией индивида к требованиям системы, принудительным рациональным и бессознательным конформиз-

мом. Заданием общества является поиск определения жизни в соответствии с потенциалом потребностей человека и объективных возможностей их удовлетворения. Возникает возможность решительного уменьшения рабочего времени (при условии адекватного уменьшения пропагандируемого системой культа потребления как цели жизни, а также возможность сочетания труда и игровой творческой деятельности, производства и наслаждения). «Солидарность вместо конкурентной борьбы, творческая чувственность вместо ее притеснения» [2, 190]. Репрессивная культура и принципы эксплуатационного угнетения человека человеком не являются вечными и теряют свой необходимый характер в результате роста общественного производства, его технологизированной модернизации, которая является возражением идеям классического психоанализа о том, что свобода от угнетения является достижением только бессознательного, элементарных биопсихических явлений. Сила противоречия по отношению к обветшалой общественной системе может быть реализованной при условии, что использование объективных социальных предпосылок будет совмещаться с психо-антропологическими и культурными изменениями в индивиде. Именно достижения современной культуры и цивилизации создали предпосылки для постепенной ликвидации угнетения свободы человека в социальной и психической сферах. Создан такой уровень производства, при котором удовлетворение человеческих потребностей и количественно, и качественно может быть осуществлено без тех жертв, к которым вынуждает индивидов «принцип производства».

Воображение проявляется как фундаментальный ментальный процесс, который имеет ценность как таковой, независимо от того, как будут оценены его продукты с точки зрения репрессивной части разума. Такой симбиоз рационально-бессознательного единства зависит от того, как воображение сохранило свободу, уклонившись от службы потребительскому «принципу реальности», правда, за счет признания продуктов деятельности свободы иллюзорными, не соответствующими «реальности». Способность к фантазии, воображению имеет возможность противостоять эксплуатационной реальности и угнетению через сравнение существующей реальности с собственными потерянными, но не уничтоженными, вытесненными в бессознательное возможностями, реализация которых предусматривает возникновение свободы, денонсацию угнетения и господства.

Истинная ценность воображения касается не только прошлого, но и будущего – формы свободы и счастья, к которым она призывает, требуют освобождения исторической реальности. Она не только совмещает рациональные и бессознательные формы психического, но и направляет их на реализацию в социуме того содержания фантазий и утопий, которые будничному «одномерному» или «репрессивному» сознанию кажутся наиболее фантастическими и утопическими, именно в результате несо-

ответствия пропагандируемой идеологиями картине реальности. Развитие цивилизации само предлагает мышлению понимание (в эволюционной или аффективной формах) необходимость ликвидации и трансформации экономико-идеологической реальности, невротичной по сути, с ее принципами производственности, идеалом потребления, товарным фетишизмом и репрессивным, потенциально шизоидным типом рациональности. Поэтому требование реализации утопии (как противоположности существующего господствующего социального и психического типа общественной реальности) уже не является утопическим, а, наоборот, обнаруживает «конец утопии» [9, 188].

Истина фантазий является бесконечно высшей от «репрессивной истины» индустриального общества. «Социальная фантазия» сохраняет свои позиции в психике человека, которые приобретают особое значение, тогда, когда появляется вопрос об альтернативе существующему социально-экономическому укладу, о прорыве за пределы «континуума господства». Социальная фантазия с точки зрения конструирования социальной реальности не является сугубо витальным наслаждением, игрой, как это выглядит из позиций господствующей идеологии, а наоборот, как образ новой гармонии части и целого, желания и осуществления, счастья и ума. Социальная фантазия основывается на том, что «утопию» существующих систем является возможным и необходимым осуществить, что за иллюзорностью фантазийных образов скрывается реальный опыт преодоления человечеством и человеком враждебной его сущности действительности. Новые общественные и индивидуальные возможности заключаются именно в том, что они дают возможность царству свободы появиться и в царстве необходимости, – в труде, а не только по ту сторону (необходимого) труда. «Мы должны помнить о возможности движения и развития социализма не только от утопии к науке, но и от науки к утопии» [9, 70].

Преградой для осуществления «возможного» является существующий тип господствующих психических, а соответственно, социальных потребностей в поведении человека, которые формируются и возобновляются аппаратом общественно-идеологического управления. Поэтому рядом с трансформациями производственно-экономической и политической систем обязательно должна происходить трансформация потребностей человека.

Критическая социальная и психологическая теория должна со всей непредубежденностью устанавливать и обобщать скрытые интересы социальных групп, конкретизируя их, определяя, какие из них деформируют общественную коммуникацию, патологизируют психику, препятствуя достижению консенсуса. Обнаружить, какие сферы экономико-политического уклада продуцируют «мнимую консенсуальность» в форме «идеологической интеграции», приводя к вытеснению в бессознательное

реальных социальных противоречий, результатом чего становятся индивидуальные психозы и социальный невротизм.

Общественным изменениям, социальной революции должна предшествовать революция в человеке, радикальное изменение структуры потребностей и системы технологии воспитания. Является необходимой трансформация потребностей, которая стала решающим фактором стабилизации, увековечения и воссоздания агрессивного и репрессивного общества. Под ее влиянием человек рассматривает мир, ценности, самого себя и других людей как товары для обмена, как материю господства. Должны быть трансформированы не только социальные и политико-экономические институты, но и тоталитарные формы традиционной культуры, мировоззрения, которые способствуют идеологическому усилению социальной амнезии, потребительского иррационализма и дегуманизованного фетишизма потребления и господства.

Борьба против эксплуатации, угнетения, трансформационные превращения в обществе являются прямо зависимыми от коренных изменений в психобиологической природе человека. Экономическое производство и социальное управление, исходя из этих заданий, должны основываться на новых ценностях. Для этого является необходимой «революция до революции» [1, 212]. Создание нерепрессивной цивилизации прямо связано с изменением потребностей человека, которые, с одной стороны, будут приобретать более творческий, плодотворный характер, а с другой - будут сопровождаться десублимацией агрессивных инстинктов. В этом качественное отличие между свободным и несвободным обществом. Имеется в виду возможность социо- и самореализации, когда труд становится творчеством, игрой, где даже общественно необходимый труд может быть организованным гармонично, в соответствии с потребностями человека. В процессе устранения «отчужденного труда» репрессивная структура институтов должна испытать коренные изменения: инстинктивная энергия должна стать свободной и стремиться превратить либидные отношения в универсальные общественные.

Является необходимым формирование и развитие «витальных потребностей в свободе», новой антропологически-психологической структуры человека, который предусматривает качественно другой способ существования людей. Именно непрерывность развитых в репрессивном обществе и удовлетворенных в нем потребностей является тем, что снова и снова воспроизводит репрессивное общество в самих индивидах. Даже в социальных революциях индивиды воспроизводят репрессивное общество, отталкиваясь от господствующего типа потребностей, и это является именно той непрерывностью, которая препятствует прыжку от количественного потребительского к качественно свободному обществу. В условиях современного индустриального общества производительные силы достигли такого уровня развития, на котором они фактически самим своим суще-

ствованием требуют новых потребностей, которые бы отвечали их возможностям. Возникает потребность победить репрессивные разрушительные инстинкты и влечения людей, найти их гуманистические, солидарные биопсихические потребности для качественного общественного развития.

Литература

1. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus : wie wir am Wachstum scheitern. Christian Lauk , Konstantin Kulterer. Wien : Ueberreuter, 2008. 223 s.
2. Exner A. (Hg. Ernst Lohoff). Losarbeiten Arbeitslos – Globalisierungskritik und die Krise der Arbeitsgesellschaft. Münster: Unrast Verlag, 2010. 284 s.
3. Habermas J. Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2002. 195 s.
4. Heinrich M. Wie das Marxsche Kapital lesen? Hinweise zur Lektüre und Kommentar zum Anfang von «Das Kapital». Stuttgart: Schmetterling Verlag, 2009. 288 s.
5. Jacoby R. Social Amnesia: A Critic of Conformist Psychology. Boston: Campus Politics, 2005. 219 p.
6. Jappe A. Die Abenteuer der Ware. Münster: UNRAST-Verlag, 2005. 253 s.
7. Kurz R. Schwarzbuch Kapitalismus. Ein Abgesang auf die Marktwirtschaft. München: Ullstein, 2009. 456 s.
8. Laing R. The Divided Self. Harvard: Darton, Longman and Todd. 2001. 341 p.
9. Marcuse H. Das Ende der Utopie. Berlin: Verlag Neue Kritik, 1995. 190 s.
10. Marcuse H. Kritik der reinen Toleranz. Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1993. 127 s.
11. Marcuse H. Versuch über die Befreiung. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1989. 133 s.
12. Mouffe Ch. and Laclau E. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001. 240 p.
13. Reichelt H. Neue Marx-Lektüre. Zur Kritik sozialwissenschaftlicher Logik. Hamburg, 2008. 384 s.
14. Žižek S. Psychoanalysis and post-marxism. The Case of Alain Badiou / Zizek S. // The South Atlantic Quarterly. Durham, Spring, 1998. Vol. 97. № 2. P. 235-261. Available at: www.egs.edu/faculty/zizek/zizek-psychoanalysis-in-post-marxism.html
15. Žižek S. The Ticklish Subject / Zizek S.; The Absent Center of Political Ontology. London: Verso, 2000. P. 128-143.

Онтология социально-экономического бессознательного в трансформациях общественного развития

Модели взаимодействия и взаимоотношений процессов поведения личности, индивидуального выбора, бессознательных психических факторов, приобретения социальных ролевых статусов со структурами общества являются предметом обстоятельного анализа многих исследователей, прежде всего тех из них, которые стремятся к объективной и многогранной концептуализации социально-исторических идей современного западного марксизма (неомарксизма, постмарксизма) и социальных направлений современного психоанализа. Базовым для них является понятие «практики», которая рассматривается максимально широко, – как актуализация первичных аспектов психического и социального, лингвистического и производственного, политического поведения человека: стремления и выбора.

В современном неомарксизме в этом контексте личное бытие рассматривается как совокупность разных конкретных практик, которые поддаются аналитическому распределению, в результате чего из множественного числа их разновидностей является возможным выделить основные из них: экономическую, политическую и идеологическую, рассматривая их как основополагающие для всех типов обществ и индивидуального развития. Явления «политического» и «идеологического» общественного бытия приобретают более широкое значение и фактически включают в себя большинство аспектов социальной жизни. «Реальный субъект, индивид в его неповторимой сущности, не является автономным “Я”, которое сконцентрировано на самом себе, на “сознании” или “существовании” – то ли существовании сознания, собственного тела или “поведения”; человек-субъект не имеет “центра”, являя собой структуру, которая также, если и имеет “центр”, то лишь в ошибочных представлениях самого “Я”, т.е. в тех идеологических образованиях, в которых оно себя “познает» [2, 70]. Во взаимоотношениях трех основных уровней общественной организации каждый из них владеет собственной своеобразной совокупностью экономико-социальных и психических специфик, собственной логикой отношений этих составных личностных частиц, их внутренней структурой. Поэтому каждый из этих общественно-индивидуальных уровней имеет определенное общественно-индивидуальное проявление, формируя специфические комплексные связи между собой. Это проявляется в определенной автономности уровней и в своеобразной двусмысленности причинных их связей. Идеология и политика не являются простым следствием экономики, их отношения не имеют жестко детерминированный характер. К тому же они способны осуществлять обратное влияние на экономические отношения.

Содержание социальной системы в целом возможно рассматривать как результат взаимоотношений противоречий разных уровней общественной жизни, в частности, социального и психического, экономического и

политического, идеологического и духовного. Эти взаимоотношения могут быть двух разновидностей: или противоречия разных уровней усиливают друг друга, или они взаимно гасятся. Результатом первой разновидности взаимоотношений может быть революция в широком смысле (как тотальная трансформация социума и типов мировосприятия), а результатом второго – стагнация и упадок. Личностное поведение является, достаточно сильно детерминированным социальными структурами. Деятельность создает впечатление «свободного выбора», а основой создания двойного впечатления служит функциональное существование «государственного идеологического аппарата». Этот аппарат существует до появления отдельной личности, и большинство ролей, какие мы можем избрать в нашей социальной жизни, уже существуют в нем. Мы рождаемся для выполнения ролей, подготовленных предварительно.

Наше ощущение собственной субъективности (свободы воли) возникает из деятельности (практики), уже подготовленной и ожидающей лишь, когда мы начнем ее воплощать. Осуществляя действия в предложенной системой манере, исполняя роли, подготовленные до нас, мы приходим к уверенности в «авторстве» своих действий. Вопрос заключается в том, каким образом является возможным сохранить некоторые черты, неопределенные социальными структурами, чтобы отбросить априорное стремление любой общественной системы (в том числе репрессивной) предотвратить «Большой отказ» (по терминологии Г. Маркузе) индивидов от жесткой социальной детерминации их поступков, сформировать более широкое пространство для «авторской» личностной практики.

По мнению М. Фуко, современный человек является существом, которое порождается в значительной мере карательными методами и аппаратом власти. Человеческая душа рождается из процедур наказания и присмотра, наказания и принуждения. Существующие в обществе карательные аппараты власти «являются основанными на трех больших схемах: политико-моральная схема индивидуальной изоляции и иерархии; экономическая модель силы, которая используется в принудительном труде; психико-медицинская модель лечения и нормализации. Тюремная камера, мастерская, лечебница» [6, 248]. М. Фуко специально обращается к анализу карательных механизмов государственной власти, которые подавляют и притесняют человеческую личность. В концепции «генеалогии власти» он выделяет три основных разновидности наказания, которые существовали и функционируют в ту или другую эпоху. В средневековье главной формой наказания была публичная казнь, которая осуществлялась как праздничный театрализованный ритуал. Потом, в эпоху Просвещения, публичное наказание было заменено на мгновенную нейтрализацию и ликвидацию нежелательных системе элементов. Главным же наказанием современной эпохи, которая начинается на грани XVIII-XIX вв., является тюремная изоляция.

Развитие общественно-государственной репрессивности тесно связано с формированием представлений о психической норме и патологии. Если в средневековье и эпоху Возрождения между умом и неумным существовало органическое единство, то XVII в. разрушил это единство, резко противопоставив ум глупости, что выразилось в создании определенных госпиталей, куда направляли всех тех, кто не вписывался в жесткие рамки общепринятых критериев нормы. В большей части таких госпиталей больные содержались так же, как преступники в тюрьме. Психиатрия как отрасль медицины, согласно Фуко, возникла именно в результате социального заказа и подобного явления изоляции. То есть в тот период врачи заинтересовались разными формами психических заболеваний не в результате развития медицинских знаний, идей гуманизма, а прежде всего, благодаря изоляции, политической репрессивности и созданию общих тюремных госпиталей. Именно социально-политические факторы обусловили появление «медицинского восприятия безумия», т.е. отделение от других форм нерационального поведения. Это, в свою очередь, связано с тем, что господствующий тип знания («взаимосвязь слов и вещей») является обусловленной той или иной «социальной механикой», «социальной технологией», совокупностью экономических, социально-политических условий жизни общества, государственно-правовыми институтами власти.

«Критическая психиатрия», которая основана на идеях и концептуальных схемах критической теории социальных исследований, отмечает, что «шизофрения достаточно часто является ярлыком, который цепляется на определенные личности агентами господствующей культуры и ее государственной структуры» [14, 123]. То, что иногда рассматривается как психическая болезнь, в действительности во многих случаях государственной репрессивности и «репрессивной толерантности» необходимо рассматривать как выражение отчужденного социального уклада. Поскольку в этом случае шизофрения – это «ярлык», который используется в политических целях, то тем самым разрушается авторитет психиатра и медико-социального механизма, который он представляет. Психическая болезнь приобретает политическую окраску, «пациент» становится жертвой социального контроля, психиатрия – техникой такого контроля. Как отмечает Д. Купер, шизофрения в этом случае должна пониматься не как болезнь отдельного человека, а как некоторая «микросоциальная кризисная ситуация, в которой поступки и вся деятельность человека инвалидизируется другими в результате определенных культурных причин к такой ступени, на которой она признается "душевнобольной", что в дальнейшем утверждается юридически» [4, 16].

Представляется возможным отметить, что современное индустриальное общество, невзирая на высокий уровень технологического развития, является в скрытой форме достаточно несправедливым и антигуманным, поскольку это общество формирует так называемых «одномерных людей»,

людей-марионеток, мыслями и поведением которых легко манипулировать. Современное «позднекапиталистическое» общество, манипулируя общественным и индивидуальным сознанием, становится репрессивным орудием угнетения свободы человека. Еще в большей мере это касается обществ «раннекапиталистического» и «переходного» («транзитивного») типов, где уровень репрессивности есть главным образом явно, а не скрыто насильственным и является основным методом социального управления. Безумие в большинстве случаев, кроме органических и генетических патологий, является укорененным не в самой личности, а в системе тех отношений, в которых данный человек принимает участие; шизофрения в репрессивных обществах является ничем иным, как более или менее характерным средством разрушения группового поведения.

Лейнг Р. выделяет определенный современный тип семьи, который именуется им «нексусом» или «узлом». В такой форме семьи общее существование ее членов учреждается на чувствах страха, взаимной подозрительности, психического и физического насилия, репрессии и террора, который продуцирует те или другие психические заболевания. Патогенным фактором шизофрении им объявляется постоянно возникающие в семейных отношениях парадоксальные, конфликтные ситуации, для которых являются характерными недоразумения, взаимное недовольство, обман, смущение, мистификация. При этом, подобного типа ситуации часто не осознаются людьми, хотя они постоянно чувствуют несносность своего положения. В то же время, психическое отчуждение является непосредственно связанным с отчуждением социальным, с экономическим фетишизмом, который превращает человека в определенную товарную функцию. Современное общество надевает «смирительную рубашку» репрессии на каждого человека, начиная с его рождения. В условиях тотального отчуждения, угнетения человека внеличными силами властвования; шизофреником может оказаться тот, кто просто не является способным осуществлять свои нормальные реакции, чтобы приспособиться к ненормальному обществу, в котором постоянно сталкивается с конфликтными анонимными отношениями иерархии, господства и подчинения на уровне и общества, и семьи.

В контексте нашего сегодняшнего всеобъемлющего безумия, — отмечает Лейнг, — то, что мы называем нормой, здоровьем, свободой, все наши пункты отсчета являются сомнительными и двусмысленными. Человек, который стремится быть скорее мертвым, чем «красным», считается нормальным. Человек, который говорит, что потерял душу — сошел с ума. Человек, который утверждает, что кто-то является низшей расой, может быть достаточно уважаемым. «Государственные деятели мирового значения, которые щеголяют и угрожают тем, что у них есть оружие Страшного суда, являются гораздо более опасными и гораздо более

отчужденными от реальности, чем значительное количество людей, на которых прицеплен ярлык «душевнобольного» [13, 12].

Лакан Ж. считает, что средой психоанализа является речь человека. Недовольство субъекта является укорененным в самом дискурсе. Оказывается, что в субъекте существует изначальное отчуждение от своей собственной сущности, которое вынуждает конструировать свое существование как Другое. Это недовольство объектом, в котором его желание является отчужденным и чем больше оформляется этот объект, тем более углубляется отчуждение субъекта от его наслаждения. При этом субъект ощущает агрессивность и фантазм. Фантазм («призрак», «привидение») является продуктом фантазии, который отображает в искривленной форме действительное желание человека. Он является в то же время реализацией иллюзии желания и защитой от реального объекта последнего. У Лакана фантазм является одной из ключевых категорий. Фантазм – это материя того «Я», которое является изначальным вытесненным.

Лакан пишет, что вопрос о фантазме – это вопрос о функциях бессознательного и о создании объекта на поздних ступенях психического и социального развития [12, 250]. Лейтмотив фантазий является возможным выразить высказыванием: «Я был этим лишь для того, чтобы стать тем, кем я могу быть». Лишь с обращением к бессознательному является возможным возобновление сознательного дискурса субъекта. В актуализации в дискурсе фантазматических отношений может происходить регрессия. Согласно Лакану, бессознательное – это история субъекта, которая прошла сквозь цензуру и соответствует запасу слов и особенностям их использования. Симптом психосоциального нарушения проявляется в анализе языка, поскольку и он сам структурирован как язык, он и является языком.

С помощью слова бессознательное впервые начинает именовать себя. Желание человека получает свой смысл в желании Другого, потому что его главным объектом является признание со стороны Другого. С момента «стадии зеркала» в онтогенезе человека, т.е. с идентификации себя с зеркальным двойником, с образом своего идеального «Я», наступает момент фиксации на этом мнимом образе. Происходит порабощение собственной свободы в угоду другим. Отчуждение человека от своей настоящей сущности, которое начинается на этой стадии, углубляется по мере вхождения субъекта в поле речи Другого на онтогенетической ступени «символического». Рост отчуждения вызывает протест. Но протест, согласно Лакану, является безнадежным. Это ситуация вынужденного выбора: или отказа от удовлетворения своих скрытых желаний (наслаждения) и получения возможности продолжать свою жизнь как член «культурного» (господствующего типа) общества, или отказаться от этого и оказаться вытесненным из жизни, однако так и не удовлетворить желания (случай аутизма). Подчиняясь речи Другого, принимая чужую интер-

претацию своего запроса, человек еще в период детства уже выражает свой запрос в «подсказанных» ему словах, все более отдаляясь от своего искреннего, истинного желания. У человека появляются новые желания, которые подсказываются господствующим типом общественной культуры, но в его «Я» навсегда залегает глубокая трещина. Лакан называет такого «окультуренного» субъекта – «кроссированным» субъектом, поскольку он вынужден вечно «перебегать» от одного «означающего» желания к другому.

Однако реального Другого не существует, нет кого-то конкретного, на кого было бы возможным перенести ответственность за невозможность получения наслаждения (истинной самореализации) и субъект переносит вину на свое «Я» – возникает бессознательный «комплекс кастрации», признания собственного несовершенства и нецелесообразности. Перверт представляет себя Другим, чтобы обеспечить себе наслаждение; невротик представляет себя первертом, но уже для того, чтобы удостовериться в существовании Другого. Порочная перверсия, которая находится в основе невроза, присутствует в бессознательном невротика как фантазм Другого. Это определенная защита от запрета перехода грани в наслаждении. Невротик держится мнимой кастрации и не желает жертвовать это свое отличие наслаждению Другого, поскольку он представляет, будто бы Другой требует его «кастрации», т.е. ограничения психосоциальных потенций и возможностей. Социальный психоанализ показывает, что желание и в нормальных, и в аномальных случаях регулируется подобной «кастрацией» – идентифицируя господствующие общественные символы с образами закона. Символизация охватывает всю жизнь человека. Желание, чтобы быть удовлетворенным в человеке, требует признания в символе или же в сфере мнимого, что оказывается в поисках речевого согласия и борьбе за престиж.

Задание психоанализа, согласно Лакану, заключается в том, чтобы ввести в субъекта частицу реального. «Подслушивая» у анализируемого речь Другого, (т.е. недореализованного в то время, когда мир субъекта был настолько же фрагментированным, как и он сам), аналитик превращает речь в «полную речь» Другого, интерпретируя субъекту старый, прошлый запрос, провозглашая просьбу Id («Оно»– бессознательное) к субъекту, в результате чего Другой превращается в место, где молвило Оно. На месте ожидаемого человеком бессознательно господствующего обладателя, который навязывает идеалы и ценности, находится «объект а» (от *autre* [фр.] – «другой») – то, что человек любил и недолбил, ненавидел и недолбил в своем детстве. Целью лакановского психоанализа является реконструкция структуры бессознательного, сущности психоневротических расстройств на основе реконструкции и трансформации потоков речи, в которых в скрытом или явном виде проявляется глубинный социально-психический «язык» человека, – бессознательное.

С точки зрения Ж. Делеза и Ф. Гваттари, картина бессознательного не может быть редуцируемой к абстрактным элементам лакановского Символического треугольника (реальное, воображаемое, символическое), она намного сложнее, ее необходимо рассматривать в аспекте не только семейных отношений, но, прежде всего, отношений социально-исторических и политико-экономических. Разнообразные формы психической патологии обусловлены преимущественно социальной структурой общества, системой общественно-экономических, государственно-юридических институтов. Делез и Гваттари в своем труде «Анти-Эдип: капитализм и шизофрения» подчеркивают, что классический и лакановский психоанализ рассматривают «амбивалентный» характер семейных отношений в качестве главной причины психических аномалий человека, не выходя за узкие пределы матрицы «отец – мать – сын».

В центре внимания этих исследователей находится вопрос шизофрении, которая рассматривается в широком социальном контексте, как продукт деспотии и угнетения, существующих в обществе. Традиционная мифологема комплекса Эдипа рассматривается как «терапевтическая модальность капитализма» и должен быть поддан не просто изменению (наподобие лакановского), а радикальному преодолению. «Эдипов треугольник», его фокусное содержание связано не с межличностными отношениями в патриархальной семье, а с реальными социальными отношениями господства и угнетения в разных типах капитализированных обществ. Экономический, политический, эстетичный и мировоззренческий протест не является «Эдиповым бунтом» детей против родителей, а это как бы своего рода шизофренический (с точки зрения аппарата господства) протест против репрессивного влияния на человека деспотических порядков общества.

Поэтому главной целью шизоанализа Делеза и Гваттари является определение того, каким образом социальная среда, капитализированное общество опутывают, блокируют, угнетают и трансформируют желание человека. Главной категорией избирается «желающее производство» (*production desirante*) – социально-психические «больные», социальные институты и в конечном итоге все живое рассматриваются как образующие желание машины. Шизофреники – это не только психические больные, но и все те, кому надоело экономически фетишизированное или репрессивное общество, кто отбрасывает его законы и живет согласно законам естественного «производства желания». По мнению Делеза и Гваттари, производящие желание «машины» могут быть как кодируемыми, так и декодированными, т.е. такими, которые имеют определенную структурную упорядоченность или лишены ее. Если процесс кодировки превышает уровень переданной информации, то декодирование, напротив, снижает ее упорядоченность и тем самым растет энтропия в социальных

процессах, и, как ее следствие, общество теряет контроль над производящими желания «машинами».

Абсолютным пределом декодирования является шизофрения; в некоторые моменты истории человечества уровень кодировки драматично уменьшался, против чего общества, государства и культура вели постоянную борьбу, стремясь снизить рост энтропии. Одной из форм этой борьбы было образование патриархальной формы семьи.

Если в предыдущих капитализму формациях, утверждают Делез и Гваттари, «производящие желание машины» осуществляли более или менее стойкую кодировку потоков желаний, то капиталистические общества являются единственной социальной системой, которая конституируется исключительно через декодирование этих потоков. Тем самым это общество разрушает «производящие желание машины», их коды, порождая разнообразные шизофренические заболевания.

Изначально функционирование «производящих желания машин» было территориальным, привязанным к земле, к определенному пространству. Однако потом, в условиях капитализации общества, возник процесс «детерриторизации», отделение «производственно-желающих» машин от пространства общественной жизни. «Декодирование потоков и их детерриторизация в совокупности обнаруживают главную тенденцию капитализма, предел которого является сугубо шизофреническим» [5, 45], т.е. экономически товарная фетишизация отношений между людьми и обществом является главным виновником развития в обществе «шизофренического» отчуждения.

Шизофрения в этом случае – это не болезнь отдельного человека, а специфическое средство расширения социального поля в условиях индустриально-товарного общества. Наподобие того, как у психически больного существует свой специфический язык и форма поведения, так и у тех, кто принимает участие в процессах протеста, формируется своеобразный привилегированный язык, который может быть поддан психоаналитическому расшифровыванию. В пределах такого понимания некоторых психических патологий, психиатрическое исследование приобретает социальные черты, превращаясь определенным образом в политическую дисциплину. Болезнь рассматривается как своеобразная форма политического протеста, которое с помощью исследования оказывается стремлением устранить насилие, эксплуатацию и тиранию, как специфическое «политическое диссидентство». Как отмечает Р. Ликтмен: «Невозможно адекватно охватить жизнь человека без сосредоточенного учета взаимосвязей между пониманием Фрейдом репрессивного бессознательного и открытием Марксом фетишизма социально-экономических структур» [15, 10].

Общее, «конвергентное» в идеях этих мыслителей, которые могут быть применены для преодоления экономико-политических и социально-психологических кризисов современности, это, прежде всего, просвещение

и рационализм, проблема отчуждения, фетишизма и ошибочного сознания. Однако для Фрейда объективная реальность, которая существует вне и независимо от сознания, является принципиально непознаваемой, познавательными являются лишь феномены, а бессознательное является настоящей психической реальностью, которая для нас является сущностно неизвестной, поскольку инстинкт никогда не сможет стать объектом сознания. Для марксизма, во всех его направлениях, ошибочные формы нашего сознания являются необходимым проявлением отчужденного общества. Иллюзии возникают тогда, когда субъект ощущает свою деятельность как отделение от своего собственного контроля, как проявление социального отчуждения.

Фрейд подчеркивал неограниченное господство бессознательного над сознанием, непримиримый конфликт между ними, безгранично онтологизируя структуру психического, в результате чего само отчуждение, господство иррациональных сил в человеке превращаются в фатум. Он недооценил значение социально-экономических факторов. Необходимо учитывать тот факт, что сознательное и бессознательное является не только сферами индивидуально-естественного, но и социально-исторического бытия человека. Бессознательное является выражением сверхперсонального отчуждения людей и совмещается с марксистской концепцией фетишизма и овеществления. Р. Ликтмен обнаруживает в психоанализе раскрытие индивидуально-репрессивного, а в марксизме – социально-структурного бессознательного, которое является следствием репрессивного общественного угнетения [15, 205]. Социальная структура детерминирует индивидуальную репрессию; взаимосвязи между репрессивным бессознательным и структурным являются диалектическими. Каждое из них обуславливает и определяет другое.

Бессознательное не следует отождествлять только с определенной совокупностью психических процессов. Оно характеризует также некоторые формы социального сверхиндивидуального поведения людей, развития и функционирования культуры и социума (нормы и стереотипы, идентификация, наследование, социально-культурные мифы и тому подобное) [3, 184]. Поэтому, вместе с понятием «психическое бессознательное» представляется необходимым выделить и «социальное бессознательное». Оно является такими формами культуры, поведения и познания, влияние которых актуально не осознается и не контролируется людьми. Марксистская теория обращается к социальному бессознательному в анализе сущности явления товарного фетишизма. Она связывает сознательное с видимостью предметных форм социального бытия, с тем, которое проявляется на поверхности вещей и явлений, а бессознательное рассматривается как некоторая другая «реальность», как то, что характеризует сущность. «Видимость противоречит сущности. Видимостью здесь сознательно установлен закон государственного строя, а сущностью – его

бессознательный закон, который находится в противоречии к первому. Сознательно установленный закон здесь не выражает того, что является заложенным в природе вещей; напротив, он составляет противоположность ей» [1, 282-283].

Бессознательное в своей основе детерминируется обществом, которое порождает иррациональные страсти и наделяет своих членов разнообразными выдумками, превращая таким образом истину в пленницу порочной рациональности. Репрессивное бессознательное в своей основе является социальным. Фундаментальные противоречия индивидуальной социальной жизни возникают в результате иррациональности социальных структур.

«Структурное бессознательное» является распадом отчужденной системы общественных отношений, которые были конституированы капитализированной реальностью и идеологией. «Репрессивное бессознательное» – это резервуар биологических влечений, которые возникают в результате непримиримых конфликтов между скрытой капитализированной реальностью и действительностью, видимостью. Структурное и репрессивное бессознательное находятся в неразрывном единстве, зеркально отображаясь друг в друге. Тем самым бессознательное проявляется не только в качестве биолого-психической, но и в качестве социальной реальности. В «демистификации» и реконструкции социальной жизни достижения марксизма состоят в выявлении идеологии и ошибочного сознания с помощью концепции товарного фетишизма, раскрывая то, как отношения между людьми принимают видимость отношений между вещами, что, в свою очередь, порождает разнообразные иллюзии, деперсонифицированное представление о человеке. Психоанализ же, в свою очередь, устанавливает, что глубинные конфликтные социальные структуры маскируются с помощью феноменальных форм индивидуальной жизни, мистифицируя (отчуждая) глубинную изначальную сферу бессознательного.

Критический, «негативный» социальный психоанализ исследует субъекта, субъективность которого угнетается обществом и государством; определяя, что эксплуатация парализует личность как активную историческую силу. «Негативный психоанализ знает лишь негативные взаимосвязи; он рассматривает психические формы, которые отклоняли и разрушали историческое и классовое сознание» [10, 98].

В любой социальной революции всегда есть момент контрреволюции, поражения, возобновления власти и господства, который связан с существованием в самом человеке бессознательных иррациональных сил, которые препятствуют возможности его освобождения от пут социального, экономического и психического отчуждения. В значительной мере это является связанным с явлением так называемой «социальной амнезии» – процесса потери общественной памяти как некоторой социальной болезни. Это одна из разновидностей отчуждения, репрессии, которые общество

осуществляет над своим собственным историческим, интеллектуальным прошлым, идеологией, духовной культурой.

Анализ данного отчуждения происходит из концепции «овеществления» («реификации») Маркса. Первичным моментом данной концепции является идея о том, что в процессе развития социально-экономических систем отношения между людьми принимают видимость отношений между вещами. Возникает своеобразная иллюзия надделения вещей свойствами человеческого субъекта (персонификация). Одно из проявлений овеществления – фетишизм предметных форм (товаров, идеологических, религиозных, юридических символов, языка и т.п.). В наибольшей мере овеществление является присущим для индустриальных, капитализированных обществ, когда господство приобретает форму доминирования вещей над человеком, которое проявляется и в психологическом измерении как скрытая репрессия над человеческой и социальной активностью. Социальная потеря памяти является одной из главных форм овеществления. «Социальная амнезия» проявляется в том, что идеология при определенных исторических условиях проявляется как извращенное, порочное сознание, как совокупность абстрактных лозунгов и политических страстей. Такое использование идеологии является характерным не только для консервативных или репрессивных политических сил, но и для леворадикального сознания с его отбрасыванием значения теории и субъективистским толкованием революции. «Политические левые не избежали разрушительного действия социальной амнезии и субъективного редуционизма. Социальная амнезия в среде левых приобретает две формы: создание новых мгновенных теорий реформы и революции, а также все большего обновления старых лозунгов и тактик» [10, 4].

Социальная амнезия возникает как процесс разрушения социальной памяти, которая существует в обществе в виде коллективного опыта человечества, замены его тотальностью господства идеологии. Социальная память является не просто хранилищем знаний и духовной культуры, а активным процессом отбора информации по уровню полезности ее для прогресса человечества, храня, в первую очередь, ценный опыт предыдущих поколений, их достижения в духовной и материальной жизни, в науке и технике, искусстве и мировоззрении. В условиях антагонистического общества усиливается и углубляется процесс разрушения социальной памяти, который оказывается в разных формах отчуждения личности в обществе и семье.

Характерной чертой современной семьи в условиях господства овеществления человека является так называемый «новый нарциссизм». «Новый нарциссизм является продуктом родителей, которые не могут или не хотят обнаруживать власть, базирующуюся на реальном, а не авторитарно-господствующем авторитете. Послабление родительской авторитетно-ценностной власти, в свою очередь, объясняется вмешатель-

ством экспертов социальных агентов и инструктивной литературы в процессе принятия индивидуальных решений» [10, 170].

«Новый нарциссизм» связывается, во-первых, с появлением такого типа семейных отношений, в пределах которого дети все больше и больше выходят из-под контроля ценностного родителей, а на смену патриархальной семьи приходит семья «нарциссическая». В такой семье родители не обращают внимания на детей, власть отца теряет здесь свою силу и, соответственно, фрейдовский комплекс Эдипа в классической форме не имеет доминирующего значения. Во-вторых, это связано с процессами либерализации сексуальных норм и поведения человека, послаблением табу и запретов в этой сфере. В процессе либерализации отношений между полами, усилении культа потребления в обществе сексуальность «теряет свое взрывное и индивидуальное измерение. Она не может быть более отделенной от папирос, пива, шампанского» [10, 188]. Фиксируется факт сексуального отчуждения в условиях товарного общества, усиление отношений между полами в форме покупки-продажи. Отчужденная сексуальность и мировоззрение, в свою очередь, способствуют формированию нарциссических характеров, которые пассивно адаптируются к потребительскому образу жизни. Не покоряясь родительскому авторитету в семье, человек с нарциссическим характером в то же время находится в полной зависимости от государства, его политики и идеологии.

Классическая семья, которая была объектом анализа Фрейда и которая базировалась на родительском авторитете, еще не была на грани распада и разрушения. В этой семье власть отца была суровой, строгой, но не грубой и жестокой. Она не ставила себе целью тотальное подчинение человека, породила потребность в эмоциональном тепле и ласке отношений. Однако в последующем авторитарная семья все больше превращается на нарциссическую, в которой власть отца является низведенной к минимуму. Нарциссизм ведет к росту индивидуализма в семейных отношениях, к отказу от этических представлений об обязанности родителей перед детьми и долга последних перед ними.

Кризисные явления в семье в значительной степени являются связанными с культом потребления, с нарастанием господства массовых стереотипов эгоистичного гедонизма. Нарциссический характер является связанным с особенной разновидностью гедонизма, который «является экономным, используя свою энергию не в бездумном потреблении, а скупко используя ее в соответствии с нормами и возможностями. Принцип обмена, собственные орудия капитализма, разрушает семью, гедонизм же уничтожает ее» [10, 190]. Этот гедонизм трансформирует в разрушении семейные отношения всех уровней, поскольку культ потребления приводит к моральной, психической и физиологической деградации человека и семьи.

Причиной этого и яркой особенностью является «корпоративное государство» – продукт сочетания финансово-промышленных и торговых

корпораций с политической властью государства. Она воплощает в себе специфическую форму рациональности, которая является индифферентной ко всем вопросам о смысле и ценностях человеческого существования. Данная особенность превращает корпоративное государство в антигуманную силу. Рациональная, однако неподконтрольная человеку система государственной власти эксплуатирует и, в конечном счете, разрушает природу и сущность человека. «Организация и бюрократия, которые появились только как приложения к современной психологии и социальным институтам, неумолимо диктуют нам, как мы будем жить дальше, навязывая логику организационных структур, которые разрушают все другие ценности» [10, 6]. Демократические системы и индивидуальные свободы капитулируют перед гигантскими административными учреждениями и корпорациями – бюрократическое своеволие занимает место формального права. Труд теряет любой творческий и жизненный смысл кроме вопроса физиологического выживания.

Индивид не в состоянии найти творческое воодушевление и в сфере культуры, поскольку она приобрела форму коммерческого предприятия, в понимании которого человеческая жизнь и потребности личности должны фабриковаться наподобие товаров для прибыльной распродажи. Отдавая свою энергию и большую часть в своего времени деятельности отчужденных от человека учреждений, современная личность утрачивает семью, из которой выхолащивается ее настоящее назначение, теряет реальность отношений общения и дружбы и, что является самым главным, – способность к творческому воображению и деятельности, модернизируя себя в качестве производственной силы массового технологическо-коммерциализированного общества. Основными ценностями данного типа общества, которые в то же время являются эффективными рычагами социального управления, есть рациональная иерархическая дисциплинированность и иррационализированное массовое потребление (как основная форма межиндивидуальных отношений).

Человек осуществляет преступление против самого себя, если превращается в инструмент, предназначенный для достижения какой-то внешней, чужой для него цели. Этот индивид находится в состоянии самоотчуждения и превращается в «разлаженное», «общественношизоидное» существо, которое откладывает на неопределенный срок реализацию настоящего смысла своего бытия. «Необходимо жить со всей полнотой в каждый момент, но не так, как этого требует неограниченное “теперь” рекламного сюжета, а в соответствии с понятием абсолютной целостности, которую можно выразить в заповеди: Будь верным самому себе и честным перед собой» [18, 242].

Принцип господства должен быть упраздненным не только на общественном, но и, прежде всего, на индивидуально-психическом уровне в социальных ориентациях поведения человека. Не существует преиму-

щества одного человека над другим, а должно быть постоянное стремление к преобладанию над самим собой в своем развитии, которое конституирует уникальность и неповторимость каждого «Я». Противоположностью этого являются отношения безличной функциональности, которые опосредуются социальной ролью индивида, базируясь на принуждении и манипуляции другими людьми. Поскольку современный человек в значительной мере преобразован и вынужден исполнять социальную роль потребителя, постольку возможность возобновления своей власти над неконтролируемой производственно-товарной «Мегамашинной» зависит от изменения сознания потребительской массы, освобождения от принудительного включения рекламных идеологий всех сортов в свое мировоззрение. «Великим вопросом нашей эпохи является то, каким образом существовать в технологическом обществе: какое движение и какой образ жизни смогли бы сохранить духовность человека и даже именно его существование в условиях господства тех сил, творцом которых он сам же и был» [18, 16]. Этим и определяется понятие труда, оно охватывает все остальные сферы, но лишь негативно, оттеняя их как зависимые от себя. На место товарного производства должны прийти открытая дискуссия, обсуждение и общее принятие решений членами общества относительно разумного использования ресурсов. Господство товарно-денежного труда раскалывает человеческую индивидуальность. Оно отделяет экономического субъекта от гражданина, личности, абстрактное публичное от абстрактного частного и противопоставляет изолированного одиночку его собственному общественному целому как чужой, господствующей над ним силе. «Прогресс превратился бы в этом случае в прогрессирующее притеснение, а “промедление” в осуществлении свободы угрожало бы стать самодостаточным и увековечиться» [17, 374]. Наоборот, противник господства товарно-денежного труда стремится к ликвидации этого состояния путем присвоения общественного целого сознательно и осознанно действующими людьми.

Концепция неомарксизма сосредоточена на понятии «разума». Согласно ей, доньше общественная теория сохраняла свое право на существование именно настолько, насколько ее разум еще не получал своей практической реализации в человеческом бытии: «доньше она жила тем, что разум еще не был действительностью» [16, 103]. В анализе явления рациональности неомарксизм исследует «буржуазное» понятие разума. Разум – это критический лозунг, с помощью которого гегемония ведет борьбу против всех, кто препятствует ее политическому и экономическому развитию. Толкование мира как мира рационального заключало в себе в первую очередь возможность понять и изменить его с помощью деятельности человека, который основывается на познании.

Неомарксисты пришли к выводу, что в качестве силы, которая разрушает разум, выступают не только «институты господства», обусловлен-

ные функционированием экономики, но и что еще большую опасность несет в себе идеология, техника, «технологическая рациональность», которая ведет к товарно-вещественной технизации всех сфер жизни современного общества. Рост производительности, увеличение экономической мощности создают парадоксальную ситуацию: по мере увеличения власти человека над природой растет его зависимость от идеологической экономико-политической техники, технического аппарата господства [7, 43]. В трактовке неомарксизма все современное общество проявляется как воплощение «технологической рациональности», которая организует и контролирует производство, экономическое хозяйствование и служебную бюрократию, труд и свободное время людей. Техническая цивилизация полностью растворяет собственное Я человека, устраняет последнюю разделяющую инстанцию между индивидуальным поведением и общественной нормой, и превращается, в конечном счете, в стихию бесчеловечности. В этих условиях социально-экономические и социально-политические отношения, которые играли решающую роль в доиндустриальных обществах, теряют свое определяющее положение и поглощаются технико-организационными взаимосвязями. «Технологический универсум становится политическим универсумом – самой последней ступенью осуществления специфического общественного проекта, а именно превращения природы как голого материала господства» [8, 28].

Критическая социальная, экономико-политическая и психологическая теории стремятся по-новому определить общественный и индивидуальный разум. Они считают, «что индустриальное общество создало условия для осуществления разума и свободы, но этому осуществлению препятствует именно капиталистическая организация» [19, 307]. Эти предпосылки имеются в наличии. Они также показывают, что, невзирая на существенную связь между капиталистической производительностью и общественно-справедливой свободой, социальная революция (как тотальная комплексная трансформация и экономико-политической, и идейно-психологической структур) нужна для того, чтобы осуществить этот переход, который, однако, должен принести нечто большее, чем освобождение и рациональное использование производительных сил, а именно – освобождение самого человека: уничтожение его порабощения инструментами его же труда, мышления и тем самым полную переоценку всех общепринятых ценностей. Лишь это «большее» превратило бы количество в качество и создало бы другое, нерепрессивное общество, что означало бы четкое отрицание капитализма.

Свобода только тогда может стать истинной необходимостью, только если она сама по себе является истинной. Свобода должна выйти за пределы необходимости. Свобода возможна лишь постольку, поскольку происходят детерминированные процессы, поскольку эта детерминированность является познаваемой, поскольку человек может планировать в

соответствии с детерминантами и осуществлять свои планы, по крайней мере, в определенном объеме. В недетерминированном невозможно ни планирование, ни запланированные действия, ни реализация планов. «В строгом смысле освобождение предусматривает свободу» [17, 271]. Свобода может быть осуществлена лишь в том случае, если ее проводниками и носителями являются свободные индивиды, освобожденные от потребностей и интересов господства и притеснения. Сама общественная революция должна первоначально идти через свободу и ради свободы, иначе будет сохраняться принцип притеснения, будет неминуемым фатальное разногласие между «непосредственными» и «истинными» интересами индивидов. Тогда индивиды станут объектами их собственного освобождения, а свобода – делом администрации и декретирования.

Общественную революцию неомарксизм понимает как уничтожение этой детерминации. В мире освобожденного человека должно быть нечто большее, чем только экономика. Более того, приматом в этом мире должно быть именно неэкономичное, человеческое. В этом аспекте общественная собственность и плановое производство (собственность и тип производства) существенно теряют свой доминантный характер в интересах идеи человеческого счастья. Любой новый общественный строй должен доказать свою высшую ценность не только путем экономических достижений, не только с помощью экономических принципов производительности, а именно благодаря этике, которая, будучи взятой автономно, формирует свое реальное содержание. Разумная гражданская социальная структура требует создания предпосылок освобождения человека, общества и человечества: полного развертывание производительных сил, симбиотического взаимодействия с природой, создания материальных богатств для удовлетворения основных потребностей всех членов общества.

Литература

1. Маркс, К. К критике гегелевской философии права [Текст] // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Госиздат, 1958. – Т. 1. – С. 207-342
2. Althusser L., Balibar E. Das Kapital lesen. Hamburg: Rowohlt, 1972. 313 s.
3. Benjamin I. The Oedipal Riddle: Authority, Autonomy and the New Narcissism // The Problem of Authority in America. Ed. by J. Diggins and M. Kann. Philadelphia: Temple University Press, 1981. 224 p. P. 183-212.
4. Cooper D. Psychiatry and Anti-Psychiatry. Boston: Paladin, 2002. 192 p.
5. Deleuze G., Guattari F. Capitalisme et schizophrénie: L'Anti-Oedipe. P.: Minuit, 1975. 463 p.
6. Foucault M. Discipline and Punish: Birth of the Prison. London: Vintage Books, 1977. 523 p.
7. Habermas J. Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2002. 195 s.

8. Habermas J. Bedingungen für die Revolutionierung spätkapitalistischer Gesellschaftssysteme, in Marx und die Revolution. Mit Beiträgen von Bloch/ Marcuse/ Habermas/ Fischer/ Künzli/ Fetischer/ Markovic/ Tadic/ Fromm. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1970. 244 s. S. 24-44.
9. Jacoby R. Social Amnesia: A Critic of Conformist Psychology. Boston: Campus Politics, 2005. 219 p.
10. Jacoby R. The Politics of Narcissism // The Problem of Authority in America. Boston: Norton Lasch, 1995. 281 p. P. 188-204.
11. Jappe A. Die Abenteuer der Ware.- Munster: UNRAST-Verlag, 2005. 253 s.
12. Lacan J. Intervention sur le transfert // Lacan J. Ecrits. Paris: A.L.I., 1996. 408 p. P. 233-296.
13. Laing R. The Divided Self. Harvard: Darton, Longman and Todd. 2001. 341 p.
14. Leech K. Youthquake: The Growth of a Counter-Culture. London: Sheldon Press, 1993. 231 p.
15. Lichtman R. The Production of Desire: The Integration of Psychoanalysis into Marxist Theory. New York, NY: The Free Press, 2002. 482 p.
16. Marcuse H. Philosophie und kritische Theorie. Fr.a.M.: Verlag, 1985. 204 s.
17. Marcuse H. Vernunft und Revolution. Darmstadt, Neuwied: Luchterhand, 1979. 399 s.
18. Reich Ch. The Greening of Society. New York: Bantam Books, 2007. 306 p.
19. Schmidt A. Zur Idee der Kritische Theorie. München: Freiheit, 1994. 370 s.

Онтология глобального общественного развития в неомарксизме

Традиционно неомарксизм рассматривается, прежде всего, в качестве социального учения. И в самом деле, взяв у марксизма его практическое начало, неомарксизм акцентирован на действенный, исторический подход к человеку и его деятельности. Но неомарксизм не является ни в коей мере лишь критической теорией общества. Прежде всего, это глобальная онтология человека в истории и социуме. Во всех направлениях неомарксизма человек не является пассивным объектом гипостазирующего развертывания Бытия. Он является активным творцом общественной истории, ее основным фактором. Именно благодаря такому существу, как человек, развитие общества получает возможность исторически темпорального развертывания в бытии. Не только человеческая природа является источником и причиной онтологических поисков – содержание и направленность этих поисков определяется общественным способом бытия человека. В неомарксизме наблюдается стремление постичь бытие

как изначальную нерасчлененную целостность субъекта и объекта, постулирование свободы и защиты человека от возможного манипулирования, негативное отношение к пассивно созерцательному восприятию жизни. История является тем полем, на котором происходит субъект-объектная встреча, отыскание человеком собственной сущности, преодоление отчуждения.

Большой вклад в тематизацию проблемы бытия в этом ракурсе принадлежит, в первую очередь, Г.В.Ф. Гегелю и К. Марксу, благодаря усилиям которых проблема бытия начинает анализироваться в категориях тотальности и историчности. Разветвленные и взаимодополняющие философские экспликации этих атрибутов бытия встречаем в философии западного марксизма, который также имеет название неомарксизма. Фундамент неомарксистской онтологии заложили ранние произведения Маркузе, труды Блоха, которые появляются в общей тематике с размышлениями позднего Лукача об онтологии общественного бытия, в которых проводится обстоятельный анализ вопросов историчности, тотальности и общественности бытия, онтологических, исторических и феноменологически познавательных взглядов Гегеля и Маркса [19]; осуществлено систематическое изложение и определение теории онтологии общественного бытия, онтологии Гегеля и Маркса, феноменов труда и отчуждения, явления историчности, взаимоотношениям общественного бытия, культуры и социально-политической среды, осуществляя важный вклад в создание методологии и понятийного аппарата социальной онтологии.

Анализ ключевых для онтологии неомарксизма понятий тотальности и историчности в контексте сущности и аспектов общественного бытия прежде всего осуществляется в пределах концепций неомарксистов разных направлений, в частности, Франкфуртской школы социальных исследований, общественной онтологии, «гуманистического аутентичного марксизма», «революционной эсхатологии», субсидиарного демократического социализма, «перманентной социальной теории», теории общественной коммуникативности, современных разновидностей постмарксизма. В возникновении современной научной, философской и мировоззренческой школы неомарксизма значительную роль сыграли разработки украинского философа и политического деятеля Г. Роздольского. Он является современником классического неомарксизма и основателем нескольких из его современных направлений. Он впервые проанализировал и обосновал концепцию развития национальной государственности в условиях интеграционных и глобализационных процессов, вопросы и проблемы исторических и неисторических наций, взаимодействия классовых, национальных, экзистенциально-личностных факторов в условиях общественно-исторических трансформаций. Р. Роздольский научно спрогнозировал тенденции развития индустриального общества – «неокапитализма» – разработав теории, которые непосредственно повлияли на концепции Э. Мандела,

С. Малле, А. Горца, Р. Курца и др., а проблематикой и методологией его работы во многом совпадают с разработками Ю. Хабермаса.

Относясь с глубоким пиететом к творчеству Маркса, классики неомарксизма указывают на то, что именно Гегель заложил фундаменты социальной онтологии и историзма марксистской теории и, соответственно, неомарксизма. Маркс в своем методе, в анализе исторического и общественного развития выходит из последовательного использования гегелевской категории тотальности, наиболее полно выраженной в «Феноменологии духа». В неомарксистской онтологии существует стремление преодоления антитезы субъекта и объекта, логического развития мысли и процесса развития предмета. Наблюдаем процесс преодоления дуализма бытия и сознания, материального и идеального. Фактически в сфере онтологии разные направления неомарксизма постулируют идентичность субъекта и объекта, сознания и действительности. Все, что есть в мире, является одним целым, тотальностью, которой в неомарксизме придается большое методологическое, гносеологическое и онтологическое значение. Структурная особенность и внутреннее содержание гегелевской диалектики является и основой, и в первую очередь, концептуальным полем, на котором действует неомарксизм. Диалектика Гегеля рассматривает события истории в их связях, в их имманентном, противоречивом движении. В догегелевской онтологии господствовало положение об изначальной дуальности субъективности и объективности. И связанный с этим подход о первичности субъективности привел к тому, что историчность, как способ бытия субъективности или вообще не рассматривалась, или определялась с помощью противопоставления способа бытия объективности. Гегель вместо трансцендентального самосознания ставит в центр основы исследования полное бытие жизни (*Das Volle Sein des Lebens*). Он не оперирует абстрактным Я как субъектом переживаний, а указывает, что любые индивидуальные переживания и действия невозможны без соотношения и взаимосвязи с аналогичными у человечества как такового – т.е. они всегда имеют в своей основе историчность. «Гегелевская онтология является основой и почвой для традиции, в которой двигается вопрошание об историчности» [1, 2].

Следует сделать важное уточнение относительно использования понятия «Бытия» в неомарксистских онтологических построениях. Оно никогда не используется в смысле «бытия как таковое». Хотя терминологически «бытие как таковое», «чистое бытие» и т.п. достаточно часто используется в классическом для неомарксистской онтологии труде Г. Маркузе «Гегелевская онтология и основы теории историчности», характеристикой и сутью бытия всегда является понимание его как *Gewordensein*, т.е. бытия в его становлении. Бытие является подвижностью (*Bewegtheit*). Историчность ... есть то, что определяет историю именно как историю, является смыслом того, что «есть», т.е. бытия. Марксизм исходит

из концепции Гегеля, что субъект-объектное отношение не является их взаимоотношением и противостоянием друг другу. Для понимания мира человек должен его постичь (Sich aneignen). Это достигается благодаря активному творчеству человека. Субъект и объект находятся в неразрывной связи, мир становится реальностью для человека лишь во время деятельно-предметного отношения к нему. В историко-философском плане классики неомарксизма – Д. Лукач, Г. Маркузе, Э. Блох – отмечают, что основой своего исследования Гегель берет целостность, целое, пытаясь вывести его из определенной единой основы.

Под понятием «тотальность» Гегель понимает общее, абстрактное. Диалектическая точка зрения на тотальность дает единственный способ отображения действительности. Тотальность допускает выявление всех отношений и опосредованностей бытия. «Тотальность» означает в неомарксизме целостность и единство живой общественной практики и потому характерным признаком ее становится понятие исторической жизни, которая находится в основе дихотомий «субъективного-объективного», «материального-духовного», «необходимого-случайного» и т.п. Ни природа, ни общественное бытие сами по себе не являются историческими, но включаются в историю как объекты человеческой мысли и деятельности. Под бытием в онтологии неомарксизма понимается диалектически переменный, движущий фактор мира, который находится в постоянном развитии. Г. Маркузе использует для его наименования гегелевское понятие «жизнь» [1, 3]. В историчности жизни объединяется субъективность разума с объективностью его действия – объединяются идеализм мышления с реальностью его исторического бытия. Жизнь в свою очередь, на уровне человека является самосознательной исторической формой бытия, которое диалектически утверждает свободу через негативность в отношении к миру как к инобытию. Бытие изначально появляется в качестве «еще-не-ставшего», субъекта материи, которая «существует в возможности» и должна стать материей субъекта, «диалектической материей», двигаясь к преодолению отчуждения между миром и человеком. В человеке чувственно-естественное является неотделимым от рационально-социального, в результате чего история оказывается активностью, творческой деятельностью субъекта, обращением на отчужденную от него, овеществленную среду. Бытие рассматривается онтологией неомарксизма как сфера взаимодействия человека, истории и общества, выступая тотальным феноменом в системе диалектических взаимосвязей.

Маркузе в своей основополагающей онтологической работе «Гегелевская онтология и основы теории историчности» обращает внимание на гегелевскую категорию «жизнь», которая является основанной на субъективном самосознании самоутверждением человека. Это то, что владеет памятью о прошлом, интересуется современным и стремится к

сохранению своего бытия в будущем. Ни природа, ни общественное бытие сами по себе не являются историческими, но включаются в них как объекты человеческой мысли и деятельности. В связи с использованием понятия «жизни» Маркузе обращается к некоторым онтологически-историцистским идеям В. Дильтея: «Дильтей присоединяется к тому моменту, к которому доводит историзм жизни Гегель и который Маркс понял как фундамент: историческое единство человека и мира, сознания и бытия» [3, 367]. Маркузе отмечает, что центральным понятием, из которого в Гегеля возникает проблематика историчности, является бытийное понятие жизни. Смысл бытия определяется начальным единством противоположностей «субъективности» (бытия-для-себя, сознания) и «объективности» (бытия-в-собе, предметного бытия). Поэтому подвижность бытия, в которой разворачиваются разные сферы сущего как его способы развития, является основной характеристикой бытия. «В историчности жизни объединяется субъективность Разума с объективностью его действия, объединяется идеализм мышления с реальностью его исторического бытия» [4, 229]. Историческое становление имеет характер тотальности: с осуществлением самосознания мир приходит в свою действительность. То есть в бытийном присутствии человека мир получает возможность действительного существования, которое проявляется в истории. Опосредствовано все сферы сущего собраны в историческом становлении.

Лукач Д. уточняет, что распределительной чертой между марксизмом и Гегелем является общественная действительность. Гегель оказался не в состоянии постичь имеющиеся движущие силы истории [5, 23]. Это касается в первую очередь диалектики, основой которой является взаимодействие субъекта и объекта и которая в трактовке неомарксистов является равнозначной истории. История, историчность для Маркса и неомарксистов является универсальным принципом развития бытия. В отличие от онтологии Гегеля, бытие в неомарксизме не абстрактно, оно всегда конкретно-предметно в своей историчности. Диалектика является методом целостного, критического, социально-исторического мышления. По Гегелю, смысл всему всемирно-историческому процессу предоставляет увеличительная конкретизация и самореализация начальной абстрактной рациональности. По Марксу, смысл истории заключается в практическом осуществлении потенциальной человечности, скрытой в каждом индивиде, которая бесцельно растрачивается в неблагоприятных общественно-исторических условиях. В исследовании истории марксизм исходит не из первичности идеи или совокупности идей, но из реального человека, условий его жизни и конкретной деятельности (практики). Какой является жизнедеятельность людей, такими являются и они сами. Те условия, в которых существует и развивается человек, социальный уклад, обусловленный им, детерминируют самого человека, его устремления. По

мере развития, отхода от природной обусловленности и необходимости, человек становится творцом собственной истории. Благодаря труду, творению, в жизнь человека входит сфера Разума. Человек сущностно изменяется в ходе истории, он является продуктом истории, т.е. творением самого себя. История является процессом самореализации человека. Настоящим самовыражением, самореализацией является развитие действительных человеческих потребностей: «Богатый человек – это человек, который нуждается во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление является внутренней необходимостью» [6, 125].

Блох Э. отмечает, что мир является взаимодействием субъекта и объекта: «Оба фактора всегда переплетены друг с другом в диалектическом взаимодействии, и только изолированная переоценка одного (в результате чего субъект становится фетишем) или другого (в результате чего объект в обманчивом саморазвитии становится настоящим фатумом) отрывает субъект от объекта» [7, 209]. Поэтому основой исторического процесса является сознание, которое направляет историческое развитие к заложенной в нем цели. И о диалектике можно говорить лишь там, где мы имеем дело с историей, или с деятельностью, взятой в историческом аспекте. История при этом – всегда человеческая история. Диалектика, которая занимается взаимодействием субъекта и объекта является равнозначной истории, «выделяясь» из нее, не будучи чем-то посторонним, привнесенным. Ход истории является становлением индивидуального и общественного самопознания человека. Поэтому задание заключается в том, чтобы постичь историю как становление, которое является опосредованной связью как между временными измерениями, так и в субъект-объектном взаимодействии. Диалектическое развитие бытия согласно Блоху является реализацией в мировом процессе «фактора субъекта», который имеется в объекте как реальная возможность. Сущность истории заключается в изменении тех форм, с помощью которых человек определенной эпохи постигает окружающий мир и которые определяют уклад его как внешней, так и внутренней жизни.

То есть, изначально человечество должно ясно уразуметь и определить принципы своей внутренней жизни. В подобном самопознании и овладении историей и проявляется категория тотальности: познание истории возможно лишь в виде познания исторического процесса как целого, анализ каждого явления в его связях и опосредованностях, определение его места в рамках целостности. Хабермас Ю. отмечает: «Субъект, который конституирует мир, есть не трансцендентальное сознание вообще, а конкретный представитель человеческого рода, который в естественных условиях осуществляет воссоздание своей жизни» [8, 38]. Диалектика как инструмент критической несозерцательности является тотальностью многочасового и многопространственного развития, в котором все неосу-

ществленное, недостижимое в современном, исторически получит проявление в будущем [9, 122]. В онтологии неомарксизма господствует принцип свободного выбора человеком решений. Вся общественная человеческая активность необходимо возникает из альтернатив, предусматривая в отношении к ним выбор, решение. Альтернативы возникают как неотъемлемый фундамент практики, а весь труд – как процесс творчества. Движущую силу исторического развития следует искать именно в решениях людей по поводу тех альтернатив, которые появляются перед ними. Речь идет об альтернативном характере всего исторического развития. «Субъект и объект является сущностно рефлексивными определениями, которые как таковые делаются действительностью лишь на уровне общественного бытия» [10, 28]. Объект, следовательно таким образом, является одним из равноправных партнеров рядом с субъектом в рамках практической деятельности. Таким образом, закономерности общественного бытия неразрывно связаны с индивидуальными актами практики альтернативного характера. Маркузе Г. пишет: «Диалектическое мышление понимает критическое напряжение между “есть” и “должно быть”, прежде всего, как онтологическое состояние, которое относится к структуре самого Бытия. Однако распознавание такого состояния Бытия – его теория – предусматривает сначала конкретную практику» [11, 175-176].

В сущности, онтологический историзм неомарксистов является эпохальным идейно-общественным бунтом против товарного овеществления и отчуждения человека. В истории деятельность человека должна отойти от объективации и стать реальным субъектом того, что происходит. Отчужденная объективация личности, отбрасывание ее историчности ведет к ее овеществлению, отовариванию. Отчуждение у Маркса и неомарксистов означает, что в результате неблагоприятных общественно-исторических условий человеческие существа не получили возможность стать такими, какими они могли бы потенциально быть. Эта потеря основной человеческой самоидентичности, этот конфликт между актуальным существованием и потенциальным бытием проявляются в нескольких формах. Аспектом отчуждения является потеря контроля над продуктами человеческой деятельности. Второй аспект – патологический характер социальных отношений: зависть, конкуренция, недоверие, ненависть и враждебность вместо возможного сотрудничества, взаимности, осмысленного общения и беспокойства об удовлетворении потребностей других людей. Третий аспект – бессодержательная и пустая растрата творческой активности. Четвертый – потеря самоидентичности личности, внутренний ее распад на части, которые являются чуждыми друг к другу. Пятый – отчуждение человека от природы. Как отмечает Д. Лукач, «отчуждение является центральной проблемой времени, в котором мы живем» [12, 23]. Для Гегеля отчуждением является любая объективация духовного в природном, в мире объектов, в пространстве и

времени. Снятие отчуждения для него является просто возвращением к духу, который начинает осознавать свою объективацию в природе и человеческой истории. Маркс отличает отчуждение от объективации, которая неявно присутствует во всей практической деятельности. Только та практика производит отчужденную реальность, которая является нечеловеческой и растрчивает человеческий потенциал. Поэтому для уничтожения отчуждения необходимо практически уничтожить нечеловеческие структуры, институты и отчуждающие общественные отношения [13, 44].

Проблема высвобождения человека в процессе истории от отчужденных, господствующих над ним сил присутствует в разных интерпретациях всех без исключения концепций неомарксистов. Исходным пунктом этого является Марксово понимание отчуждения в качестве 1) антропологической и 2) социально-исторической категории. В первом случае в социальных условиях отношения между людьми формируются подобно отношениям между вещами, деградируют к уровню вещественных взаимосвязей. Анализ отчуждения второго типа требует расшифровки механизмов и закономерностей, которые превращают продукты человеческой деятельности в силу, независимую от человека и господствующую над ним. В неомарксизме отчуждение рядом с социально-экономическим и идеологическим значением приобретает онтологический статус. В таком случае отчуждение проявляется как определенный патологический феномен истории и дефект человеческой личности. Если дать обобщенную характеристику отчуждения в неомарксизме, картина будет такая: отчуждение заключается, прежде всего, в чувстве инородности, которое ощущает человек по отношению к миру, т.е. к природе, другим людям и самого себя. Оно проявляется в пассивном рецептивном отношении. Особым случаем такой ситуации являются отношение к собственным продуктам деятельности, в которых человек не распознает себя как творца, как активную действенную силу. Не он господствует над продуктами, в том числе общественными отношениями, а они над ним.

Наоборот, как указывает Э. Блох, именно человек должен дать развитие миру, раскрыть его потенцию, в том числе в историко-бытийной тотальности, обеспечить переход от Не-бытия к Бытию. Начиная с гегелевской феноменологии, неомарксизм избирает модель, в которой человек предстает как вопрос, а мир как ответ, и наоборот: «В «Феноменологии» обосновывается история опыта сознания как история опыта объективного мира, который обрабатывается человеком. В конкретном движущем субъект-объектном отношении человек как вопрос и мир как ответ означает также: мир как вопрос и человек как ответ, т.е. человек, который пришел к себе, вместе с опосредованными, понятными ему, очеловеченными им необходимостью и природой» [14, 116]. То есть лозунгом общественной практики неомарксизма можно определить снятие отчуждения: завершение объекта в освобожденном субъекте, завершение субъекта в не-

отчужденном объекте. В своеобразной «Библии» раннего неомарксизма – книге Д. Лукача «История и классовое сознание», фиксируется в качестве безоговорочного факта захват овеществлением всей личности человека. Все формы бытия современного человека, включая его ближайшее жизненное окружение, оказываются максимально овеществленными: они полностью просматриваются и просчитываются, не оставляя свободного пространства для уникального самопроявления человека. Беда не в том, что труд и деятельность человека опредмечиваются в разных сферах его бытийной реальности, а в том, что в результате господства эксплуататорско-антагонистических отношений сам человек увлекается овеществлением. «Отношения между людьми приобретают характер вещиности (Dinghaftigkeit), которая в своей внутренней закономерности скрывает всяческий след ее истинной сущности, след отношений между людьми» [15, 257]. Овеществление захватывает личность всех участников антагонистично-отчужденных отношений (и эксплуататоров, и эксплуатируемых), причем во всех сферах их бытия. Овеществление становится второй сущностью человека, приводит к тому, что «личность становится безучастным зрителем того, что происходит с ее собственным бытием» [16, 256].

Как констатирует Ю. Хабермас в «Теории коммуникативного действия», вычленение феномена овеществления человека в процессе отчуждения «отображает единый процесс распада метафизически осмысленного единства Разума на самостоятельные ценностные сферы» [17, 491]. Это же уничтожение единства Разума в процессе отчужденного распада субъект-объектной тотальности отображает Г. Маркузе в произведении «Разум и революция. Гегель и возникновение общественной теории». Разум создает единство природного и человеческого мира. Человек развивается в истории, и обеспечение его потребностей зависит от контроля над природой и обществом. Поэтому их действенной мерой, в конечном счете, является мерило разума. Природа и общество нуждаются в определенном превращении таким образом, чтобы человеческие способности и качества могли свободно развиваться. «Из подчеркивания разума следует, что поступки человека – суть мыслящего субъекта. Сверх этого мыслящий субъект как производитель общих понятий необходимо является свободным. Свобода составляет саму внутреннюю сущность субъективности» [18, 226]. У Т. Адорно отчуждение предстает как непрерывное самоуничтожение просвещения и рациональности, тотальный процесс деградации человечества. Оно имеет свою причину в глубинном самом отчуждении человека, в замещении тотальности Разума тотальностью идеологии.

В своей последней работе «Онтология общественного бытия» Лукач обнаруживает в самом бытии то, которое порождает овеществленное сознание. Он подчеркивает, что овеществление в равной степени допускает наличие и объекту и субъекту. Так как любые действия завершаются в

истории и обществе не сами по себе, и все осуществляемое влияет и на самого субъекта. И потому отчуждение следует рассматривать и как историческое, и как личностное, и как общественно-экономическое и идеологическое явление. Отчуждение не может быть объясненным само по себе, сущность его можно понять лишь в контексте всей совокупности общественных и личностных явлений. Борьба с отчуждением должна вестись не только в социально-историческом плане, но и на уровне отдельной личности. Так как оно проявляется и в субъективно переживаемом крахе автономности личности. Многогранность человеческой личности открывает многовариантность исторического процесса в тотальности субъект-объектном взаимодействии человека и истории. Но любое невосприятие отчуждения может оформиться лишь на фоне преодоления идеологических процессов манипуляции массовым сознанием, которое глубинно деформировало процессы коммуникации. Это приводит к появлению, по высказыванию Маркузе, «одномерного сознания», которое является глубинной предпосылкой разрушения субъективности в процессе отчуждения. Одномерный человек отождествляет мир «того, которое должно быть» (Sollen) с миром бытия (Sein). Происходит явление непосредственной идентификации индивида с условиями его существования, которое перечеркивает сам факт существования его внутреннего мира. Он соотносит свое существование лишь с современным моментом, тем самым выпадая из истории. Мышление одномерности также ограничивает контакт с миром поверхностно, не задевая глубинные структуры и закономерности. Проявлением и одной из причин этого есть явление идеологии, которая стала в условиях неокapитализма транзитивных государств всепроникающей. Она перестала быть лишь явлением из сферы отношения «люди-люди» или межгрупповых отношений; она вышла на арену отношений «люди-природа», «люди-общество», «люди-государство» в масштабе всей цивилизации. На это обращают внимание Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно в «Диалектике просвещения», отмечая, что антагонистично-эксплуататорские отношения изначально начинаются с самопротиворечивого акта расщепления общественного бытия человека на «субъект-объект». Идеология поглотила социальную и естественную действительность, породив одномерное сознание. Идеологизация всех сфер действительности связана с манипулированием сознанием и поведением масс средствами экономического, политического регулирования интересов и потребностей, государственного управления, органами массовой коммуникации. Человек, замкнутый в структуре одномерности, обречен на ненастоящее сознание и не способен противостоять навязываемому порядку мышления и действий, поскольку всякое сопротивление предусматривает наличие свободного внутреннего мира. Между тем, идеология, преобразованная в действительность, поглощает человека как личность. «Нас просто все еще нет, лишь внутри нас

есть возможность встретить что-то более длительное, откуда мы отправляемся по пути строительства собственного дома» [19, 31], – пишет Блох.

Критика идеологий в неомарксизме является одним из путей утверждения общественного бытия. Этим обосновывается, что критика системы манипуляции сознанием народа, которое развернули представители неомарксизма, имеет позитивное значение. В этой критике выражен протест против системы, которая господствует в буржуазном обществе, подавления личности, унификации духа, антигуманизма. В трактовке идеологии представителями критической теории общества в течение всей ее истории при некотором несущественном расхождении между ними является присущей одна общая черта – «антиидеологизм», негативное отношение к любой идеологии как к отчужденному, порочному сознанию. Идеология является, таким образом, постоянным обоснованием господства. Идеология всегда и во всех случаях является «ошибочным сознанием, которое имеет защитные функции» [20, 341]. Идеология является противоположностью науке, истине и потому должна быть отброшена вообще. Мышление не перестает быть идеологическим, т.е. неистинным в своей основе, если оно ориентирует на какое-либо определенное социальное действие и оправдывает его. Идеологии стабилизируют не систему, а отношения господства, однако их стабилизирующая сила все больше и больше ослабляется, сокращается. Но они поддерживают свое существование благодаря планомерному и систематическому контролю с их стороны над массовыми средствами информации [21, 247]. Идеологии всегда играли в истории негативную роль. Эта роль остается за ними и в наше время. Нужно не создавать новую идеологию в виде системно структурной теории, а всячески разрушать существующие идеологические системы.

Современная неомарксистская парадигма, обогащенная разработками теории политики, аналитической, герменевтической философии, все больше обращается к проблеме коммуникации, которая понимается в качестве общего межличностного и межгруппового взаимодействия в рамках языкового и социального дискурса. Ключевым элементом объявляется не индивид и не общество, а коммуникация между людьми в рамках гражданско-общественных отношений, семьи, дружественных и профессиональных контактов, религии и т.д. Спасение сознания от разрушающей единство идеологии должно состояться в коммуникативных актах общения, которые определяют сущность сознания и сознательных действий людей. Изменение понимания и интерпретации мира является предпосылкой изменений в мире. Об этом писал в «Негативной диалектике» Адорно, подчеркивая значение мимезиса в языке, Лефевр, Гольдман и, особенно Ю. Хабермас.

Целесообразным поиском конкретных путей в будущее, настоящим марксистским сочетанием теории и практики являются разработки Хабермаса в сфере коммуникативности и делиберативной демократии.

Равенство как существующих, так и возникающих традиций в развитии человечества должно обеспечиваться тем, что они обязаны отвечать единственному требованию: не претендовать на статус господствующей идеологии, признавать главным условием собственной свободы поддержку аналогичной всесторонней свободы других. Исходящим пунктом является то, что под воздействием классового разделения и идеологического мышления процессы межчеловеческой коммуникации поддаются многочисленным деформациям. Хабермас прямо определяет власть и идеологию как «искривленную коммуникацию» (*verzerrte Kommunikation*). То есть в связи с существованием классов и идеологий коммуникация отклоняется от оптимального состояния. Хабермас подчеркивает роль Маркса как критика и аналитика идеологии. Маркс выделяет несколько типов идеологических иллюзий. Во-первых, это – характерная для идеологии иллюзия универсальности. Речь идет о том, что идеология позволяет себе говорить от имени коллективов, значительно более широких, чем те, интересы которых она реально представляет. Во-вторых – это иллюзии «видимости и естественности»: социально обусловленные черты вещей и явлений подаются в качестве природно обусловленных. Коммуникативная теория указывает на значимость для антропогенеза появления коммуникативного измерения (языка) – т.е. замены инстинктивного управления поведенческим управлением, которое осуществляется с помощью общественных норм и языковых стимулов. В первом случае человеческий род был объектом эволюции, во втором – стал субъектом истории и творцом бытийных форм. Однако в процессе отчуждения, место мира практики, т.е. миру межчеловеческих отношений, опосредствованных практикой и языком, занимает мир идеологии и манипуляции. Человек из субъекта превращается в объект процедур, которые подобны манипуляциям с неживыми предметами. Поэтому мир, в котором практика полностью поглощена технологизированной идеологией – это мир тотального отчуждения, превращения человеческих отношений в товарно-предметные и овеществленные.

Освобождением от такого состояния становится построение общества, которое гарантирует своим членам развитие взаимной коммуникации свободным от любого господства средством. Условия для подобной коммуникации такие: каждый, способный к языку и деятельности субъект может принимать участие в дискурсе; каждый может выступать в дискурсе с любым утверждением и выражать свои взгляды, желания, потребности; никто из тех, кто принимает участие в дискурсе не должен испытывать и создавать препятствий в виде принуждения, которое является производным от отношений господства. Следствием этого будет преодоление ситуации отчуждения, уничтожения классов и государства, идеологии, как «порочного сознания», т.е. тех факторов, которые искривляют и ограничивают человеческую коммуникацию.

Очень важным на пути к общественной эмансипации и духовному реформированию человека, формирования его сознания в стиле мышления свободы является обращение неомарксизма к явлению утопии. Утопия проявляется как стиль мышления, основа формирования духовных ценностей, которые выполняют регулятивную функцию в деятельности и поведении человека, в его превращении в личность, лишенную репрессивного сознания. «Утопичность» этого явления – в невозможности осуществиться не вообще никогда, а лишь исключительно при данных, наявных исторических, экономических и социальных обстоятельствах.

Утопия является противоположностью реально существующим в настоящее время нечеловеческим, отчужденным отношениям. Она является разрывом, который позволяет вырваться за рамки существующего, к настоящей истории, свободному разуму: «Выходя за пределы имеющегося, она предшествует будущему. Утопический элемент долговременно является единственным прогрессивным элементом: такими являются конструкции лучшего государства, высшего наслаждения, полного счастья, вечного мира» [22, 122-123]. «Утопия» в неомарксизме является не только проектом бытийной и общественной перестройки, которая «одномерному», «интегрированному» сознанию кажется неисполнимой, но и ведущим методологическим принципом: принцип действительной революционной критики и принцип революционно критического действия, которые имеют трансцендирующий характер. «Будьте реалистами – требуйте невозможного!», призывает Маркузе. Это является выражением стремления выхода из настоящего, когда человек является чем-то наподобие блоховского «еще Не», но имеет надежду на осуществление в настоящее время «невозможного» благодаря переходу от отчужденного небытия к освобожденному бытию, от господства необходимости предыстории к историческому царству свободы [23, 19]. Неомарксизм поддает критическому отрицанию существующее разделение индивида и общества, в силу которого индивиды принимают предоставленные им пределы деятельности как «естественные» и «неизменные», он релятивизирует и это разделение, и эти пределы. Пределы, обусловленные «слепыми», независимыми от индивидов силами, – данный тип распределения труда, классовые антагонизмы и т.п. – понимаются критической социальной теорией неомарксизма как исторически переменные, как функция совокупной человеческой деятельности, которая может быть подчиненной разумному целеположению. Тем самым расколотость общества и расслоения индивидов постигается в своих истинных истоках; неосознанное противоречие осознается, становится источником деятельности по его «отрицанию».

В 1986 г. в Германии было создано неомарксистское (точнее, постмарксистское) объединение «Кризис» как «теоретический форум для радикальной критики капиталистического общества». До 1989 г. объеди-

нение носило название «Марксистская критика». Его членами являются современные философы, социологи, правоведы, экономисты, в частности, Роберт Курц, Розита Шольц, Норберт Тренкле, Эрнст Лохоф, Ахим Белгарт и Франц Шандл и др. Объединение «Кризис» проводит анализ и критику современного капитализированного общества, основанную на фундаментальном переосмыслении понятий товара, стоимости и денег, проанализированных Марксом в «Капитале». В «Манифесте против труда» группа «Кризис» выступает против утверждения Маркса о классовой борьбе как двигателе истории. Борьба между пролетариатом и буржуазией не является борьбой революционного класса со своим угнетателем, а является борьбой двух противоположных интересов, интегрированных в капитализм. Общественное противоречие между трудом и капиталом – это всего лишь противоречие между разными (хотя обладающими различной силой) интересами внутрикапиталистической самоцели. Классовая борьба была формой выражения этих противоположных интересов на общей социальной почве системы товарного производства. В обществе, где как самоцель властвует товарное производство, действительным богатством может считаться только то, что представимо в денежной форме. Завоевание средств производства свободными ассоциациями в борьбе против насильственного государственного и юридического управления может означать лишь, что эти средства производства больше не будут работать на анонимные рынки в форме товарного производства. Жизнь должна определяться уже не самоцелью труда и «занятости», а организацией разумного применения общих возможностей, регулируемое не автоматической «невидимой рукой», а сознательным общественным действием [24, 13]. Самоорганизация и самоопределение прямо противоположны государству и политике. Завоевание социально-экономических и культурных пространств свободы осуществляется не на обходном, подчиненном, ложном пути политики, а как строительство контр-общества. Свобода означает: не позволять рынку отчуждать себя, а государству – управлять собой; это значит – организовать общественное целое под своим собственным руководством, без посредничества промежуточных, отчужденных механизмов [25, 127]. В этом смысле противники труда хотят найти новые формы социального движения и завоевать плацдармы для воспроизводства жизни по ту сторону труда. Необходимо соединить формы практики контр-общества с наступательным отказом от труда.

Для осуществления социальной революции является необходимым класс-катализатор социальных изменений, но он сможет выполнить свою миссию лишь в том случае, если он освободится от всех репрессивных преформаций. Радикальное превращение социальной системы все еще зависит от того класса, который создает человеческий базис процесса производства. В развитых странах им является индустриальный класс. Изменения в составе этого класса и размер его интеграции в систему

изменяют не потенциальную, а актуальную политическую роль рабочего класса [26, 101]. Поскольку он «в себе», но не «для себя» (объективно, но не субъективно) является революционным классом, постольку его радикализация зависит от катализаторов, которые находятся вне его состава. Этим катализатором, согласно концепции неомарксизма являются, прежде всего, средние слои интеллигенции, которые играют основную роль в процессе «пробуждения» интегрированного в систему большинства. Они «катализатор», «авангард», «детонатор», т.е. силы концентрации оппозиции, они владеют относительной самостоятельностью как в идеологическом, так и в политическом планах. В неомарксизме это связано с новым пониманием «пролетариата», под которым имеются в виду социальные группы, которые не заинтересованные в увековечении системы отношений наемничества, а стремятся к ее трансформации. Согласно неомарксизму, «пролетариатом» является не какой-то определенный класс. Это общественное явление не сконцентрировано в социальной группе. Им являются как отдельные индивиды, так и разные общественные группы, сознание и деятельность которых, по выражению Э. Блоха, являются «неодновременными» существующим антагонистичным отношениям, а воображение и мысль направлены в будущее: «Ожидание, надежда, стремление к еще неосуществленной возможности, – это не только основная черта человеческого сознания, но и основное назначение внутри всей объективной действительности» [27, 5]. Эта направленность идет дальше ревизионистского социал-демократического «мелиоризма (стремления к незначительному совершенствованию), фантазии которого не способны к достижению того, чтобы представить себе появление нового иначе, чем через количественное накопление имеющегося» [28, 49].

Реальные изменения в положении интеллигенции в современном обществе, изменение ее социального статуса определяют ее способность проявляться не только в качестве носителя научного знания и революционного сознания, но и в качестве революционной силы. На смену ситуации, когда интеллигент продавал лишь продукты собственного труда, в котором он выражал собственную натуру, а не свою рабочую силу, как пролетарий, т.е. имел непродуцированный труд, пришло охватывание производственностью и этой сферы. Интеллигенция, как когда-то более или менее единая целостная социальная группа теперь уже практически не существует в развитом индустриальном обществе. С точки зрения своего социального бытия интеллигенция дифференцируется: одна ее часть вливается в ряды буржуазии, или соотносит себя с ней, другая – значительно большая по объему – втягивается непосредственно в сферу производства (прежде всего дополнительной стоимости), и ее труд становится производственным, близким к труду промышленного работника. При этом объективно, хотя и этого пролетаризированные интеллектуалы или нет, они уже проявляются в качестве непосредственных выразителей

требований рабочего класса и других эксплуатируемых, которые теперь становятся их собственными требованиями. Пролетаризированная интеллигенция, не теряя свою традиционную, просветительскую функцию, продолжает выступать как социальная сила, которая разрабатывает освободительно-революционную идеологию экономико-политической общественной и индивидуальной эмансипации [29, 128].

Неомарксизм обращает внимание на то, что господство классовых сил внутри «развитого общества» при новых формах социального контроля теряет абсолютный политический характер. «Новый класс» (по терминологии С. Малле, А. Горца) трудящиеся, осознавая свое положение на производстве и в обществе, требуют коренной перестройки общественных отношений, широкого участия в управлении производством, создания широкого общественного самоуправления [30, 64]. Общественно-катализаторский класс, согласно неомарксизму, чтобы стать исторически движущим пролетариатом в изменяемых общественно-исторических условиях и, соответственно, изменяемых условиях своего социального бытия должен каждый раз заново осознавать свое «новое» бытие, т.е. заново воспроизвести себя как «класс для себя», а тем самым и как «класс для других». Однако между изменением бытия класса и осознанием им этого изменения почти всегда имеет место временной промежуток – «разрыв», который господствующий, «стабилизационный» класс стремится в идеале увековечить, или, по меньшей мере, сохранить на длительное время, используя и средства экономико-политического, идеологического, массово-коммуникационного давления и манипуляции. Согласно неомарксизму, социальная группа, класс, если он хочет находиться в центре общественной борьбы и быть выразителем интересов всего общества, должен поставить во главе своей борьбы не только собственные узкоэкономические цели, а проблемы всего общества, в частности: бюрократическое (и, особенно, техnobюрократическое) господство, этатизм, манипуляция сознанием и поведением масс, эксплуатация, засилье массовой культуры, противоречия между злоупотреблением и разбазариванием производственных сил и всем тем, что создают современная наука, техника и труд, что все больше и больше превращается в общественную силу, в главный антагонизм.

История становления человечества, которую Маркс назвал его «предысторией», является историей классового общества. Актуальная история человечества начнется тогда, когда это общество будет упразднено. Когда материальные процессы становятся рациональными и превращаются в сознательное дело людей, слепая зависимость сознания от социальных условий прекратит свое существование. Разум, если он детерминирован рациональными социальными условиями, детерминирован самим собой. Коммунизм как таковой не является целью развития человечества. Он начинается с отмены частновладельческих отношений

как в экономических, так и в межчеловеческих отношениях. Прежде всего, он является эпохой формирования предпосылок того, чтобы «свободное развитие каждого стал условием свободного развития всех», ознаменовав начало новой эпохи, которую Маркс назвал «позитивным гуманизмом»: «Коммунизм – гуманизм, опосредствованный с самим собой путем снятия частной собственности. Только путем снятия этой опосредованности возникает начинающийся с самого себя, позитивный гуманизм» [31, 163]. Таким образом, целью общественно-исторического развития является освобождение человека от всех форм притеснения, возвращения ему отчужденной человеческой сущности. Движущая сила этого процесса, пролетариат, достигая цели, отменяет себя, а точнее, сам становится всем человечеством, а человечество – им. Установление «неограниченной коммуникации» приводит к появлению бесклассового коммуникативного уклада, выстроенного по принципам разума и свободы. Никакие формы отчуждения не могут и не должны быть в нем внедрены, институализированы и преобразованы в узаконенные публичные структуры, которые определяют нашу жизнь. Именно это имел в виду Маркс, характеризуя переход от отчужденного к освобожденному человечеству. Разум в качестве противоположности репрессивных отношений и репрессивного сознания, проявляется как способность человека к установлению истинных, неотчужденных отношений на принципах свободы. Прорыв разума в негативном невосприятии притеснения, несправедливости и меркантилизма, осуществляет новую взаимосвязь человека с миром. Человек как общественно-историческое проявление и осуществление бытия, предстает творцом нового духовного и общественного мира тотальной коммуникации. Тотальность истории, непрерывного прорыва из мира подчиненности и притеснения, дополняется не меньшей же тотальностью коммуникации, которая является обязательным условием утверждения духовной и общественной свободы. Потому что непреходящим условием ее является осознание взаимозависимости каждого от свободы другого: «Лишь ради утративших надежду предоставлена нам надежда» [32, 338].

Неомарксизм исходит из того, что в таком обществе, которое в своей тотальности определяется экономическими отношениями, причем определяется таким образом, что ничем не сдерживаемая экономика господствует над всеми человеческими отношениями, в подобном обществе все неэкономические элементы являются определенными экономикой. Когда это господство сбрасывают, то оказывается, что разумная организация общества, на которую нацелена критическая теория, является чем-то большим, чем по-новому устроенная экономическая форма. Это большее имеет решающее значение, лишь благодаря ему общество и становится разумным: подчинение экономики потребностям отдельных индивидов. С изменением общества снимается первичное соотношение между надстройкой и базисом. В разумной действительности уже не процесс

труда должен определять общее существование людей, а все общие потребности должны определять процесс труда. Главное заключается не в том, что процесс труда будет регулироваться в соответствии с планом, а в том, каким интересом будет определяться эта регуляция и будут ли при этом сохранены свобода и счастье масс. «Пренебрежение к этому элементу лишает теорию чего-то существенного; оно устраняет из картины освобожденного человечества идею счастья, благодаря которому оно должно отличаться от всех прежних состояний в истории человечества» [33, 113]. Без свободы и личного счастья в общественных отношениях людей максимальное повышение труда и даже отмена частной собственности на средства производства будут нести на себе печать старой несправедливости. «В строгом смысле освобождение предусматривает свободу» [34, 271]. Свобода может быть осуществлена лишь в том случае, если ее проводниками и носителями являются свободные индивиды, освобожденные от потребностей и интересов господства и притеснения. Сама революция должна идти вперед лишь через свободу, иначе будет сохраняться принцип притеснения, будет неминуемым фатальное разногласие между «непосредственными» и «истинными» интересами индивидов, индивиды станут объектами их собственного освобождения, а свобода – делом администрации и декрета. «Прогресс превратился бы в прогрессирующее притеснение, а “промедление” в осуществлении свободы угрожало бы стать самодостаточным и увековечиться» [35, 374].

Общественную революцию неомарксизм рассматривает как слом этой детерминации. В мире освобожденного человека должно быть нечто большее, нежели только экономика. Более того, приматом в этом мире должно быть именно неэкономичное, человеческое. Под этим аспектом общественная собственность и плановое производство существенно теряют свой характер в интересах идеи человеческого счастья. Новый строй должен доказать свою высшую ценность не только путем экономических достижений, не только с помощью экономических принципов производительности, а именно благодаря этике, которая, будучи взятой автономно, формирует свое реальное содержание.

Литература

1. Marcuse H. Hegels Ontologie und die Grundlegung einer Theorie der Geschichtlichkeit. Habilitationsschrift. Frankfurt.a. M.: EA Frankfurt, Klostermann, 1932 (S. Auflage, 1968). 368 s.
2. Marcuse H. "Das Problem der geschichtlichen Wirklichkeit: Wilhelm Dilthey". "Die Gesellschaft". 1931. Bd.VIII, H. 4. s. 350-367.
3. Marcuse H. Hegels Ontologie und die Grundlegung einer Theorie der Geschichtlichkeit. Habilitationsschrift. Frankfurt.a. M.: EA Frankfurt, Klostermann, 1932 (S. Auflage, 1968). 368 s.

4. Lukács G. Geschichte und Klassenbewußtsein. Studien über marxistische Dialektik. Neuwied/Berlin: Luchterhand, 1988. 342 s.
5. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. [Текст] // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Сочинения. – Т. 42. – С. 41-174.
6. Bloch E. Das Prinzip Hoffnung. Bd I. Frankfurt am Main.: Suhrkamp, 1993. 1085 s.
7. Habermas J. Erkenntnis und Interesse. Fr.a.m.: Suhrkamp, 2003. 75 s.
8. Bloch E. Erbschaft dieser Zeit.- Fr.a.m.: Suhrkamp, 2001. 415 s.
9. Lukács G. Zur Ontologie des gesellschaftlichen Seins. Die ontologischen Grundprinzipien von Marx (auf Einbanddeckel: Ontologie – Marx). Darmstadt/Neuwied: Luchterhand, 1972. 194 s.
10. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества [Текст] / Г. Маркузе. – К.- М., 1994. – 368 с.
11. Lukács G. Geschichte und Klassenbewußtsein. Studien über marxistische Dialektik. Neuwied/Berlin: Luchterhand, 1988. 342 s.
12. Маркович, М. Маркс об отчуждении [Текст] / М. Маркович // Вопросы философии. – № 9. – 1989.
13. Блох, Э. Тюбингенское введение в философию [Текст] / Э. Блох. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 400 с.
14. Lukács G. Geschichte und Klassenbewußtsein. Studien über marxistische Dialektik. Neuwied/Berlin: Luchterhand, 1988. 342 s.
15. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Band 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft.- Fr.a.M.:Suhrkamp,1981. 632 s.
16. Marcuse H. Vernunft und Revolution. Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie. Darmstadt/Neuwied : Luchterhand, 1979. 399 s.
17. Bloch E. Das Prinzip Hoffnung. Bd. I. Frankfurt am Main.: Suhrkamp, 1993. 1085 s.
18. Habermas J. Technik und Wissenschaft als "Ideologie". Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999. 170 s.
19. Habermas J. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Was leistet die Systemforschung? Von Jürgen Habermas und Niklas Luhmann. Frankfurt a. M., 1971. EA. Frankfurt, Suhrkamp, 1971. 406 s.
20. Marcuse H. Kultur und Gesellschaft. Frankfurt a. M.: Verlag, 1970. 183 s.
21. Marcuse H. Carstvo slobode i carstvo nuznosti. «Praxis», 1969. № 1-2.
22. Jappe A. Die Abenteuer der Ware. Münster: UNRAST-Verlag, 2005. 253 s.
23. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus. Münster: UNRAST-Verlag, 2008. 220 s.
24. Mandel E. Arbeiterkontrolle, Arbeiterräte, Arbeiterselbstverwaltung. Eine Anthologie. Frankfurt/M. Europäische Verlagsanstalt, 1971. 466 s.
25. Bloch E. Das Prinzip Hoffnung. Bd. I. Frankfurt am Main.: Suhrkamp, 1993. 1085 s.

26. Habermas J. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. – Fr.a. M.: Suhrkamp Verlag KG, 1976. 345 s.

27. Gorz A. Arbeit zwischen Misere und Utopie. Frankfurt, Suhrkamp 2000. 207 s.

28. Mallet S. Die neue Arbeiterklasse. Neuwied/Berlin. Luchterhand. 1972. 267 s.

29. Marcuse H. Vernunft und Revolution. Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie. Darmstadt/Neuwied: Luchterhand, 1979. 399 s.

Постиндустриализм и альтернативы глобального развития

Отсутствие согласия между членами мирового сообщества относительно идеалов и механизмов утверждающегося на планете строя чревато нарастанием как подспудного, так и все более открытого соперничества новых исторических проектов, международных систем и социальных мотиваций. Со временем подобное соперничество может стать источником коллизий не менее значимых и судьбоносных, чем традиционные формы конфликтов между странами и народами. На рубеже третьего тысячелетия, во взаимодействии и столкновениях схем мироустройства, культурных архетипов, региональных и национальных интересов, рождается многомерный Новый мир будущего века. Если в XXI в. не будет условий для свободной самоорганизации государственной власти, то можно прийти к заключению, что в грядущем столетии человечество не сможет вступить в эпоху ноосферы. Ее формирование представляется нам как процесс самоорганизации устойчивых целостностей в природе и обществе, в многополюсном мире в целом. Ученые предполагают, что процесс ноосферогенеза будет идти неравномерно на земле, что связано с различием социально-экономических условий в разных странах и континентах. В отдельных странах данные процессы могут происходить наряду с другими самоорганизационными процессами в экосистемах, сознании, в итоге образуя своеобразные «острова» ноосферы.

В результате анализа современного мира, в котором мы существуем, социально-философская, экономическая и политическая науки современности констатируют наличие в нем инородных человеку состояний и сил, которые не только не удалось ослабить, но более того – сегодня человек и человечество попали в такие жесткие зависимости и опасности, которые не просто угрожают превратить ее в объект неподвластных ей отношений, но и ставят под угрозу в глобальных масштабах сами основы человеческой жизни.

Поэтому актуальными стали вопросы определения глобальной трансформации мироустройства, системного характера происходящих на планете изменений, общих закономерностей истории. Прошлое и будущее не существуют сами по себе как полностью автономные пространства,

поскольку слиты в едином потоке времени истории главным субъектом исторического действия – человеком. Вряд ли мы поймем суть происходящих на планете изменений, если не опознаем эти резонирующие со временем длинные волны истории.

На пороге нового тысячелетия возникает опасение: смогут ли общественные науки ответить на вызовы истории или же проекты будущего ограничатся философским дискурсом, политическими и идеологическими спекуляциями, политически корректной риторикой.

Учитывая вышесказанное, достижение заявленной цели сопряжено с решением следующих основных задач:

- проиллюстрировать специфику точки зрения и оценки общего характера глобальной эволюции государства;

- аргументировать точку зрения, согласно которой постмодернизм представляет собой мировоззрение информационного общества;

- критически проанализировать существование в нашей науке идей о ближайших и отдаленных перспективах государственности.

Многие исследователи описывают постиндустриальное общество как последнюю «формацию» в эволюционном ряду естественно-стихийного развития человечества, как западную модель, закат евроатлантических ценностей. В этом, по сути, фиксируется невозможность функционирования модели неустойчивого развития и вероятность глобального катаклизма. Постиндустриальное общество, вырастая из общества индустриального, в значительной степени детерминировано своим прошлым. Вместе с тем устойчивое общество во многом зависит от образа представляемого будущего, что и определяет, в частности, методологический спектр изучения данных процессов. Если к постиндустриальному обществу применимы традиционные методы исследования цивилизационного процесса как естественно-исторического развития, то к последующему устойчивому развитию необходимо подходить в определенной степени с позиций созидательно-конструктивного и ноосферно-футурологического подхода. В мире происходит глобальная революция в информационном пространстве, скорость и масштаб которой напрямую характеризуется конкретной ситуацией в каждом государстве. Причем ее темпы и глубина не всегда оказываются в прямой зависимости от уровня научно-технического развития конкретного общества. Следует констатировать, что прорыв в постиндустриальное общество отягощен в разной степени индустриальным прошлым, доставшимся в наследство от Модерна. А демократия - наиболее живучее детище не только Модерна, а и Классики, если подразумевать под последней целостный цикл развития цивилизации от Античности и до 60-х гг. XX в. Данный цикл характеризуется рациональным способом мирочувствования, в контексте которого демократия естественна и органична.

Страны, отягощенные Модерном, входят в постиндустриализм преимущественно через собственный научно-технический потенциал в затратном режиме, а аутсайдеры – восточные и латиноамериканские государства – в значительной степени используют при этом свой социокультурный – религиозный, морально-этический, мистический опыт. На наш взгляд, в последнем случае факторов, препятствующих новой реальности и базирующихся на прежних модернистских ориентирах, значительно меньше. Аутсайдеры получают возможность развиваться без пережитков Модерна, в частности, демократии. В связи с этим еще Уинстон Черчилль считал, что демократии присущи множество недостатков, но она – лучшее изобретение человечества. Действительно, демократия обеспечивает эффективное управление сложными социальными системами, используя многообразные обратные связи с гражданским обществом, что слабо действует при монархическом и авторитарном способе правления. При быстрых переменах в современной социальной жизни начинают проявляться изъяны демократии, которая ориентирует власть больше на тактические, чем на стратегические программы. В условиях значительных темпов глобализации, меняющих сегодня состояние мира, необходима иная аксиологическая стратегия. В новой системе ценностей должна присутствовать ответственность перед природой, перед будущими поколениями. Поиск таких ценностных ориентиров – задача индивидов, социумов, всего человечества. Он может осуществляться с учетом культурно-национальных особенностей в форме диалога. Результатом такого подхода может стать некая система ценностей, которая изменит стратегию современного развития, ориентированную на идеалы потребительского общества. В результате диалога культур могут возникнуть новые ценности, отличные от традиционалистских и техногенных. Возможно, для этого понадобится духовная революция, сопоставимая с той, которая прошла в эпоху Ренессанса. На наш взгляд, в этом наиболее перспективный, хотя и трудный для реализации сценарий.

Однако вполне вероятно, что в ближайшее время процессы глобализации будут протекать не как равноправный диалог культур, а как активное одностороннее воздействие современных западных ценностей потребительского общества на другие культуры. Стремление стран-лидеров западного мира сохранить свое доминирующее положение в пространстве мирового рынка может стимулировать консервацию существующего положения дел и активную защиту традиционных ценностей западной техногенной цивилизации, что повлечет за собой нарастание экологического, антропологического и других глобальных кризисов. Если посмотреть на происходящие процессы с точки зрения практической политики, то информационная революция проявляется в масштабном властном переделе. Прежние политические, бюрократические, финансово-экономические элиты оттесняются от рычагов реального управления новым клас-

сом экспертократией («новый класс»). Кастовая и иерархическая структура, которая обладает эксклюзивной информацией и хранит свои секреты за паролем, не подвластными никаким хакерам из непосвященных, становится отличительной чертой формирующегося класса. И знаменитый принцип демократии – легитимность – здесь не работает: ведь то, что желает большинство, практически никогда не совпадает с тем, что необходимо для наиболее эффективного развития. И потому власть при постиндустриализме обретается не мастерством ситуационного компромисса, а квалификацией, основанной на уникальном образовательном проекте, профессиональном опыте или незаурядных личных способностях. Такой новый строй можно назвать постдемократией, которая ориентирована на личность и ее профессиональное мастерство, не доступное для остальных. Поэтому постдемократия в данном аспекте не отличается от демократии, построенной на электорально-постановочном антураже, обезличенности, манипулятивности, тоталитарной политкорректности, плутовстве и обмане, возведенных в ранг государствообразующих принципов. Вероятно, в будущем окончательно утратит прежнюю прямую и непосредственную сопряженность с властью вопрос об отношениях собственности. Сегодня так называемая «революция менеджеров» уже положила начало этому процессу. В современной корпоративной культуре владельческий статус предельно размыт, и в дальнейшем это приведет к своеобразным люстрациям – изгнанию из власти тех, кто не пожелает конвертировать свои владельческие возможности в нематериальный профессиональный ресурс. Поэтому существует вероятность снижения уровня теневой политики и коррупции. В конце концов, при постдемократии будет опровергнут тезис о гражданском обществе как субъекте, находящем наиболее адекватное воплощение именно в электоральных практиках.

В XXI в. роль государства вполне возможно, будет усиливаться, а все разговоры о его скорейшем отмирании, как показал весь опыт XX в., – пока что несостоятельны. В настоящее время государство неоправданно ослабило своё влияние по некоторым исключительно важным направлениям общественного развития. Человек утратил право на защиту от преступности, насилия, проявлений сексуальной революции, примитивной культуры и унификации. При этом государство должно обеспечить и определённую меру свободы каждого гражданина. Все основные национальные и государственные идеи будущего могут базироваться на принципах синергетики и системности. В первом случае общечеловеческие ценности необходимо адаптировать к этническим и государственным особенностям народов. Согласно второму принципу, национально-государственные идеи должны быть целостными и динамически уравновешенными в структуре: отдельные элементы систем – государство (его субъекты) и государство (субъекты) – окружающая среда.

1. Вопросы государственного устройства приобретают сегодня особое значение ввиду обострения таких проблем, как потребление, перераспределение огромных ресурсов энергии, вещества и информации. Человечество непрерывно вовлекает в этот процесс новые предметы, конструкции, технологии, техногенные процессы, которые находятся в противоречии с естественными законами природы. XX век продемонстрировал, как амбициозные и безграмотные политические деятели принимали неправильные и односторонние государственные решения и делали человека прошлого столетия безгласным исполнителем в разрушительных войнах, односторонней идеологии и губительных авантюрах.

2. Глобальная сущность устойчивого развития диктует не только необходимость почти одновременного по историческим масштабам перехода суверенных государств к новой цивилизационной парадигме, но и усиление интегративных тенденций в мировом сообществе. Устойчивое развитие общества ведет к глобальной конвергенции стран и других субъектов мирового процесса при различиях в уровне социально-экономического развития, этнических, культурных и прочих особенностях государств с целью сохранения человечества и биосферы.

3. С формированием нового строя – постдемократии – происходят изменения и в социальной структуре общества. Рычаги реального управления переходят к новому классу – экспертократии, который обладает эксклюзивной информацией, доступной для избранных профессионалов.

4. Перемены в мировоззрении и общественной психологии не менее важны, чем изменения в материальной, событийной жизни общества, поскольку первые являются основным фактором социальных революций, порождающим грандиозные трансформации экономического и политического статуса мира. С развитием капитализма человек вступил в эпоху бездуховности и утраты религиозных смыслов. Социокультурная реальность постиндустриализма по-прежнему характеризуется органичной ценностной иерархией, упадком высокой культуры и искусства и вырождением религии. Поэтому этот этап своего развития человечество, вероятно, проиграло.

Литература

1. Christoph K. Solidarität. Baden-Baden: Nomos, 1999. 223 s.
2. Dannemann R. Das Prinzip Verdinglichung. Wiesbaden: Panorama, 2005. 166 s.
3. Fuchs A. Solidarität der Sozialpolitik. Bonn: Taschenbuch-Verlag, 2003. 227 s.
4. Kurz Robert. Schwarzbuch Kapitalismus. Ein Abgesang auf die Marktwirtschaft. Munchen: Ullstein, 2001. 456 s.
15. Lafontaine O. Fortschritt und Solidarität. Bonn: Reinbek Verlag, 2008. 228 s.

6. Ludtz P. Die Ideologie des Sozialdemokratismus in der Sicht der Komunisten. Hamburg: Das Vorwärts Buch, 1993. 397 s.

7. Mark S (Stephan). Dialektisches Denken in der Philosophie der Gegenwart. Die Ideen des Marxismus und die Reform der Demokratie. Köln-Hannover: SPD-Verlag, 1997. 224 s.

8. Meyer Th. Grundwerte und Wissenschaft im demokratischen Sozialismus. Berlin/Bonn: J. H. W. Dietz Verlag, 2008. 246 s.

9. Meyer Th. Grundwerte, Wissenschaft, konkrete Utopie. Hannover: Fackeltrager Vlg., 1996. 287 s.

10. Schmidt A. Beiträge zur marxistischen Erkenntnistheorie. Frankfurt a.M., Suhrkamp, 1998. 264 s.

Институциональное общественно-экономическое развитие социальной справедливости в контексте делиберативной модели демократии

Первой и наиболее характерной особенностью классической античной модели демократии было правление на основе большинства голосов всех граждан. Обычно оно определялось по поднятым рукам на народном собрании или эклезии. Власть демоса не делегировалась выборной палате профессиональных политиков, как в буржуазной системе. Вместо этого, простой трудовой народ, а тогда это были крестьяне и торговцы, собирался вместе для обсуждения, споров и голосования по затрагивавшим их вопросам. «Правительства» как такового не было, вместо него функции народной администрации выполнял совет города или совет пятисот. В отличие от советов нынешней плутократии, его члены отбирались по жребию, а не на выборах. Была ротация должностей и люди работали в совете только год, а потом заменялись. Совет не имел законодательной власти и отвечал за осуществление политики, принятой народным собранием. Каждый гражданин имел право выступать и голосовать на собрании и получал деньги, которые он потерял, потратив время в совете.

Вторым важным институтом были народные законные суды или дикастерии. В этих судах не было судей, вместо этого там были дикасты, игравшие роль и судьи, и присяжных. Дикасты избирались по жребию из числа всех граждан с помощью утонченной процедуры с использованием списков и машин для жеребьевки. В суде решения принимались с помощью шаров и не могли оспариваться. Как утверждал Аристотель, контроль над судами давал демосу контроль над конституцией. На выборы смотрели с большим подозрением, и они не использовались иначе, чем для военных должностей. Выборы, как говорил Аристотель, являются аристократическими, а не демократическими; они привносят элемент сознательного выбора, отбора «лучших людей», аристой, вместо правления всего народа (Аристотель, Политика, 1300). Он намекает на то, что должно быть очевидно: «лучшие» люди в классовом обществе будут наиболее

состоятельными. Бедняки и чернь являются, разумеется, «неподобающими» кандидатами на выборах. Только там, где требовалась специфическая квалификация, как в случае военачальников, выборы считались безопасной процедурой. Если управление определялось жребием, каждого могли призвать на эту службу, что приводило к высокой политизации населения. Одни и те же люди принимают на себя ответственность как за собственные дела, так и за дела государства, и хотя разные люди разной работой, это не значит, что они не проявляют заботы о государстве: мы единодушно рассматриваем людей, отказывающихся принимать в этом участие не как невмешивающихся, а как бесполезных.

Защитники демократии выступают с радикальной критикой буржуазного государства XX века, но, парадоксом является то, что практика классической демократии выглядит для них столь новой и чуждой, что вполне вероятно, что автоматически ее станут отрицать. Защитники демократии должны выработать убедительные аргументы против обычных возражений. Современная политология является очень элитистской по своему содержанию. Предполагается, что современное государство столь сложно, что только элита политических профессионалов может с ним совладать. Простые афинские граждане могли править маленьким городом-государством, но они не были готовы к столкновению с занятой полный рабочий день бюрократией современного государства. Поэтому вам нужны профессиональные политики с оплачиваемым штатом исследователей. Из опыта мы знаем, что эти профессиональные политики совершенно беспомощны перед лицом решительной исполнительной ветви власти и, в любом случае, мало склонны к тому, чтобы радикальным образом ставить под вопрос систему, от которой зависят их карьерные возможности. В более фундаментальном плане аргумент «экспертизы» сталкивается с двумя проблемами. Одна из них – это вопрос технической экспертизы в таких специфических вопросах, как общественное здравоохранение, технология или военные вопросы. Другая – это то, что Протагор назвал *politike techne*, искусство политического суждения. Протагор утверждал, что все в равной степени наделены этой способностью. Когда дело доходит до вопроса, в их ли интересах принято решение, любой гражданский субъект имеет те же условия, что и член парламента, учитывая, что они оба лишены специальных технических знаний.

Другой распространенный аргумент против классической демократии заключается в том, что это была демократия рабовладельцев, и ей нечему нас научить. Во-первых, это возражение неуместно – современные защитники демократии не предлагают возродить рабство. Также оно основывается на неправильной оценке греческого общества. Афины не были демократией рабовладельцев, они были демократией свободнорожденных граждан. Рабы были исключены из числа граждан, но большинство граждан не было рабовладельцами. Большую часть демоса составляли

трудящиеся бедные крестьяне и ремесленники. Демократия была инструментом, который они использовали в классовой борьбе против богачей, крупных землевладельцев, а также крупных рабовладельцев. Последние предпочитали олигархическое устройство, и, в конечном счете, смогли ввести его с помощью римского империализма.

Более прозаический аргумент против прямой демократии основан на масштабах. Просто невозможно собрать всех граждан современного государства на агоре или городской площади, чтобы обсудить положение дел в государстве. Но это возражение не учитывает возможностей современных технологий. Телевидение и Интернет создали глобальную деревню. Нет никакой технической проблемы в том, чтобы сделать пульт голосования для каждого компьютера, телевизора, чтобы мы могли голосовать, наблюдая дебаты на представительном собрании в студии. Телепрограммы, посвященные текущим событиям, обычно нередко предоставляют случайно отобранным зрителям возможность задать вопрос политикам. Во время этих программ общественность настроена к политикам намного жестче, чем ведущие. Мы убеждены, что народ способен делать важные политические выводы по результатам подобных дебатов.

Современное государство основывается на централистских, иерархических принципах. Институты демократии представляют собой совсем другую модель. В античной демократии не было правительства, премьер-министра, президента, главы государства. Суверенная власть заключалась в народном собрании. Отдельные ветви государства возглавлялись присяжными или руководителями, избираемыми по жребию. Власть не сосредотачивалась ни вверху, ни внизу, а была распределена. Мы можем обрисовать, как эти принципы можно приложить к современным условиям. На одном уровне, суверенитет народа будет осуществляться с помощью электронного голосования в рамках теледебатов. Чтобы обеспечить всеобщность, право на телевизоры и устройства для голосования должно быть конституционно закреплено. Это будет аналогом платы за работу в совете, которую афиняне ввели, чтобы позволить беднякам участвовать в собраниях.

Поскольку только меньшинство решений, которые нужно принимать в стране, можно полностью выносить на народное голосование, другие общественные учреждения должны находиться под наблюдением разнообразных комиссий. Администрации по радиовещанию, водоснабжению, почте, железнодорожному сообщению и т.д. будут контролироваться советами, в которые по жребию будут избираться потребители и работники. Такие советы не будут подотчетны никакому правительственному министру, напротив, демократия основывается на принципе: довольно большая выборка сможет представить все общество. При системе демократического контроля над общественными органами граждане должны иметь в виду, что в определенный момент их могут призвать для работы в каком-либо совете. Не все будут работать в национальных советах, но каждый должен

знать, что ему придется работать в школьном совете, местном совете по здравоохранению или в совете на рабочем месте. Если бы люди прямо участвовали в управлении государством, мы не видели бы тех цинизма и апатии, которые характеризуют типичного современного избирателя.

В своей книге «Возможна ли демократия?» Джон Бернхейм выступает за систему, очень похожую на классическую демократию, которую он называет «демархией». Вместо национальных государств он предлагает систему, в которой власть децентрализована, и процесс принятия решений осуществляется представительными органами, создаваемыми с помощью жребия из тех, кто имеет законный материальный интерес в рассматриваемом вопросе. Только когда различие между управляемыми и управляющими будет отменено, когда массы будут самостоятельно решать все главные вопросы через институты демократии участия, тогда всеобщая глубокая тайна, лежащая в самой сердцевине социальной справедливости и социализма, перестанет вызывать противоречия. Только когда массы на референдумах будут решать, как распределить свой коллективный социальный труд – сколько отдать на оборону, сколько на здравоохранение, сколько на потребительские товары и т.д. – только тогда сможет политическая и экономическая жизнь общества перестать быть обманом.

Процесс извлечения прибавочного продукта с помощью планирования потенциально противоречив, он может вызвать классовые антагонизмы между государственной аристократией и трудовым классом. Процесс борьбы между этими классами характеризуется комплексной динамикой, при которой постоянно возникают тенденции к капиталистической реставрации. Государственная аристократия, склонная к коррупции и частному использованию государственных ресурсов, может лично потребить только малую долю прибавочного продукта. Это резко контрастирует с ситуацией в зрелых капиталистических странах, где огромная часть прибавочного продукта, в конце концов, идет на личное потребление высших классов. Государственная аристократия в стране официального равенства имеет возможность потреблять общественные ресурсы, только используя свое служебное положение. Их личное потребление таким образом становится в корне позорным и может быть оправдано разве что биографией патриотов и ветеранов революции. Революционное поколение уходит, а их потомки с завистью смотрят на капиталистический мир, который предоставляет подобным им людям намного лучший образ жизни, в котором роскошь узаконена, а не позорна.

Тенденция к капиталистической реставрации может неэффективно и временно сдерживаться политическими средствами – властью, или тиранией, или диктатурой партии, или массовым революционным энтузиазмом. Мы считаем, что революционные классы в обществе ранее не смогли открыть форму государства, адекватную задаче сохранения и развития социализма в долговременном периоде. Характерными формами

социалистического государства до сих пор были революционная тирания или революционная аристократия. Тирания работает, пока жив первый герой-король. Как показывает пример Кастро, этот срок может быть большим, но повторить его сложно. Революционная аристократия или «ведущая роль партии», не зависящей от смерти конкретных людей, может существовать дольше. Власть ленинской партии первоначально была властью наиболее сознательных и склонных к самопожертвованию представителей угнетенных, но следуя железному закону загнивания аристократии, превратилась в обслуживающую саму себя олигархию.

Реформаторы и революционные энтузиасты развили две альтернативы, которые должны противодействовать такому ходу событий:

1. Правые социал-демократы защищают упорядоченную парламентскую «демократию». Это логичная и почтенная позиция социал-демократов, восходящая к критике нарождающегося СССР Карлом Каутским. Взамен социалистической монархии или диктатуры партии они выдвигают свободные и открытые парламентские выборы.

2. Крайние левые защищают государство по типу Парижской Коммуны. В нем округа выдвигали депутатов, причем избиратели могли их отозвать, депутаты получали среднюю зарплату рабочего. Мы считаем, что есть хорошие основания, следующие как из рассуждения, так и из опыта, отвергнуть обе эти альтернативы в пользу прямой демократии.

Парламентское правление, получающее легитимность с помощью регулярных выборов, представляют современному миру как «демократию», простую и понятную. Мы же смотрим на нее по-другому. Мы считаем, что это наиболее совершенная форма власти богатых. Мы считаем, как учил Аристотель, что выборы всегда и везде являются отличительной чертой аристократического, а не демократического государства. Опыт показывает, что те, кто избран в парламент, никогда и нигде не представляют тех, кто их избрал. На какой показатель ни смотреть – класс, пол, национальность, богатство или образование – те, кого выбрали, всегда более привилегированны, чем те, кто за них голосовал. Избранные всегда в социальном плане представляют скорее доминантные классы общества, чем основную массу населения. После выборов они всегда стремятся представлять интересы классов, из которых они вышли. Существует добрая сотня подробных объяснений этого факта, но все они приходят к одному и тому же. Те свойства, которые делают вас «избранным» обществом, лучшим, чем общество, одновременно являются и свойствами, помогающими быть избранным.

Поэтому нас не удивляет, что институт свободных и честных выборов в постСССР и Восточной Европе привел к немедленному установлению власти буржуазии. Сторонники открытых парламентских выборов в социалистическом блоке в основном были сознательными сторонниками восстановления капитализма, увлекшими за собой наивных социал-

демократов. Сторонники государства по типу Коммуны, наоборот, хотели изменить и упрочить существующую «социалистическую» систему. Единственная проблема в том, что их уже опередил Сталин. Сталинская конституция уже моделировала СССР по образцу Коммуны: как государство Советов, в котором люди избирают депутатов и могут их отзывать. Эта конституционная форма была, конечно, ничем иным, как маской для правления Коммунистической партии. По какой же еще причине Ленин был таким ярким сторонником государства по типу Коммуны? Ленин рассматривал парламентскую республику как идеальную форму правления буржуазии. Точно также он считал советское государство, республику Советов, идеальной формой диктатуры рабочих. Но в центре этого возрожденного бланкистского девиза – диктатуры рабочих – была бланкистско-ленинская революционная партия. Как доминирование в Парижской Коммуне бланкистов и интернационалистов было основой их претензий на власть, так и доминирование большевиков в Советах было необходимым условием эффективной Советской власти. Протосоветские государства обычно оказываются в условиях сильного революционного кризиса, самый последний европейский пример – Португалия в 1975 г. Само их существование провоцирует глубокий кризис легитимности, который должен быть быстро разрешен, или в пользу парламента, или в пользу Советов. Если в Советах преобладает революционная партия, и одновременно происходят вооруженные восстания, это может привести к социалистической революции. Без восстаний или без доминирования революционной партии парламент побеждает.

Попытка реализации левацкого предложения – использовать государство советов для свержения власти аристократии существующего социалистического государства – была, насколько нам известно, предпринята лишь один раз, шанхайскими левыми во время Культурной революции в Китае. Хотя это была величайшая встряска, когда-либо испытанная социалистической аристократией, попытка, в конце концов, не удалась. В революционных комитетах, созданных в Китае во время «Культурной революции», в конечном счете, стали преобладать коммунисты, как до этого в русских Советах. Мы считаем, что в социалистической стране с сильной коммунистической партией в низовых представительных органах неизбежно будут доминировать либо коммунисты, либо представители реакции. Подавляющее большинство убежденных социалистов окажутся в коммунистической партии, а их политический опыт и дисциплина позволят им легко захватить влияние в низовых организациях просоциалистического направления. Случаи, в которых низовые организации становятся последовательно антикоммунистическими, обычно совпадают со случаями, когда в них доминируют прокапиталистические части интеллигенции и средних классов, характерный пример – польская «Солидарность». Сторонники идеального государства Советов в противовес

реальному Советскому государству пытаются стать на несуществующую политическую почву: чтобы существовало государство советов, нужно запретить коммунистическую партию.

Чтобы продвинуться вперед, нужно понять тщету претензий выборных институтов на звание демократии. Неважно, как называется этот институт – парламент или совет; если его члены избираются, можно быть уверенным, что представители не будут никого представлять. Его займет доминирующая социальная группа – бизнес и профессиональные классы в буржуазном обществе, или революционная аристократия и партия в социалистическом обществе. Мы считаем, что единственная работающая альтернатива – прямая демократия.

Важным является вопрос участия самих граждан трудовых коллективов в планировании и оперативном управлении обществом и предприятиями. Очень большую роль играет и общий уровень развития населения, его политической активности. Нельзя согласиться с тем, что выборы сами по себе – инструмент классового господства. Мы видим концепцию, в которой авторы попытались избежать всяческой иерархии – любой гражданин может попасть в совет любого уровня – от местного до национального. Каждая область деятельности находится под управлением своего совета, которые друг от друга финансово независимы. совет формируется из жителей, в своих финансах он руководствуется планом, основные показатели которого утверждены электронным голосованием.

Это голосование проводится по всем важнейшим вопросам жизни государства. Граждане осуществляют его с помощью специальных приставок для голосования по телевизору. За гражданами закреплено право доступа к этим «голосовальным» телевизорам. Голосование будет производиться после того, как граждане просмотрят дискуссию по телевизору, где им опишут суть голосуемой проблемы. Здесь опять же видно незнакомство с более эффективным и демократичным советским опытом: вместо просмотра ток-шоу и нажимания кнопок, как себе это представляют авторы, можно было бы организовывать политинформацию на производстве несколько часов в неделю, к ней трудящиеся сами бы собирали по очереди информацию, делали бы сообщения, имели бы возможность выступить с комментариями, сформулировать вопросы, послать предложения в соответствующую инстанцию. А потом на выходных можно было бы проголосовать через домашний компьютер.

Различные органы общественной власти будут контролироваться гражданскими комитетами, избираемыми по жребию. СМИ, здравоохранение, агентства по планированию и маркетингу, различные отрасли промышленности будут иметь свои комиссии. Каждая из них будет иметь определенную сферу компетенции. Комитет по энергетической промышленности, например, будет иметь возможность определять детали энергетической политики, но не сможет отменить всенародного голосования, скажем, по

сворачиванию ядерной энергетики. Члены этих комитетов не должны только однородно избираться из всех членов общества. Членами комитетов по здравоохранению частично могут становиться на основе случайной выборки медицинских работников, а частично – из представителей общественности. Главным принципом должно быть: те, у кого есть обоснованная заинтересованность в проблеме, должны иметь возможность участвовать в управлении.

Власть демархических советов будет регуляторной, или экономической, или и той, и другой. Для функционирования развитого индустриального общества требуется значительный объем регулирования. В современном обществе часть регулирования приходится на то, что мы рассматриваем как законы, исходящие из решений политиков и подкрепляемые государственной властью, но его большая часть исходит из автономных органов. Профессиональные организации определяют кодексы поведения для своих членов. Торговые организации определяют стандарты промышленных компонентов, нечто абсолютно необходимое для быстрого технологического прогресса. Международные организации определяют стандарты для обмена электронными данными по телефону, телеграфу или факсу.

Во многих случаях это регулирование влияет только на внутреннюю деятельность отдельных отраслей промышленности или видов общественной активности, и состав этих советов должен был ограничен людьми, занятыми в этой сфере. В других – таких как радиовещание или общественное здравоохранение – затрагиваются общесоциальные интересы. В таких случаях регуляторные советы должны расширить свое представительство, чтобы включать подавляющее большинство граждан, избираемых по жребию для того, чтобы представлять общественные интересы.

Другой источник власти демархических советов должен происходить из их способности распоряжаться ресурсами, как человеческими, так и неодушевленными. Администрации должны верить в управление советам некоторое недвижимое общественное имущество – здания, исторические памятники, транспортные маршруты, мощности для водо- и энергоснабжения. В той мере, в какой они являются недвижимыми, принципиальное противоречие связано с доступом к ним. Но в той мере, в какой собственность склонна к повреждению и нуждается в поддержке, даже недвижимое имущество предполагает приток труда и материалов.

Совет также должен распоряжаться движимым общественным имуществом в виде машин, транспорта и сырья. Это более важно для управления производственным процессом в демархиях, но будет в какой-то мере влиять на все остальное. Мы предполагаем, что такое движимое имущество должно распределяться согласно национальному плану. Совет, занимающийся проектом, должен использовать эту собственность, пока не возникнет более важная задача с ее использованием.

Наконец, в распоряжении совета находится труд участников этого проекта. Поскольку этот труд является частью общего труда общества, и потенциально может использоваться для других целей, это, с точки зрения национальных счетов, абстрактный общественный труд. Аналогично, передача движимого общественного имущества в рамках проекта предполагает часть общественного труда, затрачиваемую на воспроизводство этого имущества. Таким образом, это тоже абстрактный общественный труд. Динамика экономической власти советов – это, в конечном счете, распоряжение абстрактным общественным трудом. Величина этой власти измеряется в часах трудового бюджета. Но по какому праву советы распоряжаются этой властью? и кто регулирует эту величину? Эта власть делегируется самим народом. Представьте себе совет, занимающийся школой. Его власть должна передаваться ему каким-либо местным образовательным советом, голосующим за ежегодный трудовой бюджет. Предположим, это управление школами на местном уровне. В этом случае, бюджет местного образовательного совета будет устанавливаться избирателями, которые каждый год будут решать, сколько часов в этом году будет направлено на образование.

В случае производственных советов, делегирование является не столь прямым. Продукты производства, например, кислотно-свинцовые аккумуляторы, отвечают непрямым общественным потребностям, а не прямым местным потребностям. Количество батарей, нужных обществу, является функцией того, как много производится автомобилей, телефонных узлов, переносных радиоприемников и т.д. Только национальный или в долгосрочной перспективе федеральный плановый орган может это подсчитать. Таким образом, плановый орган делегирует бюджет для производства батарей.

В конечном счете, народ делегирует свои полномочия. Или он голосует за налоги самостоятельно и вверяет демархическому совету бюджет для производства бесплатных услуг, или он решает приобретать услуги, в этом случае голосуя за рабочее время для производства этих услуг.

Мы рассматриваем экономическое планирование как систему, в которой команды профессиональных экономистов будут разрабатывать альтернативные планы, представляемые комиссии по планированию, которая будет выбирать из них лучший. Только очень значительные решения (уровень налогов, процент национального дохода, направляемый на инвестирование, здравоохранение, образование и т.д.) должны будут решаться с помощью прямого народного голосования.

Одно из главных преимуществ системы цен, основанной на рабочем времени, заключается в том, что она переводит вопросы национальной бюджетной политики в понятия, доступные каждому гражданину. Сегодня только горстка профессиональных экономистов и экономических журналистов способна на разумную оценку бюджета. Чтобы понимать его, нужно знать, сколько составляет национальный доход в миллиардах денежных

единиц. Это сразу же исключает подавляющее большинство населения. Затем нужно знать, какая пропорция национального дохода идет разным категориям лиц, получающих зарплату, чтобы оценить возврат средств при разных уровнях подоходного налога. Нужно знать, сколько миллиардов фунтов стерлингов получены от продуктов, облагаемых НДС, и каковы поступления от акцизных сборов. Что касается правительственных расходов, нужно знать объемы расходных статей, делая поправки на инфляцию. Полное понимание бюджета основывается на большом объеме данных, которые по-настоящему доступны только министерству финансов.

Будучи выраженным в рабочих часах, этот процесс станет куда более внятным. Люди могут понять, что значит работать три часа в неделю на здравоохранение или четыре часа на образование. Если бы людям представляли ежегодный бюллетень с главными категориями общественных расходов, выраженными в рабочем времени за неделю, они могли бы сформировать мнение, хотят ли они работать больше или меньше для получения этих услуг.

Представьте себе, что можно проголосовать за увеличение расходов на здравоохранение на x процентов, их текущий уровень или сокращение расходов на x процентов. Эти голоса могут подсчитываться или усредняться, и итоговый результат можно использовать как пропорциональную оценку увеличения или уменьшения бюджета национальной системы здравоохранения. Электронные формы для голосования легко сделать такими, что люди вынуждены будут принимать непротиворечивые решения (например, нельзя голосовать за стопроцентное повышение всех расходов).

В течение нескольких лет можно предположить стабилизацию уровня расходов, а затем небольшие изменения, связанные со сдвигами в общественном мнении. В нормальных условиях примерно одно и то же число людей захочет увеличения расходов или их уменьшения, так что изменения будут незначительными.

Хотя реально принимать демократические решения по уровню общественных расходов, их нельзя совместить с независимым демократическим контролем над налогообложением. Если и налоги, и расходы подчинены голосованию, нет никаких гарантий, что бюджет будет сбалансированным. Скорее, уровень базового налога должен автоматически основываться на решении о расходах, принятом народом, с допущением, сделанным для других форм поступлений, таких как рента. Избирателям придется принять во внимание налоговые последствия, когда они будут принимать решения о расходной части национального бюджета и, следовательно, налогообложения. «Форма для голосования» при подведении итогов по индивидуальным категориям общественных расходов будет показывать последствия голоса для изменения уровня затрат в этой области.

Эта точка зрения радикально отличается как от социал-демократии, так и от практики реально существовавшего социализма. Планирование, например, не подчиняется правительству, а находится под контролем наблюдательного комитета из простых граждан, которые, будучи отобранными по жребию, будут в основном рабочими. В этом смысле они автономны от любого правительства – как независимые центральные банки, агентства по радиовещанию, художественные советы, советы по исследованиям – и их можно считать аналогами автономных организаций буржуазного гражданского общества. Для них не обязательно находиться под прямым государственным контролем, их уставы и социальное происхождение их членов будет обеспечивать их функции. Только в том случае, если социалистические аналоги подобных учреждений будут иметь уставы, открытые для поправок со стороны общественности, и обсуждения в них будут публичными, они могут стать наблюдательными комитетами, способными на общественное представительство народа и обеспечение народного контроля.

Неоклассическая демократия по-прежнему будет государством в марксистском смысле. Она будет организованной общественной властью, которой будет подчиняться меньшинство. Демос будет использовать ее для защиты от остающихся или нарождающихся классов-эксплуататоров. Но она будет безголовой: государством без главы государства, без иерархии, отличающей государство, основывающееся на классовой эксплуатации.

Литература

1. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века [Текст] / И. Валлерстайн; пер. с англ. – М.: Логос, 2004. – 368 с.

2. Зінченко В.В. Деліберативні моделі процесів управління в умовах суспільних та економічних трансформацій друковані // Актуальні проблеми економіки. Науковий економічний журнал. ВНЗ «Національна академія управління», 2011. № 5(119). 396 с. С. 4-12.

3. Зинченко В.В. Институциональная глобализация и делиберативные модели общественного развития друковані Materiály VII mezinárodní vědecko – praktická Conference «Vědecký průmysl evropského kontinentu - 2011». Díl 14. Filosofie. Politické vědy. Historie. Administrativa. Praha: Publishing House «Education and Science» s.r.o. 88 s. С. 9-17.

4. Зинченко, В.В. Общественные и институциональные трансформации в современных индустриальных системах [Текст] / В.В. Зинченко // Политические институты в современном мире: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб.: ООО «Аллегро», 2010. – 406 с. – С. 129-132.

5. Зинченко, В.В. Постиндустриализм и альтернативы глобального развития [Текст] / В.В. Зинченко // Вестник Воронежского государственного университета. № 2 (4) 2010. – Воронеж: ВГУ, 2010. – 190 с. – С. 17-31.

6. Dannemann R. Das Prinzip Verdinglichung. Wiesbaden: Panorama, 2005. 166 s.
7. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus: wie wir am Wachstum scheitern. Wien : Ueberreuter, 2008. 223 s.
8. Habermas J. Vergangenheit als Zukunft. Das alte Deutschland in neuen Europa. Zürich: Pendo Verlag, 1993. 158 s.
9. Kockshott Paul W., Kotrell A., Alternativen aus dem Rechner. Für sozialistische Planung und direkte Demokratie. Köln: Papy Rossa Verlag, 2006. 267 s.
10. Kurz R. Kollaps der Modernisierung: vom Zusammenbruch des Kasernensozialismus zur Krise der Weltökonomie. Frankfurt am Main : Eichborn, 2009. 288 s.
11. Lafontaine O. Keine Angst vor der Globalisierung: Wohlstand und Arbeit für alle. Berlin/Bonn: J. H. W. Dietz Verlag, 2009. 352 s.
12. Marcuse H. Versuch über die Befreiung. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1989. 133 s.
13. Reichelt H. Neue Marx-Lektüre. Zur Kritik sozialwissenschaftlicher Logik. Hamburg, 2008. 384 s.
14. Sintschenko V. Ein Beitrag zur Rekonstruktion der Wissensgesellschaft // Materiály VII mezinárodní vědecko - praktická Conference «Vědecký průmysl evropského kontinentu - 2011». Díl 14. Filosofie. Politické vědy. Historie. Administrativa: Praha. Publishing House «Education and Science» s.r.o. 88 s. S.52-61.

Постиндустриализм и альтернативы общественного развития

В истории человечества построение справедливого общества, основанного на народовластии, представляется одной из вечных и непреодолимых проблем. Множество мыслителей, политических деятелей и революционеров ставили своим заданием создания справедливого общества с неизменным атрибутом народовластия. Большинство современных государств именуют себя демократиями. Однако беспристрастным и готовым задуматься людям ясно, что власть народа сильно ограничена. Не народ властвует, а народом правят, используя широкий, веками наработан арсенал средств: от утонченного психологического манипулирования к прямому насилию. Аргументы противников самоорганизации и прямого народовластия, в противоположность представительской демократии, можно возвести к следующему: прямое народовластие технически невозможно в современных условиях, а если и возможно, то является неэффективным, потому что народ неспособен принимать «правильные» решения через свою пассивность и необразованность.

Социальные системы являются разновидностью естественных систем и им тоже свойственна самоорганизация. Однако способность человека

абстрактно мыслить дает возможность устанавливать субъективные законы, зависящие от ее мышления и воли. Социальные системы будут самоорганизовываться в соответствии с субъективными законами и теми объективными законами, которые становятся наиболее важными для данной системы. Большинство естественных систем характеризуются способностью к самоорганизации и отсутствием руководящего центра. Такие системы стабильны, стойки, способны к постоянному обновлению и адаптации к внешним условиям. Однако они малоэффективны, развиваются медленно, неспособны к постановке целей и анализа альтернатив и результатов.

В отличие от природных систем в человеческом обществе возможно сознательное управление действиями его членов. Управление обеспечивает определение целей и средств развития общества, обмен информацией между его членами, принятие решений и контроль за их выполнением. Центральным вопросом в споре относительно возможности реализации и эффективности народовластия и самоорганизации, роли элит и политических партий является вопрос о балансе между централизованным и децентрализующим управлением.

Преимуществами централизованной системы, основанной на единоначалии, является: возможность концентрации ресурсов и усилий общества для достижения поставленных целей, структурная простота и ясность, возможность оперативного управления людьми и подразделениями, эффективное использование и распространение знаний и опыта, эффективное использование ресурсов, уменьшения возможности паразитирования исполнителей, которые находятся под эффективным контролем. Централизованное руководство было необходимым условием всех прыжков развития человечества. Однако централизованное руководство имеет негативные проявления: ограничение инициативы низовых элементов системы, тенденция к увеличению числа промежуточных степеней в управлении (рост бюрократии), возникновение антагонистичных групп, которые стремятся получить доступ к руководству и привилегиям, сложность организации контроля большого числа исполнителей, риск разрушения системы в результате некомпетентности или измены руководства или его неспособности адаптироваться.

Пока существует человеческая цивилизация, пока существует такой общественный институт, как государство, общество всегда было разделено на привилегированную правящую элиту и очень ограничены в правах (а то и официально бесправные) эксплуатируемые массы. Элита всегда должна была возможность принимать решения, которые касаются всего общества, в том числе и эксплуатируемых масс, в своих эгоистичных корыстных интересах, вопреки интересам масс, причем с обязательным отчуждением масс от принятия решений, которые касаются их, и реализация этих решений всегда осуществлялась за счет эксплуатируемых. Так было

всегда: одни правят и имеют все блага, другие подчиняются и обеспечивают привилегированное существование элиты. Часто, когда соотношение сил элиты и масс изменялось в интересах последних под воздействием тех или других факторов внешнего или внутреннего порядка (войны, межформационные переходы), старые элиты оказывались сваленными. Но лишь для того, чтобы на их место пришли элиты нового поколения, которые также начинали управлять массами в своих интересах и отчуждать последних от принятия решений.

Эгалитарное общество – т.е. общество, в котором право управлять и присваивать ресурсы определяется не эгоистичными потребностями, подкрепленными силовыми способностями «оторвать» в других, а критериями высшего порядка – способностью, внедрять новые ресурсы для общества, так нигде и не было построено, а отдельные локальные попытки его построения не имели перспективу. Цели эгалитарных идеологий и движений, которые в зависимости от уровня развития производительных сил принимали ту или другую форму, так и оказывались недостижимыми. Изменялись лишь производительные силы и способ производства, рос уровень жизни, члены общества наделялись определенными правами, но кардинально ситуация с разделением на тех, кто управляет и управляемых не изменялась. Самая грандиозная и в некоторых отдельных аспектах сделала вид попытка построения эгалитарного общества – речь идет о СССР – продолжалась 70 лет, но и здесь элитарные тенденции в виде перерождения бюрократии в антагонистичную массам управленческий слой, потому эксперимент увенчался, к полному удовлетворению мировых элит, победой «естественного» элитарного состояния общества.

В ходе предыдущих общественных трансформаций, социальных революций и восстаний сложилась возможная форма организации свободного общества самоуправления: плебисцитарные обсуждения и референдумы разных уровней, общие собрания, трудовые советы на производстве, квартальные советы в территориальных общинах, которые, состоя из делегатов с общественным приказом, обязательным для выполнения, связанные между собой через федерализированные гражданские органы. Работники умственного и физического труда объединяются в федерации на местном, региональном и интернациональном уровнях. Организационными формами могут быть территориальные органы самоорганизации обществ, совета предприятий на производстве, коммунальные советы в кварталах и микрорайонах, межпрофессиональные объединения в сфере распределения, а также промышленные и сельскохозяйственные федерации. Идея самоуправления допускает, что производители сами организуют работу каждого предприятия и управление им, а также распределение выработанных продуктов. При этом отдельные коллективы, предприятия и отрасли служат автономными звеньями общей хозяйственной федерации и организуют на основе взаимной договоренности все производство и рас-

пределение в интересах всего общества. Множество автономных элементов общества координируют свою деятельность без какой-либо социальной пирамиды или какого-либо централизованного господства. Поэтому самоуправление несовместимо с государственным доминированием над гражданским обществом.

Опыт показывает, что самоуправление приобретает надлежащую динамику только в социальных революционных условиях. Лишь тогда оно в состоянии сломать структуры иерархического общества. Но ни одному революционному движению не удавалось до сих пор ни создать длительные формы самоуправления, ни ликвидировать общественное и техническое разделение труда – даже если они превращали средства производства в общественную собственность.

В иерархических и, следовательно, авторитарных общественных системах действительно самоуправляющиеся проекты невозможны. Самоуправляющиеся предприятия и фермы вынуждены, если хотят выжить экономически, приспособляться к капиталистическим условиям рынка, налогов, конкуренции, рекламы и так далее. Они не в состоянии выйти за пределы компромисса между приспособлением и альтернативой. Они интегрируются в существующую систему и в реальности не угрожают ей. Проекты, которые более политизируются, например, захваты пустующих домов (сквоты), уничтожаются государством. Большинство же самоуправляющихся предприятий настолько заняты сугубо экономическими проблемами, что у них не доходят руки для политического влияния наружу.

В предыдущих традиционных концепциях самоуправления в центре организации нового общества оказывалась т.н. «фабрика» (производственное предприятие). Существование эксплуатации объяснялось, прежде всего, наличием частной собственности на средства производства. При этом не учитывали, что «фабричный» (промышленно производственный) труд обусловлен формой организации труда, который сам по себе носит угнетательский и реакционный характер. Работающий превращался в объект, он терял личные черты, превращался в функциональную часть иерархической машины. Его индивидуальность, творческий потенциал и автономная инициатива искажались, подавлялись и разрушались. Тем самым уничтожались и любые предпосылки для «царства свободы».

Самоуправление как общая система выходит с того, что каждый человек сможет развивать свои способности управлять собственной судьбой. «Фабрика» – это не школа гражданского самоуправления или свободной революции, а инструмент господства, эксплуатации и социального контроля над неимущими. Она не может быть основой свободного общества.

С наступлением автоматизации ремесленные умения, знания и инициатива передаются машине. Уничтожаются целые профессии и сферы самореализации. На смену классическому квалифицированному рабочему приходит новый тип наученного и детально специализированного работ-

ника. Квалификация больше не имеет смысл. Капиталу удалось с помощью системы Тейлора, научной организации труда и новых технологий все больше ограничить влияние работника на процесс производства. Повышение производительности труда шло рука об руку с уничтожением автономии работника. Производственная деятельность все больше осуществлялась атомизированной рабочей массой, которая не имеет никакой технической мощности. Рабочая сила, которая осталась после сокращений, поддается производственной деквалификации, поскольку знание – это «власть» работника. Распыление и специализация профессиональных знаний привела к тому, что в середине 1990-х гг. существовало 20 тысяч операций в 500 профессиях, тогда как в начале индустриализации 300 лет тому назад было всего 100 профессий. Выброшенные из процесса производства и управления работники обрекаются на все более жалкие условия труда и социальное бесправие на мельчайших и недолго существующих предприятиях и во все более сомнительном секторе услуг. При этом зарплата падает, рабочее время растет, а безработица увеличивается.

С развитием разделения труда все больше разбухал и сектор услуг. В итоге способность делать что-то самим (например, чинить бытовые приборы, лечить элементарные заболевания и так далее), что и без того пострадала из-за специализации труда, еще больше ограничивается, а контроль над обществом растет. Товарные отношения и потребления товаров (т.е., предметов, производимых на продажу) распространились на такие сферы, где еще несколько десятков лет потому люди действовали безвозмездно и на основе взаимопомощи. Рост предложения товаров массового потребления, коммерческих развлечений, которые обрекают на пассивность, услуг, служб по уходу за людьми преклонных лет, больными и тому подобное – все это разрушает начальную взаимопомощь между людьми, их взаимные связи и повседневные знания (народную культуру).

Поскольку новые технологии все больше выгоняют живого работника из процесса производства, то автоматизированная «фабрика» с несколькими работниками тем более не может быть центром общественной организации самоуправления. «Фабрики» чаще всего вообще не являются самостоятельными экономическими единицами: они принадлежат другим, часто удаленным от них транснациональным фирмам и предприятиям, зависят в своей производственной деятельности, в сбыл и в снабжениях сырья или комплектующих от централизованных органов, которые руководят ими извне.

Общество самоуправления, основанное на коллективной и индивидуальной автономии, не может просто заимствовать капиталистические средства производства и технологии с их иерархической структурой. До важнейших заданий свободного общества относится не только преодоление социального и технического разделения труда, но и сознательное превращение технологии. Технология должна учитывать проблемы

автономии и свободы личности, а также окружающей среды. Технологии, которые служат исключительно интересам прибыли, станут лишними; вместо них будут использоваться такие, которым сегодня не дает развиваться капиталистическая система. Новые технологии будут сильно децентрализовать, быть соответствующим человеческим масштабам; их можно будет окинуть взглядом и контролировать. Вырастет значение альтернативных технологий, которые служат для самообеспечения, например, использования ветровой и солнечной энергии, потребления овощей и фруктов из небольших общественных садов и огородов. Смогут образоваться жилищные пространства, которые не будут иметь ничего общего ни с сельской глухоманью, ни с хаосом гигантских мегаполисов. Они не выйдут за объемы за пределы того, которое может охватить человеческий глаз. И не затребуют сложного управления. Тем самым будет преодолено разделение города и села. Разветвлена сеть мелких и средних предприятий, контролируемых обществом, в котором они расположены, позволит организовать производство, ориентированное на удовлетворение потребностей на месте. Можно будет соединить самопроизводство для самообеспечения общества и производство предметов потребления для всего общества.

Общество должно использовать микроэлектронику в неиерархическом духе, который позволит преодолеть социальное и техническое разделение труда и сократить рабочее время. Информатика может обеспечить всем людям доступ к накопленному знанию и к процессам принятия решений в обществе. Без равноправного доступа ко всем сферам общественной жизни – экономике, науке, культуре и т.д. – не может быть настоящего самоуправления. Автоматизация привела к потере квалификации, специализация – к профессиональной односторонности, но информатика и автоматизация могут и пойти на пользу делу освобождения, если общественно необходимый труд будет в значительной мере автоматизирован и сможет выполняться всеми. Благодаря общей профессиональной учебе можно будет освоить разные квалификации и менять виды выполняемого труда.

В обществе самоуправления, основанном на самоуправленческих общинах граждан, которые смогут свободно выбирать свой образ жизни, окончательно должен отойти в прошлое большая часть централизованных решений, которые сегодня принимаются раздутой государственной бюрократией. С ликвидацией государственного диктата проблема координации приобретает абсолютно другое измерение. Вопросы будут решаться на месте за свободной договоренностью. Подобно бюрократии, станет лишним и большая часть специализированного сектора услуг; люди получат больше времени для того, чтобы опять самим делать много вещей. Сокращение рабочего времени благодаря новым технологиям и исчезновения многих видов деятельности в непроизводительной сфере прежней бюрократии даст людям возможность пользоваться своим свободным временем для развития новых способностей и расширения социальных

связей на основе добровольного взаимодействия, а не экономического принуждения. Центр тяжести в жизни переместится из труда в сферу взаимоотношений между людьми.

Самокоррекция системы управления является отличительной чертой самоорганизующейся системы, что обеспечивает ее выживание и стабильность. Коррекцию системы управления централизованного общества, как традиционно считалось, должны осуществлять его лидеры. История предоставляет примеры, когда на определенном историческом этапе «хороший» вождь, монарх или правящая партия обеспечили быстрое и стабильное развитие общества. Однако лидеры со временем меняются и невозможно гарантировать неизменность их мотивов и способностей. СССР является примером потери способности централизованной системы к развитию после достижения своих первичных целей. Невозможность предварительно гарантировать, что преемник или даже избранный вождь окажется «хорошим», т.е. таким, который действует в интересах народа, а не в своих собственных или в интересах ограниченного круга граждан, делает сильно централизованную социальную систему нестабильной.

Для всех является очевидным разделение уровней профессионального действия. Есть уровень, на котором принимается (например, заказчиком) принципиальное решение о необходимости того или иного действия в целом, декларировании базовых параметров того, что должно выйти в результате выполнения работы. И есть уровень выполнения, на котором работают профессионалы, – они в рамках данного им заказа (приказа), используя выделенные на выполнение ресурсы, выдерживая установленные сроки, применяют свои специализированные знания, опыт и навыки в ходе выполнения. Но вся проблема в том, что в деле государственного управления подавляющее большинство народа не имеют абсолютно никакой возможности сформулировать «заказ» на желаемый тип общества, персональный состав руководящих органов, экономические проекты и даже законы, которым элита принуждает подчиняться массы. Даже если общество в абсолютном своем большинстве из важнейших пунктов желает одного и того же, даже если это технически и экономически абсолютно является возможностью осуществить.

На пути желания большинства народа появляется алчность элиты, которая узурпировала власть над народом и это особенно остро чувствуется в современных обществах переходного типа. Кто-то будет принимать участие в управлении, а кому-то будет все равно? Это всего лишь будет означать, что те, кто отказались принимать участие в обсуждении и принятии того или другого решения делегируют свои полномочия тем, кто по этому делу принимает участие. Но возможность участия, если они того захотят, должна быть у всех дееспособных и не признанных в официальном порядке общественно опасными граждан. В настоящий момент, понятно, об этом нельзя и мечтать. Все это придется преодолевать

новым социальным силам, и цена вопроса представляется неясной. Нужно только понимать, за что нужно выступать и как это реализовать, а не только против чего бороться. Только когда будет выработана прогрессивная конструктивная альтернатива существующему порядку управления, только тогда можно и нужно будет вести целеустремленную политическую борьбу, и только тогда эта борьба увенчается успехом.

Этому должен способствовать и механизм «информационной власти», которая реализовывает право каждого гражданина на получение всей необходимой ему информации и донесении ее к другим гражданам. Только при условии осуществления такой возможности система прямой демократии имеет смысл. Нам, тем, кто живет в эпоху бурного прогресса Интернета, очевидно, что сетевые цифровые средства связи и информации именно это и позволяют осуществлять в массовом масштабе. По-видимому, тенденциями в развитии производительных сил, которые смогут помочь впервые в истории цивилизации изменить положение, являются следующие. Во-первых, изменение сущности труда, который становится информационным, творческим, таким, который требует высокой квалификации и умственных способностей, в частности способности управлять сложными системами, в массовом порядке. Во-вторых, тенденция к автоматизации труда низшего порядка – физического и примитивных форм умственного. В-третьих, максимально высокий уровень информационного обеспечения производственных и социальных процессов, легкость хранения, безрасходность копирования и мгновенная скорость передачи информации в любую точку планеты, технологическая доступность для любого человека любой информации для восприятия и возможность записи, сохранения своей информации. Это и является тем фундаментом производительных сил, который породит в будущем соответствующие им производственные отношения и общественную надстройку.

Гарантировать выполнение задания постоянной коррекции системы управления обществом возможно, передав эту функцию самому обществу. Преимуществами децентрализованной, саморганизованной социальной системы является: облегченная возможность принятия решений теми, кто ближе всего к проблеме; стимуляция инициативы; активный взаимообмен и кооперация членов общества; малое число иерархических степеней в управлении; повышена ответственность и самоконтроль.

Однако, учитывая неоднозначность и разнообразие человеческих потребностей и мотивов, возможный характер самоорганизации также является неоднозначным. Опыт показывает, что негативные, паразитические тенденции могут развиваться весьма активно, ведя к криминализации общества. Абсолютная свобода может быть использована противниками системы для ее разрушения, в частности путем представления идеалов и принципов общества как лишнего ограничения их гражданской свободы. Это означает, что еще одним условием обеспечения стабильности со-

циальной системы является установление законов, которые определяют пределы поведения граждан, а также формулировки объединяющих всех идей, ценностей и целей. Таким образом, обеспечение стабильного развития социальной системы может быть достигнуто при следующих условиях:

- самоорганизация граждан, чем обеспечивается стабильность общества по аналогии с другими природными системами;
- определение целей общества и законов самоорганизации самим обществом, которое создает условия для его целенаправленного развития, которое невозможно в природных системах.

Базовым принципом модели является высший суверенитет всего народа, его неотъемлемое право на самоуправление в полном объеме и во всех аспектах. Сам народ определяет нормативы, по которым строится его жизнь, принимает решение по социальным проектам, управляет ресурсами, назначает специалистов на ответственные руководящие должности, которые отвечают перед народом за качество своей работы. Базовым механизмом системы является всенародное голосование по всем вопросам, которые касаются прав и обязанностей членов общества, регламентируют нормативные документы, решений о направлениях развития, социальных и экономических проектов, персональных дел высших должностных лиц. Современные цифровые средства связи, управления и обработки информации позволяют легко организовать процесс учета мысли каждого желающего проголосовать члена общества по любому вопросу, причем в режиме реального времени и постоянного функционирования, причем голосование может быть как тайным, так и открытым.

Человеческий род сможет спасти себя и мир вокруг себя, лишь установив гармонию между людьми и между человеком и природой, лишь поставив взаимопомощь и солидарность на место конкуренции и принуждения, господства и подавления. Но этому соответствуют другие, альтернативные сегодняшним формы взаимоотношений людей, а следовательно, и новое общество.

Найти гармонию с природой и с людьми – это означает преодолеть отчуждение, диктат со стороны внешних сил, угнетение и индустриальное разделение труда. Это означает заменить государство, бюрократию и иерархию социальной и личностной автономией и самоуправлением отдельных людей и их ассоциацией, а конкуренцию и взаимную борьбу эгоистов – солидарной взаимопомощью, добровольной координацией интересов и потребностей.

Литература

1. Кропоткин, П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия [Текст] / П.А. Кропоткин. – М.: Правда, 1990. – 638 с.
2. Bookchin M. Hierarchie und Herrschaft. Berlin: Kramer, 2008. 179 s.

3. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus: wie wir am Wachstum scheitern. Mit Beiträgen von C. Lauk, K. Kulterer. Wien: Ueberreuter, 2008. 223 s.

4. Gorz A. Kritik der ökonomischen Vernunft. Sinnfragen am Ende der Arbeitsgesellschaft. Hamburg: Rotbuch Verlag, 1994. 388 s.

5. Gorz A. Wege ins Paradies. Thesen zur Krise, Automation und Zukunft der Arbeit Hamburg: Rotbuch Verlag, 1986. 157 s.

**Системные альтернативы общественного развития
и модель институционального делиберативного самоуправления
в социально-экономических трансформациях
глобальной современности**

В индустриальном обществе производственные отношения окончательно сбрасывают с себя груз внеэкономических форм, приобретая относительную самостоятельность от политики и вместе с тем получают такой способ регуляции экономических процессов, как анонимный цено-регулируемый рынок. Экономика и политика впервые становятся автономными сферами общественного развития, получают возможность не подменивать друг друга, а лишь взаимно ограничивать [7, 14]. Капитализм уже на ранних стадиях своего развития, создавая общенациональный рынок продуктов материального производства, объединяет на базе этого рынка ранее разрозненные и самобытные гражданские образования, подчиняет их единственной централизованной власти, вводя общеобязательные стандарты регуляции человеческой жизни (в основном с помощью экономических рычагов). В этих условиях манипулирование духовными потребностями проявляется лишь опосредованно, как производное от экономического и отчасти политического манипулирования.

У современного же неоиндустриального общества в свою очередь, появляется способность и возможность сдерживать социальные качественные изменения, которые привели бы к установлению существенно отличных институтов, новому направлению производственных процессов, новых форм человеческого существования. Это сдерживание социальных изменений является одним из знаменательных достижений развитого неоиндустриального общества. В условиях развитого индустриального общества наука и техника впервые в истории человечества предоставляют господствующим социальным силам такие средства массовой коммуникации (и манипуляции) сознанием людей, которые позволяют «одномерно» определять направление их мыслей, особенно социально-политические убеждения, моделируя типы экономико-потребительских потребностей, форм поведения (прежде всего общественного). Потребности, с которыми отождествляет себя индивид по своей сути являются средством господства и подчинения в руках властвующих и управляющих.

Новые средства экономической, общественной интеграции, которые открывают более широкое пространство для обмена деятельностью и гармоничного развития человека господствующая система ставит на службу своим корпоративным интересам. Поддавая идеологической обработке массы, она разрабатывает и внедряет стандарты и материальной, и духовной жизни, формируя «массовую культуру», которая подавляет индивидуальное своеобразие массового потребителя. Целью этого является формирование одномерного, некритически мыслящего индивида, отчужденного от объективного, а тем более негативного отношения к социальной действительности.

Не только рабочая сила, но и все человеческие ценности становятся товаром, т.е. человеческие отношения опредмечиваются, отовариваются. Во все более широких сферах производственной и общественной жизни указания теряют форму приказа и с помощью манипуляции, которая использует социальную технику, превращаются так, что индивиды подчинены им сами сознательно и свободно исполняют свои обязанности. В итоге манипуляция превращается в универсальную структуру духовной репрессии, устраняя любые формы экономического протеста, социальной критики и действенную оппозицию. «Принудительный контроль за широкими общественными сферами имеет организационные формы, которые способствуют закреплению определенного социально-экономического положения, искусственному сглаживанию определенных хозяйственно-социальных неурядиц, он вызывает к жизни своего рода длительную институализированную реформу, так что саморегуляция капитализма благодаря «самодисциплине» представляется возможной» [6, 164].

Хаотичность и неэффективность трансформаций авторитарно-бюрократических систем макро- и микроуровней на постсоветском пространстве, их нестабильность, вызывают необходимость поиска методов оздоровления общественных и государственных отношений, экономики, поиска путей перехода к управленческому механизму нового типа, который отвечает условиям функционирования мировой экономики, обеспечения сбалансированности, преодоления негативных процессов (инфляции, монополизма, безработицы, качественной ненасыщенности потребительского рынка, дефицита бюджета и пр.).

В связи с этим перед экономической наукой и управленческой практикой возникают проблемы принципиально нового характера. Такими проблемами являются: разработка концептуальной модели и механизмов, которые обеспечивают гармоничное сочетание сотрудничества и взаимодействия в общественных отношениях, рационального планирования и рыночной регуляции, производства и потребления в рыночных отношениях, наполнение потребительского рынка товарами и услугами, устранение диспропорции между товарной массой и количеством денежных знаков, которые находятся в обращении, ускорение окупаемости

капитальных вложений, ориентация на прогрессивные технологии. При этом особенное место занимает проблема обеспечения стабильного роста качества и надежности новых изделий и услуг при снижении цен на новые виды продукции и ориентации на весомое сокращение численности производственных и управленческих работников для достижения преимуществ в конкурентной борьбе, закрепления на уже завоеванных и новых рынках.

Решение этих проблем требует глубокого теоретического анализа конъюнктурных аспектов народного хозяйства и поиска в зарубежной и отечественной практике инструментов его интенсификации. Результатом такой стратегии должно стать создание управленческих систем нового поколения, которые будут работать в режиме т.н. конвейера нововведений. В сущности, ставится задание объединить в рамках организационных и хозяйственных комплексов нового типа гибкость и способность к адаптации мелкосерийного производства услуг и продукции с низкими расходами и высокой производительностью труда, характерными для массового производства. Не только качественное удовлетворение существующих потребностей, но и заблаговременное прогнозирование форм их возникновения, анализ возможных последствий и постоянный поиск новых методов взаимодействия – является главным стратегическим и повседневным заданием функционирования любого общества, предприятия, учреждения и организации. Реализацию этих заданий обеспечивает качественное внедрение методов управления, которые основываются на мировом опыте прикладной деятельности и теоретических обобщениях в сфере эффективного менеджмента, самоуправления и управления человеческими и материальными ресурсами, применяясь на микро- и макроуровнях всех без исключения качественно функционирующих сегментов экономической и общественной жизни

Все это диктует необходимость формирования новых подходов к управлению человеческими и производственными ресурсами, поскольку традиционные методы управления – с их ориентацией на валовые показатели массового производства, которые не обеспечивают эффективного взаимодействия участников по горизонтали и не уделяют достаточного внимания конечному потребителю, – себя не оправдывают. Поэтому в настоящее время идет беспрецедентный слом существующих стереотипов управленческого мышления.

Критическая социально-экономическая теория, концепции субсидиарности и модели делиберативного менеджмента, которые разрабатываются в рамках концептуальных направлений современного неомарксизма и постмарксизма, концентрируются на необходимости обстоятельного анализа феноменов власти и управления/самоуправления, институциональных процессов самоорганизации общества и моделей менеджмента в его подсистемах (экономики, политики, государства). Однако, в отличие от

других теоретических концепций, управленческих практик и исследовательских программ, целью анализа делиберативного менеджмента не является исключительно фиксация и констатация существующей общественно-государственной и экономико-производственной данности. Напротив, критический анализ социума, экономики и систем менеджмента предусматривает выявление существующих антагонистических, отчуждающих факторов, которые деформируют производственную и общественную коммуникацию.

Критическая теория отмечает, что на данный момент в обществе (во всех его сферах) и стратегиях экономического развития во многом господствуют фальшивые потребности, навязываемые определенными социально-экономическими группировками с целью притеснения индивидуальной, групповой и творческой свободы. Эти потребности закрепляют отношения господства и подчинения, продуцируя эксплуатационный труд, агрессию, социальные конфликты, экономическую и общественную несправедливость. Навязываются стереотипы потребностей, поведения и общественных отношений, которые способствуют фиксации этих отношений – т.н. «репрессивных потребностей» [12, 15].

Проявление ситуации господства в сфере управления функционирует в виде административной модели управления. Администрированная общественная жизнь и экономико-производственные отношения этого типа преподносятся господствующей структурой как стандарт благополучия и благоустройства. Неомарксизм, например, концептуально разрабатывает теорию о необходимости изменения эксплуатационных и антагонистических отношений между людьми во всех сферах общественной и индивидуальной жизни. В качестве цели развития человечества рассматривается постоянное историческое продвижение к тотальной свободе и развитие человеческой эмансипации. Отношения антагонизма, построенные на модели эксплуатации, прежде всего в сфере экономики, приводят к появлению и сохранению феномена отчуждения, противостоя человеческого взаимопониманию, и являются основным катализатором социальных конфликтов.

Негативными последствиями репрессивного стиля управления является клановость и корпоративность, когда управленец, политик защищает интересы лишь своей группы, представляя их в качестве вроде бы общесоциальных. Неомарксистский делиберативный менеджмент в связи с этим указывает на появление в таком случае одной из форм идеологии, – а именно, идеологической иллюзии универсальности. Вследствие этого существует опасность функционирования общества по правилам и ценностям господствующей группы (*Gemeinschaft*). Поэтому, как отмечает Ю. Хабермас, «общественная теория приобретает форму критики идеологии» [7, 20]. Благодаря идеологическим манипуляциям наступает конец и относительной самостоятельности индивида (и в экономической деятельности в частности, и в общественной – в целом). Он больше не имеет

никаких свободных собственных мнений: «Содержание массовой веры является непосредственным продуктом бюрократий, господствующих в экономике и государстве и их сторонники тайно служат исключительно своим автоматизированным и узкогрупповым (и потому неистинным) интересам» [2, 22]. Идеология проявляется как «порочное сознание», которое целеустремленно используется господствующей группой для духовного покорения людей, их подчинения существующему укладу. Это обуславливает также формирование индивидуального «репрессивного мышления», которое по своей сути является некритическим в восприятии сформированной общественной деятельности. Это дополняется организованной системой манипуляции сознанием масс при содействии систем массовой информации. Формируются даже стандартизированные языковые формы, которые являются орудиями универсального манипулирования и целью которых является утверждение системы приспособления и подчинения людей господствующей группировке. Исследователи называют эту ситуацию репрессивной толерантностью (терпимостью), в результате функционирования которой у человека формируется отчужденное сознание и податливость к манипулированию его действиями [13, 13].

Целью анализа критической теории и применения делиберативной модели менеджмента является определение ключевых черт и механизмов построения общества, в котором нет независимых от воли людей общественных и производственных отношений, т.е. общества, в котором упразднены отношения принуждения и господства одних людей над другими. Контроль над процессами производства и общественного функционирования должен перейти к непосредственным участникам общественного производства (как в отрасли материального производства, так и в сфере продуцирования идей и управленческих решений).

При планировании общественного будущего акцент необходимо делать равномерно и на анализ ценностей, и на анализ социальных институтов, который позволит осознать реальные механизмы практического построения нового общества. То, что иногда проявляется в качестве поверхностных феноменов, в действительности характеризует решительные тенденции, которые подсказывают не только иные перспективы изменений, но и такой переворот, который по глубине и ширине выходит далеко за пределы ожиданий традиционной общественной теории. С точки зрения исторического прогресса каждая новая степень развития человеческого общества отличается от прошлого тем, что создает новые предпосылки для материальной и духовной интеграции человечества как выражения основной тенденции этого общественно-исторического развития. Для западной экономической, обществоведческой и управленческой теории интеграция развитых обществ в современной «неокапиталистической» (или по другой терминологии, «неоиндустриальной»), фазе их развития является объектом серьезных исследований, которые показы-

вают, каким образом современным развитым государствам удастся институализировать и контролировать социальные взаимоотношения (в частности, в исследованиях П. Кругмана, Д. Стиглица, Д. Нейсбита, Ю. Хабермаса, Р. Курца, Т. Майера, К. Оффе, О. Лафонтена, А. Турена и др.). Это, прежде всего – анализ глобальных экономических, политических, мировоззренческих и общественных трансформаций, функционирование идеологии, систем управления, образования и воспитания, средств массовой коммуникации, методов ограничения социальной борьбы рамками формализованной системы, развития институтов социума и контроля за рынком [1].

Современные изменения в природе развитого индустриального общества привели к тому, что узкоспециализированный анализ рыночного механизма не может уже предоставить реального представления о структуре общественной системы: государство стало неотъемлемым элементом функционирования экономики, и в определенном смысле все общество преобразовано в экономический аппарат и наоборот, наблюдаем масштабное явление государственно-политического интервенционизма в экономическую систему [8, 52]. Разные элементы общества пронизаны экономической и политической рациональностью. На смену классической рыночной экономике пришел не просто монополистический и олигополистический рынок, но сложная структура управляемых и взаимозависимых процессов.

В ситуации перехода к неокapитализму («посткапитализму», «новому индустриальному», «постиндустриальному» обществу) стремление к стабилизации системы обнаруживает недостаточность только экономических рычагов, возникает потребность в непосредственном влиянии на сознание масс, в создании общеобщественного рынка товаров духовного производства как интегрирующей, объединительной общественной силы. Научно-технический процесс, превращение науки в непосредственно производственную силу, революция в сфере средств массовой коммуникации облегчают осуществление этого задания. Это стало новым историческим управленческим шагом на пути создания реальных предпосылок как для материальной, так и для духовной интеграции социальных систем. Технический прогресс, который распространился на всю систему господства и координации, создает формы жизни и власти, которые замиряют силы, оппозиционные по отношению к системе и разрушают или уничтожают любой протест именем исторических перспектив освобождения от тяжелого труда и господства. Опыт тотальной интеграции общественно-экономических групп на основе «консенсусного согласия» [5, 31] в неокapиталистических обществах делает границы между социально-экономическими классами все более условными.

В условиях «неокapитализма» происходят изменения в экономике, которые ведут к устранению обнищания наемных работников, к ликвидации прежней противоположности между работниками физического и

умственного труда, к значительному повышению квалификации рабочего класса в целом. В современных условиях «противоречия глобализма и империализма» не могут быть подведены под общие формулы, такие, как «универсальные противоречия между трудом и капиталом», и тем более не могут быть решены ими [9, 191]. Для современного общества существенным является рост количества людей, которые не ожидают помощи от политики в преодолении страха и беспокойства ни там, где экономическая власть достаточно часто превращается в политическую, ни там, где угнетается свободное выражение мыслей – как в капиталистическом государстве «всеобщего благоденствия», так и в государственно-бюрократических «социалистических» системах творческая жизненная активность подменяется разными формами отвлечения от плодотворной социально-экономической деятельности. Это в конечном итоге приводит к массовому бегству из общественных структур, которое, в свою очередь, порождает новые трудности, зависимости, человеческую пассивность, девальвацию личности как ответственного субъекта социально-исторического творчества.

С наступлением автоматизации ремесленные умения, знания и инициатива передаются машине. Уничтожаются целые профессии и сферы самореализации. На смену классическому квалифицированному рабочему приходит новый тип наученного и детально специализированного работника. Квалификация больше не имеет смысла. Капиталу удалось с помощью системы Тейлора, научной организации труда и новых технологий все больше ограничить влияние работника на процесс производства. Повышение производительности труда шло рука об руку с уничтожением автономии работника. Производственная деятельность все больше осуществлялась атомизированной рабочей массой, которая не имеет никакой технической мощности. Рабочая сила, которая осталась после сокращений, поддается производственной деквалификации, поскольку знание – это «власть» работника. Распыление и специализация профессиональных знаний привела к тому, что в середине 1990-х гг. существовало 20 тысяч операций в 500 профессиях, тогда как в начале индустриализации 300 лет тому назад было всего 100 профессий. Выброшенные из процесса производства и управления работники обрекаются на все более жалкие условия труда и социальное бесправие на мельчайших и недолго существующих предприятиях и во все более сомнительном секторе услуг. При этом зарплата падает, рабочее время растет, а безработица увеличивается.

С развитием разделения труда все больше разбухал и сектор услуг. В итоге способность делать что-то самим (например, чинить бытовые приборы, лечить элементарные заболевания и так далее), что и без того пострадала из-за специализации труда, еще больше ограничивается, а контроль над обществом растет. Товарные отношения и потребление

товаров (т.е., предметов, производимых на продажу) распространились на такие сферы, где еще несколько десятков лет тому люди действовали безвозмездно и на основе взаимопомощи. Рост предложения товаров массового потребления, коммерческих развлечений, которые обрекают на пассивность, услуг, служб по уходу за людьми преклонных лет, больными и тому подобное – все это разрушает начальную взаимопомощь между людьми, их взаимные связи и повседневные знания (народную культуру), само явление солидарности. Поскольку новые технологии все больше изгоняют живого работника из процесса производства, то автоматизированная «фабрика» с несколькими работниками тем более не может быть центром общественной организации самоуправления. «Фабрики» чаще всего вообще не являются самостоятельными экономическими единицами: они принадлежат другим, часто удаленным от них транснациональным фирмам и предприятиям, зависят в своей производственной деятельности, в сбыте и в снабжениях сырья или комплектующих от централизованных органов, которые руководят ими извне.

В теориях управления происходит эволюция к «менеджменту человеческих ресурсов». Предыдущие «рациональные», «тейлористские» управленческие модели, которые предусматривают жесткие методы административного командного управления и вертикальную иерархическую структуру являются эффективными лишь на отдельном участке производства или социума в случаях экстремальной потребности по концентрации совместных усилий. Конечно, современный менеджмент не отбрасывает полностью модель рационализма. Она остается методологической основой формирования организационных структур, планирования, проведения предпроектных исследований, экономических расчетов и проч. Элементы жесткого командного управления остаются подавляющими в определенных экстремальных условиях, которые требуют, например, быстрой концентрации усилий на каком-либо участке работ или при решении производственных заданий (например, выпуск массовой стандартной продукции). Однако по своей сути они стоят на пути налаживания партнерских взаимоотношений, экспериментированию, сдерживая инициативность, что, в конце концов, приводит к снижению эффективности как производства, так и общественной мобильности.

Административность управления служит консервированию антагонистических отношений, социально-политическим конфликтам вследствие обострения противоречий между взаимодействующими сторонами (работники, властная структура, управление). А там, где нужно экспериментировать, искать, в условиях повышенного хозяйственного риска, налаживать разнообразные рабочие связи между партнерами, административные рычаги становятся неэффективными – нужно новое, гибче и разнообразное или так называемое органическое управление. Поэтому в концепциях управления является необходимым формирование новой стратегии, нача-

лом чего является слом традиционных стереотипов в управленческом мышлении. Э. Мейо отмечает, что созданный тип индустриального общества разрушает межчеловеческую коммуникацию ее первичную неформальную форму, бюрократизируется, изолируя человека, игнорируя мир человеческих эмоций. Создается разрыв между технологически-экономическим развитием общества и его морально-этическим уровнем. Негативным последствием этого является развитие «социального невежества» общества, которое подавляет потребности и стремления личности. Это приводит к вспышкам агрессии и невротизму. На предприятии это ведет к его разрушению (забастовки, «текучка» кадров, производственная апатия и тому подобное); в обществе проявлением этого являются революции, межклассовые столкновения, войны, девальвация социально-этических ценностей.

Необходимо учитывать, что «акционированные» экономико-социальные модели, не позволяющие достичь преодоления отчуждения между участниками общественных и производственных отношений. «Акционированные» модели предусматривают наделение участника взаимоотношений возможностью получения частицы общественной или производственной прибыли. Однако, предоставляя возможность владения, они не предоставляют возможность участия в системе управления и контроля. В этом случае работник на производстве или гражданин в обществе в лучшем случае превращается в фиктивного «владельца-акционера», который подчиняется предписывающей власти управленцев. Построение «общества потребления» и установление формально-юридического равенства не способствует преодолению отчуждения от власти и не предоставляет реальные шансы на получение доступа к системе управления. Нерегулярное «участие» в формотворчестве решений в виде эпизодического участия в выборах или выполнении принятых управленческой верхушкой решений, при отсутствии навыков управления, оставляет человека пассивным участником социальных и производственных процессов, сформированных господствующей идеологией. Следствием этого является развитие у человека созерцательной и сугубо исполнительской позиции.

Антагонистично-эксплуатационные отношения между людьми и прежде всего, в сфере непосредственной коммуникации являются основным отчуждающим фактором, поскольку в них человек проявляется не в качестве уникальной личности, а как определенный фетишизированный эталон господствующих экономических и политических идеологием [11, 27]. «Менеджмент человеческих ресурсов» способствует улучшению ситуации. Поскольку в нем человек, в частности работник, уже не является объектом-исполнителем, а от него требуется активная позиция, стимулируется творческий подход, формируется личная ответственность за результаты собственного труда и деятельности. И действует он ради общих целей (предприятия, социума). Развитие личной инициативы в

данном случае стимулируется системой мотивационной поддержки (карьерное продвижение, финансовая стимуляция). «Теория У» Д. Мак-Грегора указывает, что система санкций и административного побуждения не является достаточно эффективной.

В иерархических и, следовательно, авторитарных общественных и производственных системах действительно самоуправляющиеся проекты невозможны. Самоуправляющиеся предприятия и структуры вынуждены, если хотят выжить экономически, приспособливаться к капитализированным условиям рынка, налогов, конкуренции, рекламы и так далее. Они не в состоянии выйти за пределы компромисса между приспособлением и альтернативой. Они интегрируются в существующую систему и в реальности не угрожают ей. Проекты, которые более политизируются, уничтожаются государством. Большинство же самоуправляющихся предприятий настолько заняты сугубо экономическими проблемами, что у них не доходят руки для политического влияния вовне. Необходимо учитывать, что при определенных условиях человек не только является способным к ответственности, но и стремится к ней. Опыт показывает, что самоуправление приобретает надлежащую динамику только в социальных революционных (комплексно-преобразовательских) условиях. Лишь тогда оно в состоянии сломать структуры иерархического общества. Но ни одному революционному движению не удавалось до сих пор ни создать длительные формы самоуправления, ни ликвидировать общественное и техническое разделение труда – даже если они превращали средства производства в общественную собственность.

Человек способен себя контролировать и действовать общественно-солидарно в случае стремления к целям, достижение которых будет способствовать удовлетворению его индивидуальных интересов. Следующим шагом является неомарксистская модель «делиберативного коммуникативного менеджмента».

Целью «делиберативного коммуникативного менеджмента» на общественном, политическом и экономико-производственном уровнях является достижение бесконфликтной ситуации на основе согласованных действий, которые направлены на удовлетворение общих интересов, участие работников (производство) и граждан (общество) в структурах управления. Предыдущие объекты производства и управления (люди) должны стать субъектами производственной, общественной организации и управления с целью реализации своих и коллективных, общеобщественных потребностей и способностей. Создается система общих стимулов и общей заинтересованности благодаря общему участию в управлении, которое в результате приобретает черты самоуправления. В таком случае нормы и решения могут быть легитимизированы на основе общей коммуникации, которая является регулятивным принципом. Созданная структура должна

предоставлять одинаковые условия для равноправного выбора действий, исключая принуждение и господство.

Заданием становится достижение демократического консенсуса в принятии решений. На уровне общества и предприятия нормы и решения формируются в результате компромисса и согласия (консенсуса) между всеми заинтересованными участниками, которые имеют равные права в равном доступе к управленческой власти. В то же время исключается избыточное давление со стороны одной из сторон, не предоставляется никому привилегированного властно-управленческого положения. Консенсус достигается благодаря процедуре общего коммуникативного формирования решений, которые основываясь на равных интересах каждого, находят обоснованное одобрение всех. Данная модель получила название делиберативной демократии (происходит от латинского термина *deliberatio* – «обсуждение»). Каждый индивид получает возможность принимать участие в выработке стратегии функционирования предприятия, государства, общества, которое приводит к учету интересов отдельных индивидов и социальных групп и углубления их взаимопонимания. Общественные, государственные, хозяйственно-производственные образования формируются благодаря отношениям взаимного признания, обсуждения и компромисса, который означает добровольный отказ от узкоэгоистических индивидуалистских или групповых интересов, если они стоят на пути к взаимному согласию и расширению открытости общественной и политической коммуникации. Делиберативная модель менеджмента и демократии отмечает, что нельзя считать по-настоящему легитимным то решение, которое опирается на заранее выработанную и утвержденную формулу действий и решений (наподобие, «Я знаю, чего хочет народ» и т.п.). Не существует единственной, заранее сформированной «воли народа». Целью делиберативной модели управления является постоянное уменьшение наемно-эксплуататорских отношений; расширение системы самоуправления (как общественного, так и на уровне предприятий). В таком случае субъект общественных и трудовых отношений является также субъектом (а не объектом) системы управления, распределения и контроля. Идея делиберативного самоуправленческого уклада является противоположностью как командно-административному типу управления, так и тотально-дерегулированным системам. Демократическое самоуправление должно быть достаточно гибким, т.е. массы и индивид должны иметь возможность свободно выбирать из числа разнообразных альтернативных проектов.

В ходе предыдущих экономических и общественных трансформаций, эффективно функционирующих систем и социальных революций сложилась возможная форма организации свободного общества самоуправления: плебисцитарные обсуждения и референдумы разных уровней, общие собрания, трудовые советы на производстве, квартальные советы в территориальных общинах, состоя из делегатов с общественным

указом, обязательным для выполнения, связаны между собой через федерализированные гражданские органы. Работники умственного и физического труда объединяются в федерации на производственном, местном, региональном и интернациональном уровнях. Организационными формами могут быть территориальные органы самоорганизации обществ, совета предприятий на производстве, коммунальные советы в кварталах и микрорайонах, межпрофессиональные объединения в сфере распределения, а также промышленные и сельскохозяйственные федерации. Идея самоуправления допускает, что в экономике производители сами организуют работу каждого предприятия и управление им, а также распределение выработанных продуктов. При этом отдельные коллективы, предприятия и отрасли служат автономными звеньями общей хозяйственной федерации и организуют на основе взаимной договоренности все производство и распределение в интересах всего общества. Множество автономных элементов общества координируют свою деятельность без какой-либо социальной пирамиды или какого-либо централизованного господства. Поэтому самоуправление несовместимо с государственным доминированием над гражданским обществом.

Система и общество самоуправления, основанные на коллективной и индивидуальной автономии, не может просто заимствовать капиталистические средства производства и технологии с их иерархической структурой. К важнейшим заданиям свободного общества относится не только преодоление социального и технического разделения труда, но и сознательное превращение технологии. Технология должна учитывать проблемы автономии и свободы личности, а также окружающей среды. Технологии, которые служат исключительно интересам прибыли, станут лишними; вместо них будут использоваться такие, которым сегодня не дает развиваться капиталистическая система. Новые технологии будут сильно децентрализованными, должны быть соответствующими человеческим масштабам; их можно будет «окинуть взглядом» и контролировать. Вырастет значение альтернативных технологий, которые служат для самообеспечения, например, использование ветровой и солнечной энергии, потребление овощей и фруктов из небольших общественных садов и огородов. Смогут образоваться жилищные пространства, которые не будут иметь ничего общего ни с сельской глухоманью, ни с хаосом гигантских мегаполисов. Они не выйдут за объемы за пределы того, которое может охватить человеческий глаз и не потребуют сложного управления. Тем самым будет преодолено разделение города и села. Разветвленная сеть мелких и средних предприятий, контролируемых коллективом и обществом, в котором они расположены, позволит организовать производство, ориентированное на удовлетворение потребностей на месте. Можно будет соединить самопроизводство для самообеспечения общества и производство предметов потребления для всего общества.

Общество должно использовать микроэлектронику в неиерархическом духе, который позволит преодолеть социальное и техническое разделение труда и сократить рабочее время. Информатика может обеспечить всем людям доступ к накопленному знанию и к процессам принятия решений в обществе. Без равноправного доступа ко всем сферам общественной жизни – экономике, науке, культуре и так далее – не может быть настоящего самоуправления. Автоматизация привела к потере квалификации, специализация – к профессиональной односторонности, но информатика и автоматизация могут и пойти на пользу делу освобождения личности, если общественно необходимый труд будет в значительной мере автоматизирован и сможет выполняться всеми. Благодаря общей профессиональной учебе можно будет освоить разные квалификации и менять виды выполняемого труда.

Уничтожение отношений господства обнаруживает, что разумная организация общества, которую имеет в виду критическая теория, являет собой нечто большее, нежели новую форму управления хозяйством. «Это большее задевает то определяющее, благодаря чему общество и становится разумным: подчинение хозяйства потребностям индивидов» [13, 105]. Общество и производство в перспективе должны стать самоуправляемыми. На смену системе «человек-вещь-человек», должна прийти система «человек-человек», где отношения будут непосредственно межличностно-общественными, разумными. Но такие отношения требуют и определенных людей – всесторонне развитых, способных ориентироваться во всех общественно-экономических отношениях. Самоуправление осуществляется внутри общественных систем благодаря включению населения в управление и собственность, расширению прав и свобод, роста социальной защищенности, гуманизации общественной жизни. Новое общество, производство, таким образом – это сознательно регулируемая и самоуправляемая система.

Демократия во всех формах делиберативного коммуникативного управления, прежде всего, – это коммуникация, которая в процессе самого широкого обсуждения рационально формирует волю ее участников. То есть, необходимо исходить не из заранее определенных взглядов и решений, а из процессов их формирования в общественном коммуникативном дискурсе. Развитие нового общества должно осуществляться как свободное дело освобожденных индивидов. Для такой системы базовым является принцип общественной ответственности. Способность к ответственности означает подчинение ее требованиям: «быть могущим» связано с «быть обязанным». «Ответственность является составляющей свободы действующего субъекта: я отвечаю за свои действия, невзирая на то, существует ли объект ответственности, который – рано или поздно – привлечет меня к ней» [3, 32]. Этим обуславливается ответственность и зависимость состояния каждого за аналогичное состояние другого. Равный

для всех уровень свободы и справедливости является возможным при наличии солидарности: каждый член сообщества должен отвечать за свои действия, заручаясь аналогичной ответственностью по отношению к себе со стороны других членов [4, 19]. Происходит сочетание самой ответственности и совместной ответственности (со-ответственности). Вместе с принципом ответственности, каждый при такой системе также получает частицу общественного или предпринимательского дохода и управленческих возможностей пропорционально индивидуальному взносу в общее дело. Это становится стимулом и мотивацией к творческому, инициативному саморазвитию каждого участника общественных и производственных процессов.

В идеях Р. Курца, Г. Райхельта, Ю. Хабермаса, О. Лафонтена, М. Хаммера, А. Негри обращается внимание на взаимосвязь общественно-коллективных действий, интерперсонального взаимодействия творческих лиц с типом экономико-политической идеологии социума. Представляется существенным и обоснованным утверждение, что эффективные гражданские ассоциации любого уровня и типа осуществляется не на основе решений большинства и даже не на основе консенсуса, а на почве «внутренней согласованности общественных ориентиров и ценностных стремлений» [15, 122]. Общественные реформы как самоцель сами по себе не способны решить фундаментальные противоречия, которые раздирают современный мир. Необходимы также и радикальные социально-революционные изменения, которых можно достичь лишь благодаря широким массовым действиям и развитию системы самоорганизации и самоуправления. Поэтому делиберативная экономико-политическая концепция сохраняет в своем арсенале учение о перманентной социально-экономической революции (Э. Мандель, А. Горц, А. Бадью, М. Хардт), под которой понимается необходимость солидарных действий общества и человечества относительно решения вышеупомянутых проблем. Самоуправленческое делиберативное общество в перспективе может быть (и должно стать) мировой системой, потому что на уровне отдельной страны возможны лишь элементы «гражданской самоуправленческой системы» в той или иной экономико-политической и общественной сферах.

Субсидиарная делиберативная концепция (термин т.н. «Субсидиарной школы»), которая охватывает исследования таких экономистов, социологов, политологов, правоведов, как, в частности, Р. Шольц и Н. Тренкле, Э. Лохоф и А. Белгарт и Ф. Шандл, Р. Курц и Г. Райхельт, О. Лафонтен и Т. Майер, Г. Вайссер и С. Миллер и пр.), рассматривает нынешнее состояние общества как временное, переходное и этапное, нуждающееся в перманентных комплексных экономико-политических, общественно-управленческих и государственно-правовых изменениях. Завоевания экономической и политико-правовой демократии привели к закреплению в развитых государствах гражданско-политических свобод, формально-юридическому равенству всех граждан, широкой системы социальной

защиты. Это состояние является удобной основой для постепенного формирования последующего, более эффективного общественного развития. Речь идет об изменении сущности общества – дополнении к имеющимся социальным завоеваниям расширенной системы отношений самоуправления (в общественной, производственной и политико-государственной сферах), уменьшения пространства отношений администрирования, наемничества и эксплуатации.

В общественной, политической и экономико-производственной сферах субсидиарная демократия и делиберативный менеджмент, исходя из своих идейных принципов, практического опыта и поставленной цели тотального преодоления эксплуатации и отчуждения, не могут позволить себе концентрироваться исключительно на сугубо акционированных и парламентских формах экономико-политической деятельности. Поскольку акционерно-собственническая (экономическая сфера) и формально-парламентская (политическая) деятельность направлены, одновременно: 1) на формирование группы капиталистов-собственников, ориентированных в своих целях т.н. «идеальной предпринимательской целью» – неограниченным увеличением прибыли любыми средствами (в том числе и антиобщественными); 2) профессиональных политиков кланового типа, которые используют сферу политического управления для лоббирования в государственной деятельности своих финансово-промышленных интересов.

Это может привести к концентрации сфер экономического и политического управления в руках некоторых замкнуто-псевдоэлитарных группировок. Это превращает управление в клановую привилегию. В то же время это отчуждает от управленческой экономико-политической деятельности и управленческой культуры широкие слои населения, активность которого в таком случае проявляется эпизодически, – во время получения дивидендов, выборов, акций гражданского неповиновения, стачек или массовых беспорядков.

Делиберативный менеджмент выступает за привлечение к повседневной управленческой экономико-политической деятельности большинства населения, охватывания его сферой экономического и политического просвещения. Самоорганизационная управленческая экономико-политическая деятельность может происходить в нескольких формах. Первая форма – расширение сферы т.н. «самоуправленческой общественности» – форм деятельности граждан в деле саморганизационного самоуправления своей повседневной, профессиональной, творческой жизнью через расширение сферы свободных от системы государственной власти ассоциаций и объединений, в которых люди осуществляют реальное управление собственной судьбой с учетом аналогичных потребностей и прав других. Это приводит к сочетанию деятельности с целью решения собственных повседневных бытовых, профессиональных и других узкогрупповых и классовых интересов с общеобщественными, что также стимулирует обще-

ственно-управленческую активизацию граждан. Вследствие этого управленческая экономико-политическая деятельность превращается из эпизодической в перманентную, активно-эволюционирующую, расширяя одновременно, и самоорганизационную, самоуправленческую сферу. Вторая форма – это методы экономико-политического давления (акции гражданского неповиновения, забастовки, революционные действия и т.п.), которые вынуждают изменять сущность государства и его органов из защитника узкогрупповых потребностей на функцию выразителя и регулятора интересов общеобщественных.

В обществе самоуправления, основанном на самоуправленческих общинах работающих и граждан, которые смогут свободно выбирать свой образ жизни, окончательно должна отойти в прошлое большая часть централизованных решений, которые сегодня принимаются раздутой государственной бюрократией. С ликвидацией государственного управленческого диктата проблема координации приобретает абсолютно другое измерение. Вопросы будут решаться на месте по свободной договоренности. Подобно бюрократии, станет лишним и большая часть специализированного сектора услуг; люди получат больше времени для того, чтобы опять самим делать много вещей. Сокращение рабочего времени благодаря новым технологиям и исчезновения многих видов деятельности в непроизводственной сфере прежней бюрократии даст людям возможность пользоваться своим свободным временем для развития новых способностей и расширения социальных связей на основе добровольного взаимодействия, а не экономического принуждения. Центр тяжести в жизни переместится из труда в сферу взаимоотношений между людьми.

Для всех является очевидным разделение уровней профессионального действия. Есть уровень, на котором принимается (например, заказчиком) принципиальное решение о необходимости того или иного действия в целом, декларировании базовых параметров того, что должно выйти в результате выполнения работы. И есть уровень выполнения, на котором работают профессионалы, – они в рамках данного им заказа (указа), используя выделенные на выполнение ресурсы, выдерживая установленные сроки, применяют свои специализированные знания, опыт и навыки в ходе выполнения. Но вся проблема в том, что в деле государственного управления подавляющее большинство народа не имеют абсолютно никакой возможности сформулировать «заказ» на желаемый тип общества, персональный состав руководящих органов, экономические проекты и даже законы, которым элита принуждает подчиняться массы. Даже если общество в абсолютном своем большинстве из важнейших пунктов желает одного и того же, даже если это технически и экономически абсолютно является возможностью осуществить.

Кто-то будет принимать участие в управлении, а кому-то будет все равно? Это всего лишь будет означать, что те, кто отказались принимать

участие в обсуждении и принятии того или другого решения делегируют свои полномочия тем, кто по этому делу принимает участие. Но возможность участия, если они того захотят, должна быть у всех дееспособных и не признанных в официальном порядке общественно опасными гражданами. В настоящий момент, понятно, об этом нельзя и мечтать. Все это придется преодолевать новым социальным силам, и цена вопроса представляется неясной. Нужно только понимать, за что нужно выступать и как это реализовать, а не только против чего бороться. Только когда будет выработана прогрессивная конструктивная альтернатива существующему порядку управления, только тогда можно и нужно будет вести целеустремленную экономико-политическую борьбу, и только тогда эта борьба увенчается успехом.

Самокоррекция системы управления является отличительной чертой самоорганизующейся системы, что обеспечивает ее выживание и стабильность. Гарантировать выполнение задания постоянной коррекции системы управления обществом возможно, передав эту функцию самому обществу. Преимуществами децентрализованной, саморганизованной социальной системы является: облегченная возможность принятия решений теми, кто ближе всего к проблеме; стимуляция инициативы; активный взаимообмен и кооперация членов общества; малое число иерархических степеней в управлении; повышенная ответственность и самоконтроль.

Однако, учитывая неоднозначность и разнообразие человеческих потребностей и мотивов, возможный характер самоорганизации также является неоднозначным. Опыт показывает, что негативные, паразитические тенденции могут развиваться весьма активно, ведя к маргинализации и криминализации общества. Абсолютная свобода может быть использована противниками системы для ее разрушения, в частности путем представления идеалов и принципов общества как лишних ограничений их гражданской свободы. Это означает, что еще одним условием обеспечения стабильности социальной системы является установление законов, которые определяют пределы поведения граждан, а также формулировки объединяющих всех идей, ценностей и целей. Таким образом, обеспечение стабильного развития социальной системы может быть достигнуто при следующих условиях:

- самоорганизация трудящихся и граждан, чем обеспечивается стабильность общества по аналогии с другими природными системами;
- определение целей общества и законов самоорганизации самим обществом, которое создает условия для его целенаправленного развития, которое невозможно в природных системах.

Базовым принципом модели является высший суверенитет всего народа, его неотъемлемое право на самоуправление в полном объеме и во всех аспектах. Сам народ определяет нормативы, по которым строится его жизнь, принимает решение по социальным проектам, управляет ресурсами,

назначает специалистов на ответственные руководящие должности, которые отвечают перед народом за качество своей работы. Базовым механизмом системы является производственное, территориально-региональное и всенародное компетентное обсуждение (рациональный дискурс) и голосование по всем вопросам, которые касаются управления, прав и обязанностей членов общества, регламентируют нормативные документы, решений о направлениях развития, социальных и экономических проектов, персональных дел высших должностных лиц. Современные цифровые средства связи, управления и обработки информации позволяют легко организовать процесс учета мысли каждого желающего проголосовать члена общества по любому вопросу, причем в режиме реального времени и постоянного функционирования, причем обсуждение и голосование может быть как тайным, так и открытым. Этому должен способствовать и механизм «информационной власти», которая реализовывает право каждого гражданина на получение всей необходимой ему информации и донесение ее к другим гражданам. Только при условии осуществления такой возможности система прямой демократии имеет смысл. Нам, тем, кто живет в эпоху бурного прогресса Интернета, очевидно, что сетевые цифровые средства коммуникационного взаимодействия, связи и информации именно это и позволяют осуществлять в массовом масштабе. По-видимому, тенденциями в развитии производительных сил, которые смогут помочь впервые в истории цивилизации изменить положение, являются следующие. Во-первых, изменение сущности труда, который становится информационным, инновационным и наукоемким, творческим, таким, который требует высокой квалификации и умственных способностей, в частности способности управлять сложными системами, в массовом порядке. Во-вторых, тенденция к автоматизации труда низшего порядка – физического и примитивных форм умственного. В-третьих, максимально высокий уровень информационного обеспечения производственных и социальных процессов, легкость хранения, безрасходность копирования и мгновенная скорость передачи информации в любую точку планеты, технологическая доступность для любого человека любой информации для восприятия и возможность записи, сохранения своей информации. Это и является тем фундаментом производительных сил, который породит в будущем соответствующие им производственные отношения и общественную надстройку.

Самоорганизационная самоуправленческая экономико-политическая деятельность не позволяет консервироваться общественной системе и методам управления, стимулирует их эволюцию в направлении постоянной демократизации. Это приводит к увеличению зависимости управленческой экономико-политической сферы от гражданской общественности, благодаря ее всегдашнему влиянию на принятие общественно весомых решений. Осознание возможности своего реального влияния на управлен-

ческие процессы, способствует формированию «опережающего реформационного мышления» [10, 11] у представителей общественно-управленческой деятельности, которое не приспособляется к имеющейся экономико-политической реальности, а, наоборот, формирует ее развитие – поскольку свободное, нерепрессивное мышление создает схемы и формы будущего реформирования общества. Оно становится революционным фактором, который обуславливает постоянную гуманизационную эволюцию общества.

Значительное количество исследователей «нового индустриального», «постиндустриального», «информационного» общества (Д. Гелбрейт, Д. Нейсбит, Й. Масуда, В. Феркис и другие) обращают внимание на этапное уменьшение любых жестких социальных, образовательных, политических дифференциаций, как условия возникновения стабильного эволюционирующего гражданского общества нового типа – полицентрированного и синергетического. В этом случае гражданская общность является не просто ассоциацией свободных самоуправляющихся объединений, а прежде всего обществом, в котором отдельные граждане являются его главными компонентами, в котором господствует идея равенства в доступе к основным ценностям постиндустриального общества (информации, науке, образованию), которая может привести к стабилизации гражданского общества. Происходит изменение системы взглядов на научно-технический прогресс как разумно контролируемое средство достижения необходимых материальных предпосылок реализации морально-ценностных ориентиров. Прогресс науки и техники прежде понимался как улучшение условий человеческой жизни и тем самым он отождествлялся с общественным прогрессом, утверждением гражданского общества. «В конечном итоге люди должны были понять, что в ходе истории еще нигде план разума не был очевидным, наоборот все большим становилось явным преобладание неразумности. В связи с катастрофами нашего времени был поставлен вопрос о несовпадении научно-технического прогресса с социальным» [14, 107]. Было допущено отождествление разумности человеческого бытия как культурно-исторического явления с материально-производственной рациональностью, которая не выходит за пределы утилитаризма и прагматизма. Без критики инструменталистского разума невозможно анализировать взаимодействие техники и свободы.

Понимание человека как существа незапрограммированного, свободного, но в то же время требующего в течение всей своей жизни обучающего развития требует отказа от статического понимания свободы и прогресса. Человек свободен действовать разумно, но также он свободен совершать ошибки и свободно исправлять их, если они поддаются исправлению. Так как неуверенность, несовершенство, способность ошибаться и впадать в рецидивы бесчеловечности является сугубо человеческими чертами, то соответственно и техника, главная движущая сила общественного прогресса, должна быть рассчитанной на человеческие ошибки. Отсюда воз-

никает моральная необходимость проверять общественно-государственные и управленческие процессы, внося в них изменения и делать их полностью исправимыми. Существующие общественные отношения могут быть гуманизированы благодаря тому, что культурный, правовой и политический прогресс открывает путь к социальному прогрессу через разумно ориентированную экономико-управленческую деятельность.

В ряде неоиндустриальных стран система самоуправляющегося уклада общества постепенно воплощается в жизнь. Это происходит там, где кооперация труда и распределение, обобществление собственности, производственное и политическое самоуправление становятся повседневностью, совмещаясь с научно-технической революцией, глобализацией рынка, с производительным контролем общества над ним, интеграцией культурно-этических ценностей в общечеловеческом духовном развитии. В наиболее широком своем значении делиберативная система является собственностью на знание и культуру в целом, т.е. на те условия жизни и труда, которые служат развитию не только натурального или денежного богатства, но и самого человека как основного капитала, включая сюда образование, средства информации и общения, разные формы интеллектуальной и творческой деятельности. Это делает человека прежде всего духовно богатым в сфере его индивидуального саморазвития.

Унаследованная качественно определенная разноплановость и разнообразие хозяйственных структур медленно, но неуклонно отживается на более высоком уровне научно-технических производственных сил, который позволит ассоциируемым индивидам быть реально свободными управленческом, в общественно-политическом, экономическом, и в духовном отношениях. Это станет возможным тогда, когда абсолютно преобладающая часть общественной и производственной системы будет охвачена непосредственно общественным контролем. Это и будет означать реальную победу делиберативного устройства в базисе социума, так как разнообразные продукты коллективной деятельности ассоциируемых членов перестанут противостоять друг другу. Только объективное развитие средств производства, производственных сил, рынка, управления, только объективация обобществление труда в разных формах его реально необходимой и выгодной кооперации может снять его общественное распределение, в самих грубых формах отчуждающего от человека не только результаты труда, но и сам труд как его деятельность, как саморазвитие. В современных условиях технологического, информатизированного развития, когда разные типы труда и их продукты не противостоят непримиримо друг другу как обобщение интересов разных социальных сообществ, а профессиональные особенности благодаря автоматизации, информатизации унифицируются, то мерой самого труда постепенно становится его время, которое может учитываться при распределении по труду.

В модели делиберативности выражается историческая тенденция перехода к свободе от политического и экономического детерминизма, благодаря чему человек становится совладельцем всеобщих условий своего личного развития, независимо от выполняемых им социально-экономических функций и ролей. Уменьшение, благодаря науке и технике, необходимого труда, в условиях делиберативной модели ведет к увеличению времени для того полного развития индивида, который сам, в свою очередь, как наивысшая производственная сила обратно влияет на производственную силу труда. Общественное богатство – не просто собственность всех, но каждого, т.е. такая общая собственность, где каждый является владельцем всего общественного богатства в его полном объеме [9, 43]. Как свобода каждого является условием свободы всех, так и этим богатством, прежде всего, является наука, научное знание, которое в реальности может принадлежать каждому в полном объеме, не мешая владению им другими. Научное знание является по своей сущности всеобщей производственной силой, в равной мере доступной каждому. Делиберативная экономико-производственная и управленческая система является фактором общественно-культурным, который включает в себя отношение человека к средствам не только материального производства, но и своего самопроизводства как творческого, общественного, разумного существа. Она как бы выводит человека за пределы непосредственно материального производства, за пределы его сугубо экономического существования и необходимости в более широкую социальную сферу свободного и многостороннего развития.

Литература

1. Bello W. The Virtues of Deglobalization. Washington, DC: Foreign Policy In Focus. Sp 3, 2009.
2. Christoph K. Solidarität. Baden-Baden: Nomos, 1999. 223 s.
3. Dannemann R. Das Prinzip Verdinglichung. Wiesbaden: Panorama, 2005. 166 s.
4. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus: wie wir am Wachstum scheitern. Christian Lauk, Konstantin Kulterer. Wien: Ueberreuter, 2008. 223 s.
5. Fuchs A. Solidarität der Sozialpolitik. Bonn: Taschenbuch-Verlag, 2003. 227 s.
6. Gorz A. Kritik der ökonomischen Vernunft. Sinnfragen am Ende der Arbeitsgesellschaft. Hamburg: Rotbuch Verlag, 1994. 388 s.
7. Habermas J. Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2002. 195 s.
8. Habermas J. Theorie und Praxis. Sozialphilosophische Studien. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2005. 303 s.
9. Habermas J. Vergangenheit als Zukunft. Das alte Deutschland in neuen Europa. Zurich: Pendo Verlag, 1993. 158 s.

10. Hardt M. and Negri A. *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. New York: The Penguin Press, 2004. 450 p.
11. Kockshott P.W., Kotrell A., *Alternativen aus dem Rechner. Für sozialistische Planung und direkte Demokratie*. Köln:PapyRossa Verlag, 2006. 267 s.
12. Krugman P.*The Return of Depression Economics and the Crisis*.-New York: W. W. Norton; First Edition edition, 2009. 224 p.
13. Kurz R. *Schwarzbuch Kapitalismus. Ein Abgesang auf die Marktwirtschaft*. Munchen: Ullstein, 2001. 456 s.
14. Lafontaine O. *Fortschritt und Solidarität*. Bonn: Reinbek Verlag, 2008. 228 s.
15. Lafontaine O. *Keine Angst vor der Globalisierung: Wohlstand und Arbeit für alle*.-Berlin/Bonn: J. H. W. Dietz Verlag, 2009. 352 s.
16. Marcuse H. *Kritik der reinen Toleranz*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1993. 127 s.
17. Marcuse H. *Versuch über die Befreiung*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1989. 133 s.
18. Mark S (Stephan). *Dialektisches Denken in der Philosophie der Gegenwart. Die Ideen des Marxismus und die Reform der Demokratie*. Köln-Hannover: SPD-Verlag, 1997. 224 s.
19. Meyer Th. *Grundwerte und Wissenschaft im demokratischen Sozialismus*. Berlin/Bonn: J. H. W. Dietz Verlag, 2008. 246 s.
20. Meyer Th. *Grundwerte, Wissenschaft, konkrete Utopie*. Hannover: Fackeltrager Vlg., 1996. 287 s.
21. Schmidt A. *Beiträge zur marxistischen Erkenntnistheorie*. Frankfurt a. M., Suhrkamp, 1998. 264 s.
22. Toffler A. *The Adaptive Corporation*. Aldershot: Gower, 1985. 194 p.
23. Touraine A. *Un nouveau paradigme. Pour comprendre le monde d'aujourd'hui*. Paris: Livre de Poche, 2006. 410 p.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Социально-политическая и экономическая трансформация современных транзитивных обществ

Полная экономическая трансформация посткоммунистических и, в частности, постсоветских стран непосредственно связана с разного рода интеграцией в общее экономическое и политическое пространство. Большинство стран Центральной и Восточной Европы хотят полного членства в Европейском Союзе, который выступает центром данной интеграции. Расширение ЕС имеет целью построение Европы без политических или экономических границ. Параллельно проходят и локальные, региональные процессы интеграции как собственно европейского, так и евроазиатского типов на постсоветском и общеевропейском пространствах.

В то же время, общественная, экономическая и политическая трансформация, и интеграция не должны отбрасывать национальное разнообразие: географические, исторические, культурные и политические отличия стран. Опыт стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), которые на несколько лет раньше от постсоветских государств приступили к модернизации экономико-политической системы и формированию рыночной экономики, заслуживает пристального и глубокого изучения. Использование этого опыта с учетом специфических условий нашей страны позволит избежать многих ошибок, ускорить формирование эффективно функционирующего хозяйства рыночного типа.

Поскольку страны ЦВЕ, так же, как и Россия, Украина, имели общее наследие политического и экономического прошлого и социальной действительности, их выбор политики трансформации является достаточно важным. В настоящее время, после осуществления большей части мероприятий периода технократической стабилизации и либерализации, наступило удобное время для широких дебатов о том, какого типа общества хотят построить посткоммунистические страны в результате своего развития. В конечном итоге, от их сегодняшнего экономико-политического выбора зависит будущее данного региона.

И мы уверены, что в меру последующей трансформации стран ЦВЕ национальная самобытность каждой из них будет расти. Ведь проблемы, потребности, которые появляются сегодня перед Чешской Республикой, Эстонией или Словенией, своим измерением, типом и уровнем резко отличаются от проблем Румынии, Украины и, конечно, России. Поэтому понятно, что предложить единственный для всех стран ЦВЕ проект реформ невозможно. Однако мы попробуем предложить такой подход к анализу переходного периода, который длится от второй половины 1990-х – начала 2000-х гг., благодаря которому можно было бы получить более

точные социально-политические рецепты, актуальные для конкретных условий каждой страны ЦВЕ.

Наиболее существенный момент касается необходимости создания в государстве институтов как автократического, так демократического развития, с одновременным формированием развитого гражданского общества. Успешная политическая трансформация, сопровождаемая ростом благосостояния и социальной стабильности, высвобождение творческой энергии гражданского общества является обязательным условием прогрессивного экономического развития государства. Его начальный толчок зависит главным образом от государственной производственной, денежной, финансовой и внешнеторговой политики. Следующее продвижение возможно, если в развивающейся стране созданы условия для развития правовой, социальной и материальной инфраструктуры рыночной экономики. Для эффективного перехода к современной неокapиталистической экономике, способной конкурировать с экономиками ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) и остального мира, такая страна должна обеспечить национальный трансформационный процесс необходимыми ресурсами: инвестиционными, человеческими, материальными. Для этого необходимо отказаться от политики «дезертирства государства» [1], т.е. его устранения (и самоустранения) от влияния на общественные процессы, что характерно для посткоммунистической эйфории.

Конечно, нужно принять во внимание наследие государственного провала прежней социально-экономической модели развития, а также характерные для многих трансформирующихся стран, реалии неадекватной и неэффективной системы общественного администрирования. Специфическая проблема, которая появилась перед переходными экономиками, – это демонтаж государственного аппарата и избыточных структур сверхиндустриализированных экономик с одновременным конструированием нового государства и новой экономической базы, конкурентоспособной на мировом рынке, а также поддержанием занятости и обеспечением стабильного улучшения уровня жизни для всех. Сложность и противоречия такого двойного задания заключаются у необходимости одновременного демонтажа и конструирования, заполнения системного вакуума – этого источника большинства экономических нарушений, от которых страдала Центральная и Восточная Европа в течение последних лет.

Немаловажной проблемой для стран данного региона был выбор модели смешанной экономики. В политических дебатах доминировало разногласие в мыслях как относительно относительных приоритетов, с одной стороны, «шоковой терапии» для обеспечения макроэкономической стабильности, так и, с другой стороны – постепенного, градуального варианта трансформации, при котором шок является умеренным, а демонтаж происходит медленнее. Подобные специфические дебаты теперь уже отошли в историю трансформаций экономики и общества стран ЦВЕ и

рассматриваются лишь как составляющая процесса, который привел их транзитивные экономики к нынешнему состоянию. Быстро или постепенно, но там состоялся переход к доминированию ценовых сигналов, рыночного разделения труда, частной собственности, децентрализации принятия экономических решений, макроэкономической дисциплины и суровых бюджетных ограничений.

Следует отметить, что этот процесс трансформаций не был безболезненным. Во всех посткоммунистических странах он сопровождался значительным падением промышленного производства, ВВП и занятости, существенным снижением уровня жизни населения. Масштаб экономических потрясений переходного периода можно сравнить с Большим кризисом начала 1930-х гг. И хотя впоследствии начался рост общих экономических показателей, особенно в Польше, Чешской Республике, Словении, Венгрии и даже в Албании и других подобных странах, в частности в России и Украине, но на конец 2008 г. падение производства все еще происходило в подавляющем большинстве стран ЦВЕ. Сверх того, в некоторых из них средний жизненный стандарт, измеренный условно, и до сих пор не вернулся на уровень до 1989 г. При таких условиях неравенство, недовольство, этнические конфликты способны выступить серьезной угрозой двуединому процессу политических и экономических реформ. Серая, неэффективная стабильность начала 1980-х гг. для некоторых, возможно, выглядит привлекательной, если смотреть на нее изнутри бурных и нестабильных 1990-х и 2000-х гг. Очевидная и неотложная опасность кроется не только в конфликтах, порождающихся бедностью и замедленным развитием, но и в том, что ресурсы, крайне необходимые для экономических и социальных инвестиций, снова и снова поглощаются социальным сектором, сферой национальной безопасности и обороны, мировыми и локальными кризисами современного глобального общества.

В этот период изменений наиболее важным и эффективным является формирование эффективного государственного управления, развитие зрелого гражданского общества, построение социально ориентированной рыночной экономики, нуждающейся в разработке новых соответствующих институтов, которые должны способствовать накоплению и закреплению проведенных трансформаций. При этом, государственное регулирование, общественный контроль и публичность власти, конкуренция и рыночный выбор являются неперенными и важными составляющими изменений, хотя собственно рыночные силы обычно усиливают дезинтеграцию, порожденную такими реформами, и часто к таким масштабам, что реконструкция в опасной степени разлаживается и осложняется.

Достижение изменений с минимумом социального разрушения обеспечивается благодаря влиянию на рынок социальной власти. Например, восстановление Западной Европы после Второй мировой войны было про-

ведено на фоне суровых принудительных мероприятий, которые направляли рынок к четко определенным экономическим и социальным целям.

Поэтому важным заданием является возобновление публичной ответственности и построение эффективного государства, способного обеспечить трансформацию, используя динамизм рынка. В этой связи естественно, что формирование модели модернизации начинается из создания эффективной структуры публичных институций и общественной администрации. При обсуждении экономической политики в странах, которые принадлежат к ОЭСР, обычно принимается как должное, что уже существует эффективный административный аппарат, готовый и способный воплотить в жизнь широкий спектр экономико-социальных программ. Такое предположение, иногда безосновательное даже для экономик ОЭСР, является полностью безосновательным и ничем не оправданным для трансформирующихся экономик. Постсоветские страны ЦВЕ унаследовали систему общественного администрирования, абсолютно непригодную для рыночной экономики. Соответственно, существенная составляющая процесса трансформации должна быть направлена на перестройку публичных институций для превращения их в эффективный инструмент политики в гражданском обществе и рыночной экономике. Среди предложений – внедрение более эффективной производственной, налоговой и таможенной системы, жёсткой политики против коррупции, возрождения местного самоуправления и вмешательство государства в права собственности.

Следует также отметить, что в переходном процессе государству выпадает миссия решения двух важных для населения проблем: распределение социального груза для обеспечения социальной безопасности и борьба с безработицей. Было бы крайне неразумным считать, что с началом перепроектирования социальной политики нужно ожидать того момента, когда «нарастающая волна разбросает все лодки» (Конфуций). Не стоит надеяться на то, что транзитивному государству дешево обойдется сохранение унаследованных от прошлого определенных социальных гарантий, особенно ввиду того, что, во-первых, они умножены на надежду существенного улучшения после начала осуществления реформ и так называемых «антитоталитарных революций». А во-вторых, цена этих социальных благ непременно будет расти в неблагоприятных экономических условиях трансформирующихся стран. Невзирая на снижение части ВВП, которая направляется на содержание сферы здравоохранения и образования, большинство стран, которые трансформируются, находятся в постоянном финансовом затруднении. Часть ВВП, которой распоряжается государство, не может быть обеспечена новым экономическим порядком, а усиление налогового давления ограничивает экономические стимулы и выступает потенциальным тормозом роста экономики.

Реформа социального обеспечения, которое в результате должно стать справедливым и общедоступным, является необходимой предпосылкой

общественных и частных инвестиций. Решение об осуществлении таких трансформаций достаточно является тяжелым. В большинстве стран ЦВЕ пенсионный возраст или был, или должен быть повышен. Приоритет, очевидно, нужно предоставить помощи детям, инвалидам, обеспечению населения базовым объемом питания, здравоохранению.

В то же время резко растет безработица, которая является социальным и экономическим злом. Полная занятость должна определяться как фундаментальная цель социально-экономической политики [4]. В трансформирующихся странах, в частности постсоветских и ЦВЕ, возрастающая и стойкая безработица может серьезно взорвать переход к гражданскому обществу и функциональной рыночной экономике. Это – существенный источник роста обнищания и неравенства, а также расточение ресурсов. Определенный уровень безработицы был необходимым, учитывая разрушение производства, которое непременно сопровождает чрезвычайные экономические трансформации, – наподобие тех, что их переживали переходные экономики стран ЦВЕ. Но масштаб теперешней безработицы не является неминуемым, и его можно избежать. Мероприятия, направленные на преодоление безработицы, – как оперативные, так и долгосрочные, – должны быть ключевыми элементами любых эффективных экономических программ. Для массовой безработицы сегодня нет фундаментальной внеэкономической причины. Поэтому, чтобы преодолеть безработицу, как показывает опыт успешных стран ЦВЕ, необходим пакет мероприятий – как макроэкономических, так и таких, которые непосредственно влияют на рынок труда.

В своих, в основном успешных, социально-экономических реформах, нынешние «старые» и «новые» страны ЕС посвящали обстоятельное внимание социальной политике и преодолению безработицы, решали практические вопросы производства и продажи в сельскохозяйственной отрасли, промышленности, сфере обслуживания, управления и международной торговли.

Сельское хозяйство – большой и важный сектор во всем регионе. Оно играет значительную роль в решении проблем продовольственного обеспечения населения, занятости, производительности экономики, использования земли, финансового баланса и внешней торговли. И эта роль в странах, которые трансформируются, является значительно большей, сравнительно с государствами Европейского Союза. Непременной составляющей процесса трансформации аграрного сектора должна быть кардинальная замена его институций. К тому же сельское хозяйство – весомый элемент торговли с Евросоюзом, азиатскими государствами, а, следовательно, ощутимая болевая точка в кругу проблем, связанных с региональной интеграцией постсоветского и евроазиатского пространства, расширением ЕС путем вступления в него стран ЦВЕ.

Однако парадоксальным является то, что в торговле сельхозпродукцией с Евросоюзом большинство восточноевропейских стран превратились в чистых импортеров. Создание эффективного аграрного сектора требует капиталовложений и новых организационных форм, внедрение которых позволит повысить эффективность переходных экономик.

Известно, что сфера услуг обеспечивает солидную часть занятости и роста доходов. Действенность малой приватизации в этой отрасли была достаточно ощутимой в странах ЦВЕ. Важный экономический импульс был дан: развитием туризма – в Чешской Республике, Словакии, Венгрии, расширением финансового сектора – в Прибалтийских странах, сектором безопасности – в таких странах, как Россия. Однако нужно пройти еще долгий путь, чтобы преодолеть препятствия, порожденные очень низким уровнем сектора сервисных служб в коммунистический период.

Ключевым звеном перехода стран к стабильному прогрессирующему развитию является промышленность. Трансформирующиеся экономики унаследовали сверхиндустриальную и ресурсно-сырьевую структуру, в которой техника управления производством, финансами и объемом продаж абсолютно не отвечала требованиям рыночной экономики и потребностям общества. В прошлом основным ограничением в деятельности производителей обычно была проблема поставок, которые они пытались максимизировать, а вовсе не проблема сбыта, которая сдерживает их теперь. Нужно существенное инвестиционное усилие, чтобы приспособить, модернизировать и заменить определяющие компоненты производительности, воспитать новые кадры работников и предоставить им соответствующие квалификационные навыки в менеджменте, создать структуры, где процветали бы инновационные коммерческие поиски и исследования. Выдвинутое требование радикальных изменений и конкурентное давление со стороны экономик ОЭСР, а также международное сотрудничество является, возможно, самым эффективным двигателем в некоторых отраслях индустрии. Но в основном модернизация должна быть «выращенной дома» [2], что предусматривает вложение внутренних ресурсов и формирование среды, в которой экономическая деятельность направляется коммерчески жизнеспособными конкурентными инвестициями.

Приватизация и структурная перестройка – это два ключевых компонента промышленной трансформации в странах постсоветского пространства, имеющие одинаковое приоритетное значение. В то же время, опыт стран ЦВЕ свидетельствует, что приватизация является успешным средством распространения экономической власти, но она заметно неудачна относительно роста капитала и создания системы менеджмента, очень необходимой для модернизации производства. Сверх того, проблемы в управлении корпорацией могут порождаться и собственно средствами, избранными для осуществления приватизации (в том числе и продажи предприятий иностранным компаниям).

Теперь существует необходимость:

1) создания таких корпоративных структур собственности и контроля, которые в наибольшей степени будут гарантировать то, что менеджеры будут заботиться об интересах владельцев, а не только о личных потребностях, которые не всегда совпадают с интересами владельцев и трудовых коллективов;

2) преодоления конфликтов, порожденных тем, что субъекты, способные контролировать процесс производства, одновременно являются владельцами доли капитала предприятия. Речь идет о менеджерах, наемных работниках, поставщиках, конкурентах, потребителях, местной власти и государстве – т.е. обо всех, кто может извлечь выгоду, даже невзирая на снижение экономической эффективности компании, а, следовательно, в ряде случаев могут быть незаинтересованными в максимизации прибыли. Особенный аспект этой проблемы связан со значительным распространением приватизированных предприятий, выгоды от деятельности которых не являются однозначными и безусловными для государства и социума.

Управление корпорациями обязательно нуждается в ответе на три вопроса, которые в контексте трансформации являются системными для ее осуществления и направления. Первый: как должны быть организованы компании, чтобы выстроить оптимальное взаимодействие между производственным и финансовым секторами? Второй: какими должны быть в конечном итоге отношения между корпоративной структурой, национальной экономикой и социальными целями? Третий: является ли корпоративная структура благоприятной для эффективного накопления и наращивания конкурентоспособных производственных возможностей, способных обеспечить внутренний и внешний рынки, а также сформировать национальный акционерный капитал, который будет функционировать ради достижения и поддержания высокого жизненного уровня населения?

Международная торговля и финансовая политика играют и еще долго будут играть центральную роль в переходном процессе экономик транзитивных государств. На микроэкономическом уровне международные рынки – когда они предлагают открытый доступ – обеспечивают уже готовую ценовую систему. Она может быть стандартом для принятия экономических решений и формирования структуры стимулов, которая выступает средством поддержания конкурентоспособности, отличающимся от того, что присуще высокомонополизированным экономикам.

Внешняя торговля и иностранные инвестиции – важные каналы приобретения навыков модернизированного менеджмента и освоения современных технологий, которые обеспечивают прямой контакт с институциями передовых экономик относительно структур, организации, юридических принципов рынка и прав собственности, особенно в сфере контрактного и международного права. Однако справедливым является

также и то, что преждевременные отношения структурно уродливых экономик с суровым миром международной конкуренции могут повлечь гибель прибыльных и конкурентоспособных предприятий, падения их инвестиционной активности. Торговая политика везде и во все времена была фундаментальным компонентом экономической политики. Много аспектов трансформации непосредственно предопределены торговыми отношениями транзитивных экономик с Западом.

Торговая и финансовая политика – существенные детерминанты общей ориентации макроэкономической политики и содержания макроэкономических результатов и показателей. Доступ к рынкам развитых стран – это жизненно важный источник распространения на трансформирующиеся экономики современных требований эффективности. Выход на международные рынки капитала может помочь финансировать дефицит текущих статей платежного баланса и привлекать новые инвестиции. Однако потеря рынков внутри страны и за рубежом, вызванная большим дефицитом текущих статей платежного баланса, который сопровождается накоплением задолженности, способна привести как к краткосрочной нестабильности, так и к более длительным трудностям. Политика валютного курсообразования, которая имеет непосредственную связь с уровнем инфляции, и, конечно, реальный валютный курс являются ключевыми факторами обеспечения конкурентоспособного экономического роста.

Влияние внешней торговли, как на процесс модернизации, так и на задолженность регионов (и действительную, и потенциальную) оказалось намного большим с точки зрения трансформации, чем можно было ожидать. Торговля и международная финансовая политика сыграли значительную роль во всех известных в истории случаях перехода к современной индустриальной экономике (учитывая и первый, поразительный, исторический пример – промышленную революцию в Великобритании). Ход трансформации в Центральной и Восточной Европе не является исключением.

Другой весомый аспект модернизации касается проблем макроэкономического баланса и побудительных макроэкономических причин трансформации. Макроэкономическая стабильность – это предпосылка не столько реформ и трансформации, сколько их упорядоченного, эффективного и недорогого проведения. Это должно было быть первым требованием даже в старой системе, упадок которой тесно связан с несостоятельностью в стабилизации экономики.

Провал стабилизации не обязательно будет влиять на жизнеспособность и скорость трансформации – лишь на ее цену. В этой связи опыт некоторых прежних советских республик может рассматриваться как пример, с одной стороны, значительной стоимости многократных неудачных попыток макроэкономической стабилизации, а с другой – значительного прогресса, который трансформация способна достичь, невзирая на

серьезную макроэкономическую нестабильность. Исключительный акцент на макроэкономической стабилизации и, соответственно, трудностях ее достижения может привести к инертности и контрреформам. Пространство для политического выбора в условиях макроэкономической стабилизации является достаточно узким. Оно становится шире в ходе трансформации, когда, как и во всех рыночных экономиках, более-менее налаживаются правила обмена и выбора, проверяется и настраивается экономический инструментарий [3].

Все вышеизложенное позволяет сформировать ряд аргументов в интересах комплексных эффективных трансформационных реформ. Институциональные и рассматриваемые микроэкономические реформы являются необходимыми для трансформации, а также выступают средством облегчения перехода к макроэкономической стабильности. Они охватывают институциональные и социальные основы современной рыночной экономики – экономической модели, которая довела свою мощь в качестве мотора для накопления материальных средств жизни и улучшения ее уровня.

Процессы реформ в рыночной экономике в последние годы охватили все страны Восточной и Центральной Европы. Новые политические силы, которые получили власть в конце 1980-1990-х гг., за короткий период перешли от общей постановки вопроса о необходимости слома командно-административной системы к выработке конкретных программ реально функционирующего рынка, а затем и практического воплощения их в жизнь. Такой радикальный переход к созданию качественно другой, чем за все послевоенные десятилетия, модели экономического развития связан не только с сугубо идеологическими и политическими факторами – провал директивной системы руководства народным хозяйством требовал быстрейшего построения более эффективного экономического механизма. Восточно- и центральноевропейские государства были вынуждены разрешать проблему формирования рыночных структур в сжатые сроки путем кардинального слома антирыночной экономической системы. Отсутствие практики неминуемо приводило к ошибкам в осуществлении этого процесса, трудностей в реализации разных концепций становления рыночной экономики.

Первичный опыт рыночных реформ позволяет сделать некоторые выводы, которые имеют значение для проведения аналогичных трансформаций в постсоветских странах. Прежде всего, речь идет о последовательности осуществления трансформаций. Одним из основных недостатков всех моделей реформирования хозяйственного механизма в восточно-европейских странах является эклектическое сочетание мероприятий, которые стоило бы внедрять на разных этапах введения рыночных структур. Например, еще не обеспечив достаточно высокий уровень разгосударствления экономики, большинство отмеченных стран стали использовать режим финансово-кредитных рычагов, который может эффективно функ-

ционировать только в условиях полной хозяйственно-оперативной самостоятельности предприятий и высокого уровня производства.

В то же время, быстрое распространение рыночных стимулов в деятельности товаропроизводителей при сохранении глобальной и структурной несбалансированности между платежеспособным спросом и товарными ресурсами приводит к усилению инфляционных тенденций. Они проявляются главным образом в избыточном росте денежной массы сравнительно с реальной динамикой экономической деятельности. В непредсказуемых, в значительной мере неоправданных, с точки зрения критериев эффективности, изменениях ценовых пропорций и структуры доходов, которая предопределяет потерю действенных мотиваций производственных звеньев и их работников к рациональному ведению хозяйства.

Или же другой, еще более острый пример: рыночное ценообразование или существенная его либерализация в России и Украине были внедрены до устранения монополии производителей, которая досталась этим странам в наследство от прежней командно-административной системы. Недостаточно подготовленными оказались и мероприятия по либерализации внешнеэкономического блока, в результате чего они не оказали предусмотренного во всех концепциях позитивного влияния на народное хозяйство большинства восточноевропейских государств.

Очевидно, рыночные реформы нужно начинать из разгосударствления максимально возможного числа малых и средних предприятий в первую очередь тех отраслей экономики, которые обеспечивают общие потребности, – транспорт, связь, энергоснабжение и т.д. Параллельно с этим процессом необходимо принимать решительные меры по демонополизации производства, что практически было вне поля зрения во время проведения реформ во всех восточноевропейских и постсоветских странах. В большинстве из них значительная часть предприятий частного и государственного сектора ведет себя пассивно: снижает объемы производства и одновременно повышает цены. Перестройка мышления хозяйственников здесь возможна с созданием конкуренции на внутреннем рынке путем либерализации условий импорта.

Только реальное становление демонополизированной многоукладной экономики позволяет, как подтверждает практика стран ЦВЕ, обеспечить эффективное функционирование первичных по своей сути финансово-кредитных, налоговых, ценовых и других рычагов рыночной экономики. Последующие шаги по приватизации, национализации и обеспечении надлежащей роли частного и государственного секторов должны сопровождаться последовательным и поэтапным усилением этих рычагов, превращением их в ведущий регулятор национального производства.

В этом контексте весьма важно правильно оценить разные, часто противоположные модели перехода к рыночной экономике. Польская модель „шоковой терапии” обеспечивает быстрый переход к рынку, но на

фоне тяжелых социальных последствий для большинства населения, значительного спада производства. Не может быть однозначно оценена и чешская модель реформ, которая затягивает переход к рыночным отношениям, в результате чего также нарастают такие негативные явления, как нестабильность экономического равновесия, прогрессирующее ухудшение материального положения населения, утрата традиционных национальных секторов производства и тому подобное. Невозможно считать эталоном и модель реформ, внедренную в Венгрии, где рыночные структуры вызревали более чем три десятилетия.

Очевидно, что оптимальным является средний между двумя противоположными моделями путь – максимально быстрое осуществление подготовительных мероприятий (разгосударствление, приватизация и демонополизация) с постепенным введением все большего числа элементов рыночного механизма [5].

Особенного внимания заслуживает опыт стран ЦВЕ, в первую очередь, Венгрии, Чехии и Словакии, в использовании внешнеэкономических факторов формирования рыночной экономики. Он доказал, что без адаптации к параметрам мирового хозяйства невозможно создать эффективно функционирующий национальный рынок. К сожалению, на постсоветском пространстве практически отсутствует прогресс в такой важной отрасли, как модернизация внешнеэкономического механизма. Если в других сферах ведения хозяйства уже разработаны определенные концептуальные принципы, приняты некоторые законы и началось хотя и медленное, но все-таки продвижение к рыночным отношениям, то во внешнеэкономической деятельности дело пока еще ограничивается осуществлением разрозненных мероприятий, внедрением в экспериментальном порядке отдельных форм.

Экономики стран, которые трансформируются, испытывают беспрецедентные вызовы. Практически во всех исторических случаях развития современной экономики именно публичная социальная политика создавала институциональный каркас, способный обеспечить шкалу и структуру инвестиций, необходимых для появления современной высокоиндустриальной страны. Вместо этого, транзитивные страны начинают отдавать предпочтение исключительно рыночным сигналам, иногда воспринимая их как несомненный, единственно значимый механизм для определения того, что в экономических делах является желаемым для общества, а что – нежелательным. Подобное обожание нерегулированного рынка как средства реконструирования экономики оставляет вне поля зрения три красноречивых факта.

Факт первый. История не знает примеров, чтобы какая-нибудь страна достигла успешной модернизации, стремительно двигаясь к высокому доходу на душу населения в условиях неослабеваемого индустриального роста, без сочетания свободного предпринимательства с государственной регу-

ляцией, без (типично, но не непременно) государственной регуляции внешней торговли, финансовых институций, инфраструктурных инвестиций, корпоративных организаций и осуществления корпоративных решений.

Факт второй. Существует много разновидностей «рыночной экономики». Институциональные структуры Франции, Германии, Испании, Великобритании, Скандинавских и других стран очень отличаются друг от друга. Их финансовые системы, структуры корпоративной организации, роль государства – разные. Нет какого-то уникального, единственно возможного набора рыночных показателей, которые могут направить эффективный переход к рыночной экономике, равно как и нет уникальной, единственно возможной модели рыночной экономики.

Факт третий. Рыночная экономика как комплексная сеть социально-экономических отношений нуждается в значительном уровне не только самоорганизации и регулирования для их поддержания, но и наращивания их непрерывного институционального развития.

Социально-экономическая политика трансформирующихся государств хотя и олицетворена разными политическими коалициями, но для поддержки социумом должна разделять и внедрять как ценности демократии, так и эволюционное повышение стабильного благосостояния широких слоев общества. Правительства этих стран берут на себя политическую ответственность за формирование институций экономического процветания и эффективную интеграцию в региональное и мировое пространство. Такой подход является актуальным для использования лидерами постсоветских стран.

Литература

1. Abel I.& Bonin J. State desertion and convertibility. Dublin, 2008. 270 p. P. 25.
2. Gilbert N. The Enabling State: Modern Welfare Capitalism. New York, 2004. 241 p. P. 154.
3. Gleitze B. Produktivvermogen ist das Kapital der gewerblichen Unternehmen. Bonn: Taschenbuch-Verlag, 2007. 325 s. S. 170.
4. Sen A. Commodities and Capabilities. Amsterdam - New York - London -North Holland, 2007. 521 p. P. 5, 21, 16.
5. Siehe W. Den Klassenkampf zementieren? Referat auf dem Wirtschaftstag. Fr. a. M.: SurkampVerlag, 2009. 213 s. S. 35.

Постмодернизация экономики и трансформации общества в транзитивном развитии

Украина и Россия вошли в новый цикл преобразований экономики в условиях, которые значительно осложнились из-за того, что прежние ресурсы развития весьма ограничены. Но сохраняются существенные

резервы именно в организации и управлении [8]. Следовательно, встает вопрос о специфике восприятия и адаптации успешных и близких к российским и украинским условиям моделей управления.

Всемирный банк исследует и публикует рейтинги качества государственного управления (Worldwide Governance Indicators) стран мира и в его оценках подчеркивается, что нет обязательной зависимости между уровнем благосостояния страны и качеством государственного управления. Однако именно высокий уровень управления позволяет лучше использовать имеющиеся ресурсы и претендовать на качественное развитие страны. Т.н. европейский выбор Украины – это не только географическая принадлежность, но и сознательный выбор обществом определенного вектора развития, который предполагает не только психологическую, политическую, но, прежде всего экономическую, социальную и цивилизационную интеграцию в европейское пространство. Как известно, Россия издавна является важнейшим региональным и мировым геоэкономическим, геополитическим субъектом. А Украина естественным образом также издавна принадлежит к европейскому сообществу. Следовательно, ее внешняя политика не является многовекторной. Украина имеет только один вектор – европейский. поэтому речь идет о наполнении существующего положения вещей конкретным и продуктивным содержанием. Поэтому стратегической целью и России, и Украины является превращение каждой из них в постиндустриальную державу, которая обеспечивает как минимум среднеевропейские стандарты жизни.

Однако, к сожалению, общая привлекательность лозунга «постиндустриальности», «движения в Европу» для многих иногда объясняется главным их желанием получить доступ к благам успешной цивилизации [6]. Вместе с тем само по себе навешивание на любую территорию ярлыка «Евросоюз» проблем не решит. Следовательно, необходимо качественно использовать ресурсы для обеспечения в стране действительно европейских стандартов жизни. Более того, сейчас не стоит ориентироваться на универсальные рецепты и простые решения сложных проблем. К тому же в условиях глобализации часто не региональная близость, а именно социально-психологические, национально-культурные особенности при балансе экономической свободы и государственного регулирования становятся определяющими факторами. А маршруты и формы обеспечения успеха могут быть разнообразными и самобытными.

Вместе с тем фундаментальная специфика методологии управления экономическими и общественно-политическими процессами связана ныне с укреплением тенденций, которые в корне трансформируют социальную реальность [5]. Изменения ее свойств иногда характеризуются аналитиками различных научных школ как формирование постсовременности (постмодерна) [3]. Все активнее происходит резонирование разнообразных тенденций развития, среди которых (в отличие от Модерна) ни одна не

может претендовать на исключительное значение. Постмодернистские подходы к экономическому и социальному управлению вообще не перечеркивают, а актуализируют управленческий потенциал Модерна. Но вместе с этим открывают и новые возможности, связанные с активным использованием традиций и обычаев, коллективных отношений и взаимодействий, неформальных коммуникаций и социальных сетей, с синтезом элементов управляемости, самоуправления и неуправляемости. Речь идет об изменении моделей развития, повышения степени плюрализма трансформации. Переход к логике и методологии постмодернизма является одновременно отказом от единства любого базиса развития. Новый диапазон социальных ролей человека усиливает влияние культуры на восприятие полифункциональности в управленческом процессе.

Когда творческий потенциал высокого Модерна как мегапроекта развития иссяк, попытки проводить не догоняющую, а опережающую политику на основе исключительно его технологий социального и экономического управления являются неэффективными, а перспективы дальнейшего проведения прогрессивных трансформаций начали открываться в новых международных тенденциях. Впрочем, Постмодерн – вовсе не контрмодерн, ибо признает развитие и не отменяет возможности Модерна. Но Постмодерн может сорваться к контрмодерну, прежде всего через качество социального управления. Постмодерн означает многообразие (и равенство) моделей прогресса, опору на существующие устои, а не борьбу с ними. Единство веры и разума открывает модели новых социальных укладов без привычных ограничений.

Специфика настоящего в том, что, с одной стороны, нужна творческая сила Модерна. С другой – возможности классических вариантов Модерна подорваны. Человечество находится в ситуации жизни на грани, испытывает настоящую пороговость существования и развития, знаний о себе и мире. Причем для неоконсерваторов поиск ценностных ориентаций предполагается прежде всего через апелляцию к традициям как опыта, который проверяется историей, а также к народным обычаям, в которых закрепляется «позитивный» и отвергается «негативный» смысл. Вследствие такой направленности становится насущным интерес к национальной культуре, прежде всего национальным ценностям.

Кроме того, ограничения на общую методологию управления накладывают условия, которые иногда определяются как квазипостмодерн. Они фиксируют состояние, характеризующее социально противоречивые регионы, где общие черты нового устройства предстают иррационально и неорганично.

Речь идет, конечно, не о финальной стадии рождения нового экономического и социально-политического состояния, а лишь об определенных (хотя и весьма влиятельных) тенденциях. Постсовременная модернизация (постмодернизация) – это комплекс институциональных изменений,

которые выводят общество за рамки индустриальных форм социальной и экономико-производственной жизни. Она неравномерно охватывает различные мировые регионы и несет крайне разнообразную комбинацию угроз. Но под влиянием глобализации каждая страна должна формировать свой вариант ответа на этот исторический вызов, независимо от субъективного желания и видение ситуации. Вместе с тем, постмодернизация – это не только другая модель развития, но и другие ресурсы социального управления. И, подавно, именно качество управления определяет место страны в «табели о рангах».

Полезно при этом выделить модели модернизации в зависимости от последовательности ее раскрытия: 1) Европы, Северной Америки и Австралии, 2) России, Японии, Турции, Балкан, возможно, Бразилии и Аргентины, 3) колониальных и зависимых периферий Азии, Африки и большинства стран Латинской Америки [7, 98-118]. Отличие, а также схожесть национальных вариантов развития определяется не только качественным показателем, а и характером и механизмами становления [4]. Странам первого эшелона модернизации вообще свойственно ограниченное, произвольное зарождение индустриальных отношений (XIV-XIX вв.). Существовала также относительная синхронность вызревания основных информационных предпосылок капитализма – экономических, социальных, правовых, политических и культурных. Была сохранена последовательность взаимодействия факторов: накопление экономических и социальных предпосылок – частично связанные с ними масштабные культурные сдвиги (XVI-XVII вв.). На их основе произошли социальные и экономико-политические революции (XVII-XVIII вв.), что оказалось мощным стимулом для аграрной и индустриальной революций (XVIII-XIX вв.).

Мгновенное, шаблонное заимствование готовых моделей модернизации привело (в том числе и в постсоветской реальности) к сужению круга лиц, на которых блага социальной, экономической, политической и культурной жизни распространялись. Так, даже в североамериканских Соединенных Штатах очень медленно расширялись границы социальной группы, выступавшей субъектом демократического управления. Тем более в рамках последующих эшелонов модернизации ограниченность «имитационной» модели демократизации стала очевидной. И, как констатирует В. Иноземцев, не то, чтобы демократия в принципе не может быть привитой – просто время для таких действий прошло. Сталкиваясь с новыми попытками «насаждения» или «экспорта» демократии, можно видеть, как они дискредитируют не только инициаторов этого процесса, но и саму демократию. Соответствующей аналогией является соотношение идей коммунизма и реального осуществления «коммунистического эксперимента» [1].

Страны второго эшелона модернизации стартовали позже: примерно с конца XVIII – середины XIX вв. Пределы трансформации общества здесь другие. Внутренние предпосылки здесь значительно меньше вызревшие,

чем в первом эшелоне, некоторых из них вообще не было. Создается качественно новая ситуация. Перед нами другой, менее органический тип. Классическая цепочка подготовки и прохождения модернизации и обеспечения управления экономическими и социально-политическими процессами нарушается. На первое место выходит фактор политической воли, существенно возрастает роль государства как двигателя и гаранта развития. Экономическая и социальная сферы также ведут себя иначе. Развитие сразу начинается с крупной промышленности, почти или совсем минуя мануфактурный период. Сначала и «сразу» появляется то, к чему Запад шел столетиями: развитие тяжелой промышленности, железных дорог. Весь этот процесс «помещается» в чрезвычайно короткий промежуток (несколько десятилетий, максимум – столетие). Поэтому в странах второй волны нет времени на классическое первичное накопление. Требуется форсированное накопление средств, фактически – их перераспределение, изъятие из сферы сельского хозяйства, из всего общества (налоги, жесткая эксплуатация рабочих). Отсюда трансформация системы и механизмов управления, следовательно, и рост социальной напряженности как следствие экономико-политического диктата, системы жестко централизованного управления. Демократия имитируется.

Третий эшелон имеет и общие черты со вторым, но и существенные отличия. Во-первых, степень отставания от «мирового центра» здесь еще больше, чем у второго. Кроме того, если страны второго эшелона развивались на национальной основе, то на государствах третьего лежит огромный отпечаток колониализма. Наконец, развивающиеся страны модернизируются в эпоху глобальных проблем человечества, которые превращаются в объективное ограничение развития молодых государств. Одновременно «запоздалое» развитие часто отличает: 1) выборочное заимствование технологических, преимущественно военно-промышленных, достижений Европы в обмен на вывоз сырья, 2) одновременное усиление эксплуатации своего народа добуржуазными и в определенной степени индустриальными методами, 3) рост централизации и бюрократизации управления. Странные сочетания элементов прорыва и отставания часто отражались в таких понятиях, как «частичная модернизация», «раскол», «хаотическая модернизация» и другие.

Этот эшелон модернизации имеет целью не осовременивание страны и общества, а получение преимуществ постсовременного состояния. Безусловно, даже усиление постмодернистских ориентаций происходит неоднозначно: оно дифференцируется для различных профессиональных и демографических групп. В этой ситуации полезными становятся не так разовые решения, как формирование адекватной среды, поддерживающей тенденции демократизации общества.

Постмодерн рождает новые ресурсы самодеятельности, открывает простор для саморазвертывания новых тенденций, ликвидирует прежние

формы постановки и решения проблемы соотношения социальных и психологических норм и аномалий. Возникает характерное сочетание религии и атеизма, веры и безверия с распространением суеверий, социально-психологических, политических и сакральных мифов.

Формируются условия, которые некоторые ученые обозначают как квазипостмодерн. В этой ситуации беспристрастным аналитикам понятно: в Украине и России нет привычных для Запада хозяйственно-политических институтов. Соответственно «карнавальности» постмодерна, в постмодернизме «одеяния» впитывают совершенно разные явления. Следовательно, естественно, есть опасность появления в постсоветских государствах черт общества причудливого типа с преобладанием социально-экономических и политических аномалий.

Специфика постсоветского транзитива формирует собственные особенности общественного строя и определяет возможности эффективного экономического и социально-политического управления. В этой ситуации увеличивается неопределенность, взаимопроникновение фрагментов различных экономико- и социо- структур, подвижность границ, кардинально меняется соотношение хозяйственных норм и аномалий. Теоретическое и практическое игнорирование этих изменений, ориентация экономико-социального и политического управления исключительно на линейный характер развития трудовых отношений, попытки некритического заимствования управленческих шаблонов, сложившихся в рамках модернистского мировосприятия могут усилить тенденции дезорганизации посткоммунистической общественной жизни. Очевидно, гораздо перспективнее разработка форм и механизмов управления, в которых учтен постмодернистский характер социальных изменений.

Для Украины и России процессы постмодернизации усиливаются рядом обстоятельств. Во-первых, нерешенностью многих задач, которые при обычных обстоятельствах преодолеваются в рамках Модерна. Во-вторых, наше общество переходит к постмодерну как к культуре посткоммунистической, когда, например, Запад – посткапиталистической. В-третьих, совпали такие разнокачественных процессы, как разрыв с неэффективными хозяйственными и социальными отношениями, движение от фрагментарной к целостной национальной экономике, интеграции в глобальные инфраструктуры.

В этой ситуации опасна недооценка трудностей и долгосрочности перестройки, которая началась в Украине и России. Необходимо осознание, что стоит задача не обычной стабилизации, а всеобъемлющих системных институциональных и социокультурных преобразований, эффективное решение которых связано с фундаментальным изменением стратегии управления на базе интеграции иностранных управленческих инноваций и отечественного опыта в конкретных условиях постсовременной Украины и постсовременной России. Бесспорно, Постмодерн содержит крайне

серьезную угрозу бесцельной потери творческих сил и потенциала нации, но может и стать ренессансом многоуровневого развития. Появляются новые глобальные и региональные структуры. Тенденции регионализации могут открыть как дополнительные механизмы интеграции, так и привлечения новых производительных ресурсов. И без овладения постсовременными технологиями социального управления успешное строительство мегапроекта развития в нынешних условиях невозможно. К тому же постмодернизация социального пространства – это не только другая, новая модель развития, но и другие ресурсы социального управления. Опоздание с высвобождением творческих сил постмодерна подталкивает к моделям регрессивного контрмодерна с его бессмысленной бесконечностью, когда ощущается психологическое давление ситуации возможного экономического и социального хаоса, начинается период депрессии в обществе, усиливается вероятность политических провокаций, возрастает диапазон упущенных возможностей страны.

Наоборот, постмодернистские методологические подходы в Украине и России открывают новые организационные возможности, связанные с активным использованием традиций и обычаев, коллективных отношений и взаимодействий, неформальных коммуникаций и социальных сетей, с синтезом элементов управляемости, самоуправления и неуправляемости. Вместе с тем именно социальное управление может рассматриваться как действенное направление национальной интеграции, особая форма общественного регулирования социального сообщества с задачей выработки принципов и условий общепринятого сосуществования и развития [2].

Для оптимизации экономического и социально-политического управления нашим государствам необходимо двигаться не только от социально-иерархической организации общественных отношений в экономической, но и с ее помощью – к социокультурной. Следовательно, нужна не просто очередная реформа управления, а глубокие психологические, культурные и общественные перемены, которые следует и возможно регулировать. Отсюда и тесная связь экономических преобразований с внедрением европейских принципов организации, демократизацией и ростом творческой активности, ибо без гласности и широкой самодетельности невозможно справиться с бюрократическими «наростами». И хотя это слишком болезненное противостояние, связанное с массовыми трудностями и обострением ряда проблем, сам факт демократизации общества, социально-политической сферы, всей общественной жизни предоставляет основания для оптимизма.

Для обеспечения прогресса Украине и России нужно брать у стран Европы именно принципы общественной организации, а не пытаться скопировать отдельные экономические явления и институты социально-политической жизни. Впрочем, постмодернизация управленческих и социальных отношений ориентирует на уход от культуры агрессии и

монолога, насильственной социализации и стандартизации личности, на преодоление напряженности между участниками процесса производства, на обеспечение механизма консолидации и разрешения конфликтов.

Поэтому создание условий развития и более полного использования экономического, культурного и социально-политического потенциала Украины и России требует качественной трансформации общей системы управления, в частности путем учета постмодернистской методологии и передовых достижений мировой цивилизации.

Бесполезно пытаться жестко и детально сконструировать «движение к постмодерну». Иллюзии, что при «правильном» следовании по «хорошо просчитанным» планам реформ возможно легко, бесппроблемно и с правильно высчитанными во всех мелочах результатами перейти к новому состоянию общества, являются опасными. Никогда нельзя отвергать разнообразие вариантов развития.

Литература

1. Джохадзе, И.Д. Демократия после Модерна [Текст] / И.Д. Джохадзе. – М.: Праксис, 2006. – 112 с.
2. Кравченко, С.А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире [Текст] / С.А. Кравченко. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 264 с.
3. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна [Текст] / Ж.-Ф. Лиотар. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
4. Парсонс, Т. Система современных обществ [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 266.
5. Сартр, Ж.-П. Проблемы метода [Текст] / Ж.-П. Сартр. – М.: Прогресс, 1993. – 240 с.
6. Український соціум: інтеграція інтелектуального потенціалу / За ред. В. К. Врублевського. – К.: Інститут соціології НАНУ, 2005. – 396 с.
7. Шедяков В.Е. Менеджмент персонала в условиях переходного периода [Текст] / В.М. Соболев, В.Е. Шедяков // Менеджмент в области инвестиций и персонала: особенности в переходной экономике. – М.: Бизнес Информ, 1996. – С. 81-173. Рец.: Бизнес Информ. 1996. № 14. С. 55.
8. Double Shift. Transforming Work in Postsocialist and Postindustrial Societies / Ed. by B. Silverman, R. Vogt, M. Yanowitch. N.Y., L.: M. E. Sharpe, Inc., 1993. 217 p.

Институциональные тенденции глобализации и модели регионализации восстановительного общественно-экономического развития

Последние десятилетия наблюдался рост интеграционных процессов в мире, развитие тенденций к совместному решению странами своих хозяйственных и социальных задач. Реальность заключается в том, что глобализация представляет собой объективное и абсолютно неотвратимое явление современности, которое можно замедлить средствами экономической политики (что и происходит в ряде случаев), но нельзя остановить или «отменить», поскольку это императивное требование современного общества и научно-технического прогресса. Сегодняшнему миру присуща значительная степень интегрированности и интернационализации. Национальные экономики постепенно становятся все более интегрированными. Состоялось своего рода «сжатие» мирового пространства, которое требует новых форм взаимоотношений [8, 27]. Проблема не в самом явлении глобализации, а в способности правительств многих стран приспособить свою политику к изменяющимся условиям. Что же касается вопросов ведения хозяйства (экономическая, социально-экономическая сфера), то эти страны принимают все основные правила игры присущие современному мировому рыночному хозяйству. Будучи одновременно самобытными, уникальными государствами, хозяйничая, исходя из своих принципов, традиций, потребностей, особенностей все они, хотим мы этого или нет, подчинены определенным унифицированным экономическим принципам и принципам так называемой глобализации [4, 73], более того финансовой интеграции явно, или часто, неявно выраженной. Интернациональная природа денег, независимо от конвертируемости валюты позволяет такую высшую форму экономической интеграции как финансовая.

Растущее переплетение экономик, интернационализация финансовых рынков и современный этап развития способствуют процессу мировой и, частности, экономической глобализации. Согласно анализу И. Валлерстайна, на основе наднационального, глобального разделения труда в экономических центрах постепенно развились национальные индустриальные системы, в которых существует тесная взаимосвязь между экономикой и политикой. Несмотря на многочисленные дискуссии о «новой» глобальную экономике, нынешняя экономическая глобализация не является беспрецедентной. Поскольку еще за 50 лет до Первой мировой войны наблюдались большие межгосударственные потоки товаров, капитала, миграция людей. Сейчас наблюдается так называемая последовательная форма глобализации, развивающаяся в условиях единого рыночного характера мирового хозяйства. Это объективный процесс, который является важным признаком постиндустриальной цивилизации.

Человечество прошло внутригосударственный/микро-(в рамках империи), межгосударственный/мезо-(колонии-метрополии) и дошло до

межрегионального/макроуровня-(промышленно развитые государства-регионы как укрупненные интеграционные и интегративные объединения: ЕС, АТЭС, ПСА, СНГ, ЧЭС и др.), но есть еще высший, т.н. «макро с макро» – мегауровень.

Однако существует и другой подход, по которому генезис глобализации связывается с последней четвертью XX в., когда наиболее интенсивно развивались процессы интеграции, специализации, кооперации; выходят на арену общепланетарные (глобальные) проблемы, новые технологии, расширяется мировой финансовый пространство и проч. Основными параметрами современной глобализации определяются: экономическая взаимозависимость – усиление открытости национальных рынков, углубление международного разделения и кооперации труда; информационная глобализация, взаимозависимость, которая связана с проблемами общепланетарной безопасности – экология, ядерная энергетика, ядерное оружие и т.д. Однако интересна не только констатация данного факта в истории развития цивилизации, а выяснение его сущности, условий возникновения, форм и механизмов функционирования, роли и влияния на современный миропорядок [2, 4]. Сама идея уже современной формы глобализации – постепенное стирание экономических границ между странами, в результате которого мировая экономика, наконец, уподобилась бы экономике единого государства – возникла последние три десятилетия назад. В течение десятилетий в мировой экономической среде проходили значительные изменения. В 1950-х гг. промышленные корпорации были заняты проблемой воссоздания внутренних рынков. В 1960-х годах фирмы, задействованные в сфере производства и торговли стали расширяться под влиянием быстро растущей международной торговли и зарубежных рынков. Британский журнал «The Economist» отмечает, что в 60-х гг. XX в. каждая крупная американская фирма говорила о том, что она «многонациональная» [1]. В 1970-х гг. предприятия различных форм организации бизнеса стали многонациональными, вкладывая средства в производственные мощности и постоянно действующие в международном пространстве на распределительных центрах. Мультинациональная или многонациональная по структуре собственности и капитала компания переходит в новый тип наднационального или транснационального субъекта. Быстрый рост мировой торговли и международных потоков капитала начиная с 1980-х гг. стало причиной того, что многие крупные финансовые структуры, а также фирмы, занятые в производстве и торговле, стали связывать перспективы своего развития с расширением до мирового масштаба. Как отмечает журнал «The Economist» «... в восьмидесятых годах «глобализация» стала распространенным научным выражением, на этом базировались тысячи различных стратегий»[1]. «Глобальные стратегии ради прибыли» – таким был типичный лозунг того периода. В основе этой глобализации бизнеса и финансов находилось – достижение

технического прогресса, сокращение объемов вмешательства государства в экономику и финансы в промышленно развитых странах; рост международных потоков капитала.

Как и любое новое явление, глобализация имеет как своих сторонников, которые рассматривают ее как благо, поскольку она способна, по их мнению, резко повысить производительность и уровень жизни во всем мире, это возможно потому, что глобальная интеграция экономики может привести к лучшему разделению труда, позволяя странам с низкой заработной платой специализироваться на трудоемких операциях, а странам с высоким уровнем заработной платы – использовать рабочих более продуктивно (это позволяет фирмам достичь большей экономии, обусловленной ростом масштаба производства); глобализация позволяет перемещать капитал в любую страну, которая предлагает более выгодные условия для инвестиций, и не попасть в ловушку низкой доходности местных финансовых проектов; так и своих критиков, которые придерживаются более пессимистичной точки зрения. Они (критики), говорят, что растущая конкуренция со стороны развивающихся стран с низким уровнем заработной платы сократит количество рабочих мест и снизит заработную плату в богатых странах, а также предвидится т.н. «гонка вниз», когда страны снижают заработную плату, налоги, пособия по социальному обеспечению и ослабляют контроль за состоянием окружающей среды, чтобы стать «конкурентоспособными» [7, 203]. Конкурентное давление к тому же подрывает возможности государств в проведении собственной экономической политики. Структура, практика и логика современной глобальной экономики, основанной на новейших информационных и телекоммуникационных технологиях, привела к новому международному разделению труда, которое не только способствует изменению баланса экономической власти между ведущими промышленно развитыми странами, но и к развитию тенденции по созданию экономической многополярности.

К числу критических факторов глобального развития относятся также и подъем новых индустриальных стран (НИС) как равноценных конкурентов промышленно развитым странам в производстве высокотехнологичной продукции и новая глобальная информационно-ориентированная экономика, предпочитающая осуществление технологических рывков в развитии за счет внедрения ноу-хау в противовес предварительно господствующей мысли о получении краткосрочных преимуществ от использования дешевой рабочей силы и сырья в странах третьего мира. Критики также обеспокоены растущим влиянием финансовых рынков, способных вызвать экономический хаос, утверждая, что доминирующая концепция глобализации ошибочна, так как действительно новые оригинальные феномены в экономике не вкладываются в строгое понятие единопланетарности [6, 19]. Больше подходил бы термин «запутанный порядок», но отсутствие «нового Кейнса», который бы описал в строгих категориях закономер-

ности такого порядка, идущего на смену послевоенной модели мировой экономики, заставляет пока пользоваться приблизительной «глобалистской» терминологией. Современное общество, прежде всего западное, хотя это относится и ко многим другим социумам, более похоже на общество в изображении Г. Зиммеля: социальные институты – нации, хозяйства, не являются столь важными, насколько важны первичные социальные связи, сети и матрицы этих связей. Происходит колоссальная фрагментация социально-экономического субъекта. И выражается это в совершенно явных формах бегства от институтов. Это процесс глобальный и в пределах западного мира он не связан с качеством самих институтов, он связан с изменениями, происходящими в сугубо человеческой, личностной сфере общественной деятельности. Важнейшее измерение в этих глобальных изменениях – социально-антропологическое. Наиболее общая их характеристика – индивидуализация. Причем наряду с индивидуализацией, отделением индивида от социальных групп, происходит обеднение самих этих социальных групп, формирование их не по принципу заданности социальным статусом, происхождению, а по принципу добровольности, ассоциативности [3, 57]. Все процессы, проходящие в мире, приобретают в той или иной степени глобальный характер. Но существующие тенденции воплощаются в реальность гораздо быстрее, чем их успевают осознать, как идеологи, так и критики неолиберальной глобализации. А процессы, которые еще несколько лет назад казались невозможными, приобретают все больший размах. «Становится реальностью практически повсеместный отказ от интеграции мировой экономики», – пишет журнал «Экономист» [1]. Т.н. «деглобализация» рассматривается данным журналом, который является символом идеологии свободного рынка, как негативный процесс. Хотя многие авторитетные мировые специалисты (в частности, лауреаты Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц и Пол Кругман, профессор социологии Филиппинского университета Уолден Белло и др.) считают, что деглобализация предоставляет нам значительные возможности. Они видят в деглобализации всеобъемлющую систему, которая должна заменить неолиберальную глобализацию. Как раз тогда, когда стало болезненно очевидно, что процессы глобализации усиливают социальную напряженность, деформируют национальную экономику и порождают новые противоречия. Система деглобализации, изначально разработанная для развивающихся стран, может оказаться важной и для ведущих государств капиталистического мира. «Идеи, тяга к познанию, искусство, гостеприимство, любовь к путешествиям – все это явления, которые по самой своей природе являются интернациональными. Мы не желаем оказаться брошенными на произвол мировых сил, которые производят, либо пытаются выработать некую однотипную систему, основанную на принципах свободного капиталистического рынка» [2, 34].

Цель деглобализации заключается в том, чтобы выйти за узкие рамки концепции экономической эффективности, в которой главной мотивацией является снижение себестоимости, независимо от того, какие социальные и экологические бедствия могут стать результатом этого процесса. Концепция деглобализации также основывается на том, что социально-экономические модели, претендующие на всеобщий характер, которые предлагает неолиберализм или централизованный бюрократический «социализм», не могут нормально функционировать и не в состоянии обеспечить стабильное общественное развитие. Социально-экономическое разнообразие, подобное тому, которое существует в природе, должно восприниматься как нормальное явление, которое следует всемерно поддерживать. Существуют общие закономерности социального и экономического развития, они были сформулированы, главным образом, в борьбе против неолиберального гегемонизма и централизованного социализма и критическом анализе причин неолиберального социально-экономического краха. Однако, как эти закономерности воплощаются и формулируются в каждом конкретном случае, зависит от ценностей, жизненных темпов и стратегического выбора того или иного общества.

Неэффективность, а зачастую и вредность для человечества и окружающей среды современных экономических подходов заставляет все чаще прибегать к поискам разумных альтернатив. Они есть, но ими не пользуются – прежде всего потому, что о них мало знают. Одна из таких альтернатив – модель «восстановительной экономики» (или т.н. «буддистская экономика») Эрнста Шумахера, который доказал принципиальную «невыгодность» неконтролируемого масштабного индустриального производства еще в пятидесятых годах XX века. Шумахер опубликовал свой основной труд «Small is Beautiful: A Study of Economics as if People Mattered» («Красота малого: исследования экономики и ее значение для человека») в 1973 г. Работая экономическим советником премьер-министра Бирмы, Шумахер познакомился с буддизмом и попытался применить ценности и мировоззрение этой религии для создания модели экономики, способной на длительное стабильное развитие. Результаты своих исследований он изложил в эссе «Буддистская экономика» и нескольких других работах. Последователи и разработчики современных идей данного направления объединены, в частности, научно-исследовательскую и опытно-прикладную организацию «Общество Шумахера» (The EF Schumacher Society) и существующий при нем «Новый экономический институт» (New Economics Institute), целью которых является достижение экономически и экологически устойчивого общества. Идеи и прикладные модели представителей этого направления (в частности С. Валлиса [18], А. Зайонц [20], Г. Уотсон [19] и проч. [См.: 6-7, 11-15, 18-20]) с успехом применяются в странах разного типа и начали активно исследоваться в международных институтах и ООН для выработки новой эффективной

стратегии мирового развития. «Японское экономическое чудо» также прямо или косвенно впитало в себя идеи буддийской экономики, которая явно или неявно повлияла и усовершенствовала японскую трудовую этику, трудолюбие и методы управления. На японскую этику лояльности, занятости в течение всей жизни, совместного принятия решений, мозговой атаки, «Кола проверки качества» (QCC), «Полного качественного управления» (TQM), медитацию, постоянный самоконтроль и самосовершенствование безусловно повлияли дзэн-буддизм, философия Мадхьямика, буддийская философия взаимозависимого возникновения и идентичности (Hua Yen), элементы даосизма и конфуцианства [См.: 12]. Шиничи Иноу (Shinichi Inoue) – один из тех оригинальных и уважаемых экономистов мира, которые пытаются объединить идеи буддийской философии с современной экономикой и управлением на успешном опыте Японии. Экономическая модель, которую он сформировал в своей концепции «Буддийской экономики Японии». Его буддийская экономическая философия повлияла на японских экономистов, промышленников, предпринимателей, бизнесменов и корпоративных лидеров. Иноу работал в Токийском Банке, с 1975 г. он назначен президентом Банка «Миядзаки». Он глава «Фонда проповеди буддизма» и член Буддийского экономического научно-исследовательского института при Университете «Komazawa». Ш.Иноу развивает буддийскую идею «зависимого возникновения» (пали: paticcasamuppada; санскрит: pratityasamutpada) в терминах взаимосвязи людей, экономики и культуры. С этой идеей «Правильного Видения» (sammaditthi), он написал книгу по буддийской экономике, под названием «Буддизм в работе: Новый подход к управлению и бизнесу» [7]. Ш. Иноуэ также выдвинул теорию «Срединного Пути» буддийской экономики как «идеальной возможности» между капитализмом и социализмом. Капитализм подчеркивает уважение к основным правам человека и частную собственность, тогда как социализм отстаивает равное распределение богатства. Сила капитализма – в свободном рынке и соревновании, которые дают реализовать потенциальную возможность предпринимателей. Его явный недостаток и дефект – эксплуатация «сильными и жадными» слабых для личного финансового и материального дохода. Преимущество социализма состоит в том, что правительство или государство контролирует и регулирует, социальной защите, сборов и распределение богатства. Чрезмерные налогообложения способных предпринимателей и старательных работников в пользу малоздатных и ленивых препятствует индивидуальным инициативам и усердия. Это ограничивает развитие человеческого потенциала. Экономическая буддийская модель Ш. Иноу стремится преодолеть эти крайности. Согласно Ш. Иноу, высокая польза стратегии развития экономики – это практика Срединного Пути, в которой идеи капитализма и социализма объединены. Такая экономическая модель известна под названием «буддийской смешанной экономики». Например,

стратегия малазийского правительства «Взгляд-на-Восток» заимствовала многие методы управления в японской буддийской экономической модели, идеи трудовой культуры Кореи и Японии, успешно развивая смешанную экономику, подняв экономическую конкурентоспособность Малайзии и обеспечив ее экономический рост в многонациональной и поликонфессиональной стране в условиях рисков фундаментализма, национализма и глобализации [12, 46]. Китай также динамично развивает данную смешанную экономику и уже зарекомендовал себя как один из мировых экономических сверхдержав. Срединный Путь буддийской экономики гарантирует жизнеспособное развитие, не повреждая и не исчерпывая окружающую среду, не причиняя вреда человеческим ресурсам. То есть механизм свободного рынка, конкуренция должны развиваться, не разрушая ни природы, ни человеческого общества. «Жизнеспособная экономика» должна быть справедливой и экологически безопасной. Буддизм, экономика и экология взаимосвязаны и взаимозависимы. Ш. Иноу определяет буддийскую экономику в терминах трех моделей, которые универсально приемлемы, поскольку они общие для всего мира и безвредные для окружающей среды. 1. Это экономическая система, которая приносит пользу всем; 2. Она защищает универсальные ценности терпимости и мира; 3. так сохраняя, сберегательная экономическая модель спасет землю от истощения и разрушения природных ресурсов [7, 109].

Традиционная «западная» экономика в основном оперирует товарами и деньгами, но мало интересуется окружающим миром, человеком и уровнем восстанавливаемости ресурсов. Цель типичного традиционного «западного» экономиста – получить максимум денег, сделав минимальные инвестиции. Традиционный экономист разрабатывает планы и прогнозы на период проекта, правительственной каденции или на время пребывания у власти определенной политической силы. Его не интересует длительное развитие, при котором все участники экономических отношений получают выгоду и удовлетворение потребностей. Экономика существует не сама по себе, а является деривативом от определения цели и смысла жизни, независимо от того, знает об этом конкретный экономист, или нет. С точки зрения современной западной экономической мысли привычнее измерять уровень жизни количеством потребленных за год товаров и услуг, считая, что человек, который потребляет больше, живет лучше, чем тот, кто потребляет меньше. Кроме того, современная экономическая западная наука в основном рассматривает потребление как единственную цель экономической активности, где средствами служат факторы производства: земля, труд и капитал.

Для «буддистской экономики» такой подход неразумен: ведь потребление – это всего лишь средство, а не цель, так что максимальное благополучие при минимальном потреблении и является реальным показателем лучшей жизни. Потребление товаров и владение ими – это всего лишь

средства для оптимального развития. Буддистская экономика исследует то, как достичь целей, обладая минимальными средствами. Таким образом, буддистская экономика – это максимальное удовлетворение потребностей через оптимальное потребление, в то время как «западный» экономический подход сориентирован на максимальное потребление с помощью оптимального производства. Очевидно, что следует приложить гораздо большие усилия для бесконечной гонки за максимальным потреблением, чем для поддержания нацеленного на оптимальное, не максимальное потребление, образа жизни.

С точки зрения буддизма, наиболее рациональная форма производства – это производство из местных ресурсов для удовлетворения местных потребностей. Цель – самообеспечение, а не производство избытка. «Экономический прогресс» необходим лишь для достижения самообеспечения. Развиваясь сверх этого, он приносит разрушение. Шумахер напоминает, что назначение экономики – служить потребностям людей. Но в «реальной» экономике все наоборот – люди существуют для служения экономике. Производство товаров считается важнее, нежели люди, которые эти товары потребляют. Считается, что человек, который больше потребляет, имеет высший «стандарт жизни», чем тот, который потребляет меньше. Для «буддистского» экономиста такой подход, мягко говоря, «нерациональный»: потребление и потребительство – лишь формы человеческой деятельности (притом далеко не самые важные по сравнению с самореализацией, счастьем, здоровьем и бескорыстным служением другим). С точки зрения буддизма, рациональна цель звучала бы как «достижение максимального благосостояния при условии минимального потребления». Вместо наращивания потребления, Шумахер предлагает идею «полноты». По его мнению, потребление не нужно стимулировать – наоборот, существующие потребности необходимо удовлетворить, а новых людям навязывать не следует.

Для «западной» экономики целью экономической активности является потребление. Ресурсами для достижения этой цели является земля, труд и капитал. Таким образом, буддистская экономика пытается максимально удовлетворять потребности путем оптимизации потребления, «западная» ориентируется на максимальное потребление с помощью оптимизации производства. Погоня за максимальным потреблением требует огромных усилий и ресурсов. Поддержание образа жизни, направленного на оптимальное потребление, требует меньших затрат. Шумахер указывает, что средний американец живет в значительно большем стрессе, чем средний бирманец.

В целом, «буддистская экономика», основанная на принципе «местное производство – местное потребление», идеальная для небольших замкнутых локальных сообществ. Такая экономика экономит на транспортных расходах, а кроме того, дает возможность постоянной занятости, личную

заинтересованность всех участников производства в качестве конечного продукта, неуязвимость для изменений в глобальной конъюнктуре, стабильный рост, и в итоге ведет к относительной локальной самодостаточности. Люди, проживающие в небольших общинах с высоким уровнем самообеспечения, менее склонны к насилию. В крупных городах психологическое состояние и экономический статус людей зависят от резких изменений глобализированной экономики; часто находясь в стрессе, жители мегаполисов более подвержены дать выход агрессии.

С точки зрения буддистской экономики, транспортировки больших объемов ресурсов для удовлетворения местных нужд – признак не благополучия экономики, а ее неэффективности. Традиционная же экономика видит картину иначе. Увеличение объема товароперевозок часто считают показателем экономического прогресса, а не ухудшение структуры потребления. Оценивать товар выше человека, а потребление выше творчества – значит исказить реальность наизнанку. Так Шумахер интерпретирует буддистскую точку зрения. Ведь в таком случае вторичное – продукт труда человека – ценится выше первичное, самого производителя.

Цивилизация или сообщество, живущее преимущественно из возобновляемых ресурсов – более совершенная, чем та, что зависима от ресурсов невозобновляемых. Последняя ведет паразитический образ жизни, тратя на удовлетворение потребностей не доход, а капитал. Гнаться за внешним показателям вроде ВВП, согласно принципам «буддистской экономики» – глупо. Эти цифры, как правило, показывают рост «процента жиров в масле» только кучки крупных владельцев, игнорируя экономическое положение большинства населения. То же можно сказать и о идеализации показателей импорта и экспорта. Сейчас такие «заявки» уже не воспринимаются как нечто революционное, но для экономистов шестидесятых они звучали полной ересью. Только после развития концепции «устойчивого развития» (sustainable development) идеи Шумихера стали восприниматься как разумные (разве только немного странные). Ученый показывает, как отличаются западный и буддистский подходы к труду. Западный «материалистический» подход к работе предполагает, что для работника она – почти принудительная, а для работодателя означает затраты, которых невозможно избежать, но он постарается любым способом свести к минимуму. Зарплата считается компенсацией рабочему за потерянное время и комфорт.

С точки зрения буддизма человеческий труд преследует, как минимум, три цели. Прежде всего – это способ развивать свои способности. Как говорил Хайнлайн, «специализация – удел насекомых»: автоматизация труда, когда работник завода, офиса, супермаркета месяцами и годами ежедневно повторяет одинаковые монотонные действия, все больше превращаясь в зомби-робота – неприемлема, ибо душист в человеке творческое начало. Во-вторых, работа помогает человеку преодолеть собственный эгоизм (одна из основных задач, которые буддизм ставит перед индиви-

дом) через работу с другими над общим проектом. В-третьих, производство необходимых для достойного уровня жизни, качественных товаров и услуг. Если работодатель организует труд, пренебрегая этими целями, таким образом, когда труд теряет смысл, становится скучной или раздражает работников, он совершает едва не преступление. Для буддиста работа – это не то, чего следует избегать любой ценой, а благословение – конечно, если она происходит в условиях обеспечения прав и свобод человека. Работа и труд – не только процесс производства, она еще и имеет психологическую и «духовную» значимость, как отмечает тайский ученый П.А. Пайютто (P.A. Payutto) в книге «Буддистская экономика: Срединный путь для рынка» [11]. Это ясно даже для тех экономистов, которые считают, что экономический рост важнее любых ценностей.

Западный подход имеет определенные социальные последствия: пока женщины работают в офисах и на производстве, их детьми занимается кто-то другой. Для «буддистского экономиста» такое использование ресурсов столь же эффективно, как, скажем, для экономиста западного – рекрутирования в армию высококвалифицированного специалиста. Буддистская система и интересные детали – например, Шумахер отмечает важность посадки деревьев как для экономики, так и для воспитания сознания. Сажая деревья и заботясь о них, мы думаем о будущем, обеспечиваем следующие поколения возобновляемыми ресурсами, «включаемся» во взаимодействие с природой и лучше осознаем природные процессы и наше влияние на них.

В экономии ресурсов обращается внимание и борьбе со спекуляциями – в частности, спекуляции землей – которые настоящей бедой всех капиталистических экономик. Шумахер предложил интересный способ решения этой проблемы. По его мнению, ни частная собственность и бесконтрольная продажа земли, ни национализация, когда землю контролирует бюрократия, не могут дать хороших результатов. В первом случае невозможно избежать спекулятивного роста цен и уничтожение мелких землевладельцев. Во втором – возникают маразмы социалистического «управление» землей, прекрасно известны всем, кто пережил «совковый» эксперимент с колхозами.

Шумахер предлагает законом устанавливать стабильную цену для каждого земельного участка (с привязкой ее к индексу инфляции). В развитых странах, где собраны «пазл», технически это сделать совсем нетрудно. Продавец участка не может получить за нее большую цену, чем установлено. Если же в процессе купли-продажи найдется желающий заплатить большую цену, чем установлено, он платит больше. Но сумма переплаты идет не продавцу, а в специальный государственный фонд (например, благоустройства сельхозугодий, создание заповедников или озеленения городов).

Итак, подытожим – индустриальный или «постиндустриальное» общество, основанное на экстенсивном использовании невозобновляемых ре-

сурсов, не может существовать бесконечно долго. Возврат к локальным экономик, основанных на сельском хозяйстве неизбежно. С этим трудно не согласиться теоретически, но пока ситуация не станет критической, большинство людей не воспримет этого мнения. Сейчас имплементация и развитие принципов «буддистской экономики» – дело энтузиастов-экспериментаторов в некоторых небольших коммунах и экопоселениях. В шестидесятых годах XX в., когда Шумахер опубликовал первые выкладки своих наработок, экономисты смеялись над его теорией. Однако через несколько десятилетий стало очевидным, что человечеству необходимо прийти к более рациональной экономике, чем используется сейчас. Увеличение потребления ведет, в конечном счете, в никуда. Возможно, разумнее увеличивать не потребление, а учиться достигать максимума удовольствия от минимума потребления? И принципиально производить только максимально качественные товары и услуги как на национальном, так и на региональном, континентальном и мировом уровнях. Производить только максимально качественные товары и услуги как на национальном, так и на региональном, континентальном и мировом уровнях.

Глобальной экономики сегодня пока не существует; просто является хозяйственная система, в которой экономическое и социальное развитие большей части человечества жестко обусловлен прогрессом постиндустриального мира и его возможностью влиять на ход событий в других регионах планеты. Безусловно, хозяйственные и информационные связи становятся все более интенсивными и разнообразными, но их значение в рамках различных социально-экономических систем остается диаметрально противоположным. Внутри постиндустриального мира глобальные тенденции пока ведут в конечном итоге к сближению уровней развития отдельных стран и жесткому противостоянию их с остальным миром. В мировом же масштабе каждый новый проявление «глобализации» все еще становится очередной ступенькой к формированию однополярного мира, в котором глобальным значением может обладать только его центр, его постиндустриальная составляющая – архитектурная вершина мировой валютно-финансовой системы.

Принятие единых правил в сфере регулирования банковских и финансовых операций было таким же значительным фактором развития торговли, как и создание всемирной сети Интернет и внедрение международного стандарта продукции. Другое отличие связано с научно-технической революцией и становлением «информационного общества». Революция в технологических процессах, в свою очередь, служит причиной значительных сдвигов в иерархии наций. Место страны в современном мире сегодня больше определяется качеством человеческого капитала, состоянием образования и степенью использования науки и техники в производстве [5, 21]. Богатство рабочей силы и сырьевых материалов все меньше можно расценивать как конкурентное преимущество – в соответствии с тем, как

снижается доля этих факторов в создании стоимости всех продуктов. По причинам такого необратимого развития становится все более вероятным, что страны юга могут достичь успеха исключительно на основе своих полезных ископаемых и соответственно более дешевой рабочей силы. Еще одним существенным обстоятельством является то, что глобализация сегодня сопровождается регионализацией экономической деятельности, которую часто считают тормозом, сопротивлением, антагонистом глобализации, или глобализацией в ограниченных масштабах, охватывающей группу стран, образующих объединение, в которых происходит большая или меньшая либерализация торговли, движения капитала и людей в рамках соответствующей группировки. Так, в некоторых областях и в валютной, в частности, такая региональность в форме зональности должна быть сохранена, поскольку мир не готов еще к единой (моновалютной) системе.

Неэффективность, а зачастую и вредность для человечества и окружающей среды современных экономических подходов заставляет все чаще прибегать к поискам разумных альтернатив. Однако далеко не все страны в равной степени являются интегрированными на сегодняшний день имеют примерно одинаковый экономический уровень развития. Мир в целом, скорее движется к своего рода «нового регионализма», просто один из «новых регионов» носит транснациональный характер и распространил свое влияние на всю планету. Однако этот процесс все же далеко не тождественно реальной универсализации глобальной общности [2, 3]. Другими словами, кроме определенных реалий глобализации, в мире сосуществуют также не менее реальные тенденции регионализации, диссоциации и даже ассоциализации. (Недаром VII Всемирный конгресс Международной ассоциации политэкономических наук, состоявшемся в августе 1997 г. в Сеуле, проходившего под девизом «Не глобализация, а маргинализация – насущная проблема»). Индустриальное общество пока еще не имеет механизмов, с помощью которых можно было бы избежать скатывания к конфликтам и тоталитарных режимов по окончании невозобновляемых ресурсов. Выживание глобализированной цивилизации представляется столь сложным, что достижение экономической и социальной стабильности, которая бы сопровождалась уважением к человеку, его правам и свободам, возможно сейчас, к сожалению, лишь в немногих социумах и в исторически очень короткие периоды. Процесс регионализации экономики, на наш взгляд, несколько замедляет процесс широкомасштабной экспансионистской и экстенсивной глобализации, но это неотъемлемая и логичная фаза глобальности именно на этом витке развития, а на следующем уже будет объединение между межрегиональными глобальными группировками. Регион является меньшей моделью мира и именно здесь можно скорее достичь интернационализации, интеграции, либерализации, унификации, не посягая на национальную самобытность, выявить трудности, противоречия, споры, неприемлемые явления и тогда переходить к высшей

ступени в глобальном мире, уже сотрудничая с укрупненными мировыми регионами-полисами. Речь идет, конечно, о коммунитарных механизмах и принципах в производственных и валютно-финансовых системах региональных группировок. Такой факт еще раз доказывает, что процесс глобализации не есть нечто авторитарное, а это историческая ступень развития цивилизации, общества – его объективная реальность.

Литература

1. An anatomy of so-called «deglobalisation» // The Economist. Feb 19th 2009.
2. Bello Walden. «The Virtues of Deglobalization» (Washington, DC: Foreign Policy In Focus, September 3, 2009).
3. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus: wie wir am Wachstum scheitern. Christian Lauk , Konstantin Kulterer. Wien: Ueberreuter, 2008. 223 s.
4. Exner A. (Hg.Ernst Lohoff). Losarbeiten Arbeitslos – Globalisierungskritik und die Krise der Arbeitsgesellschaft. Münster: Unrast Verlag, 2005. 284 s.
5. Gorz A. Kritik der ökonomischen Vernunft. Sinnfragen am Ende der Arbeitsgesellschaft. Hamburg: Rotbuch Verlag 2004. 388 s.
6. Guruge A. Buddhism, Economics and Science: Further Studies in Socially Engaged Humanistic Buddhism. Bloomington: AuthorHouse, 2008. 208 p.
7. Inoue Sh. Putting Buddhism to Work: A New Approach to Management and Business. Tokyo: Kodansha International (JPN); 1st edition, 1997. 176 p.
8. Krugman P. The Return of Depression Economics and the Crisis. New York: W. W. Norton; First Edition edition, 2009. 224 p.
9. Kurz R. Kollaps der Modernisierung: vom Zusammenbruch des Kasernensozialismus zur Krise der Weltökonomie. Frankfurt am Main: Eichborn, 2009. 288 s.
10. Naisbitt J. Global Paradox. Avon Books, 2006. 392 p.
11. Payutto P. A. Buddhist Economics: A Middle Way for the Market Place– Badger: Torchlight Publishing, 1996. 99 p.
12. Sivaraksa S. The Wisdom of Sustainability: Buddhist Economics for the 21st Century. Kihei: Koa Books, 2009. 192 p.
13. Schumacher E. F. A Guide for the Perplexed. New York: Harper Perennial; Worn Condition edition, 1978. 160 p.
14. Schumacher E.F. Small is beautiful: a study of economics as if people. London: Vintage, 1993. XI. 259 p.
15. Schumacher E.F. This I Believe, and Other Essays. Hartland: Resurgence Books, an imprint of Green Books; Revised edition, 1998. 224 p.
16. Wallerstein I. The Essential Wallerstein. NY: The New Press, 2000. 471p.
17. Wallerstein I. World-System Analysis: The Second Phases // Review. 1990. Vol. 13. № 3. P. 217-238.

Менеджмент человеческого капитала и развитие процессов управленческой демократии

Источниками информационного типа экономического роста являются инновации и человеческий капитал. Аналогично тому, как информационная экономика выступает логическим следствием индустриальной, так и роль человека в условиях нового технологического способа производства логично становится иной – более емкой и значимой, менее зависимой от обстоятельств и других людей, и, следовательно, более самостоятельной и творческой. Важнейшим экономическим «свойством» человека становится его индивидуальность. Отсюда, место и роль человека в информационной экономике неизбежно трансформируются по сравнению с экономикой индустриальной. Рост интеллектуального потенциала, в свою очередь, ускоряет развитие технологии и повышение эффективности труда. Таким образом, взаимодействие роста производительности труда и повышения потребностей привело к экономии времени в процессе развития и ускорению этого процесса. Сейчас более 50% экономически активных граждан развитых стран (а в США – более двух третей) заняты умственным трудом. Понятие человеческого капитала исторически стало первым специфическим термином нарождающейся экономической теории информационного общества. Теория человеческого капитала стала важным этапом в развитии представлений о человеке в экономике, так как сформулировала идею о ценности человеческих ресурсов в организации экономической деятельности.

Введение категории человеческих ресурсов в научно-теоретический аппарат экономики свидетельствует о том, что профессиональные знания, опыт, творческие, предпринимательские способности работников действительно обеспечивают экономическую эффективность и конкурентные преимущества организации в рыночной среде, в результате их деятельности достигаются как общие организационные (приращение прибыли), так и личные (удовлетворение социальных потребностей работников) цели. В научной литературе понятие человеческого капитала (Human Capital) появилось в публикациях второй половины XX века в работах американских ученых-экономистов Теодора Шульца и Гэри Беккера (1992 г.). За создание основ теории человеческого капитала (ЧК) им были присуждены Нобелевские премии по экономике – Теодору Шульцу в 1979 г., Гэри Беккеру в 1992 г. Вложил существенный вклад в создание теории ЧК и выходец из России Саймон (Семен) Кузнец, получивший Нобелевскую премию по экономике за 1971 г.

Делиберативная модель человеческого капитала (в менеджменте и маркетинге) концептуально разрабатывает теорию о необходимости изменения эксплуатационных и антагонистичных отношений между людьми во всех сферах общественной и индивидуальной жизни. В качестве цели развития человечества рассматривается постоянное общественное, экономическое, историческое продвижение к тотальной свободе и развитие человеческой

эмансипации в самых различных сферах и на разных уровнях функционирования человека. Отношения антагонизма, построенные на модели эксплуатации, прежде всего в сфере экономики, приводят к появлению и сохранению феномена отчуждения, противостоя человеческого взаимопониманию и являются основным катализатором социальных конфликтов.

Целью анализа делиберативной теории является определение ключевых черт и механизмов построения общества и его функционально-структурных элементов, в которых нет независимых от воли людей общественных и производственных отношений, т.е. общества, в котором упразднены отношения принуждения и господства одних людей над другими [См. 1-6]. Контроль над процессами производства и общественного функционирования должен перейти к непосредственным участникам общественного производства (как в отрасли материального производства, так и в сфере продуцирования идей и управленческих решений). Данная модель получила название делиберативной демократии (происходит от латинского термина *deliberatio* – “обсуждение”). Каждый индивид получает возможность принимать участие в выработке стратегии функционирования предприятия, государства, общества, которое приводит к учету интересов отдельных индивидов и социальных групп и углубления их взаимопонимания. Общественные, государственные, хозяйственно-производственные образования формируются благодаря отношениям взаимного признания, обсуждения и компромисса, который означает добровольный отказ от узкоэгоистических индивидуалистских или групповых интересов, если они стоят на пути к взаимному согласию и расширению открытости общественной и политической коммуникации.

В современных условиях необходимо сделать акцент на человеческий капитал – главный фактор формирования и развития инновационной экономики и экономики знаний, как следующего высшего этапа развития, интеллект, здоровье, качественный и производительный труд и качество жизни. Одним из условий развития и повышения качества человеческого капитала является — высокий индекс экономической свободы.

Используют следующую классификацию человеческого капитала:

1. Индивидуальный человеческий капитал.
2. Человеческий капитал фирмы.
3. Национальный человеческий капитал.

На протяжении последних десятилетий в цепочке производственных ресурсов «человеческие ресурсы – материальные ресурсы – финансовые ресурсы» менялось стратегическое значение каждой составляющей в зависимости от окружения, целей и задач экономического развития. В современных условиях интеллектуализации бизнеса главным источником производительности труда и процветания организации выступают именно человеческие ресурсы.

Т а б л и ц а 1

Изменения структуры совокупного капитала в странах, в %

Вид капитала	1913	1950	1997-1998	2009-2010
Физический капитал	67-69	52-53	31-33	24-27
Человеческий капитал	31-33	47-48	67-69	74-77

*В национальном богатстве человеческий капитал в развитых странах составляет от 70 до 80%. В России и Украине около – 50%.

Меняется сама концепция организации. Если традиционно ее основной функцией считалось производство товаров, то теперь – производство знаний, ноу-хау, разработка новых технологий. Фирмы стремятся к максимальному использованию всего спектра способностей своих работников. Инновационная деятельность больше не является прерогативой отдельных людей или специального подразделения, она охватывает все уровни и отделы предприятия. В результате меняется представление об уже устоявшихся научных категориях. В индустриальном обществе под капиталом как «самовозрастающей стоимостью» преимущественно понимались финансовые средства, которые инвестируются в производство и в результате приносят дополнительный доход. Сегодня все чаще говорят о «человеческом капитале», где работник сегодня – не простой исполнитель, а стратегический ресурс компании, основа ее конкурентоспособности [8, 12].

Новая экономика заставляет нас оптимизировать ресурсы производства для развития предприятия. В бизнес-процессы плотно входят такие понятия, как: «бережливое производство», «энергосбережение», «безотходное производство» – все это заставляет изыскивать новые возможности внедрения инновационной культуры на предприятии [10]. Делается также ставка на экологический менеджмент – часть общей системы корпоративного управления, которая обладает четкой организационной структурой и ставит целью достижение положений указанных в экологической политике посредством реализации программ по охране окружающей среды, подтверждаемой сертификатом ISO 14000, что является международным стандартом по созданию системы экологического менеджмента.

Человек обладает творческими, предпринимательскими способностями, продуктивность которых не имеет видимых пределов. Именно поэтому в человеческих ресурсах скрыты наибольшие резервы для повышения эффективности функционирования организации. В современных условиях научно-технического прогресса возможен «моральный износ» человеческих ресурсов, но люди постоянно и осознанно стремятся к совершенствованию, повышению квалификации, обновлению знаний и профессиональных навыков.

К основным элементам человеческого капитала, как правило, относят:

- капитал образования (знания - общие и специальные);
- капитал подготовки на производстве (квалификация, навыки, опыт);

- капитал здоровья;
- обладание экономически значимой информацией;
- капитал миграции (обеспечивает мобильность работников);
- мотивация экономической деятельности.

При оценке интеллектуального капитала исследователи сталкиваются с большим количеством проблем. К ним относятся:

- ограниченные возможности строго формального и адекватного описания и измерения интеллектуальных ресурсов;
- методологические проблемы определения нормативов творческого труда (или даже самого творчества) и их надежности.

Эти проблемы могут быть решены только при условии разработки единых общепризнанных критериев комплексной оценки человеческого потенциала. Очень хочется относиться к компании технологично, чтобы персонал мгновенно «заводился», превратив коллектив в машину для зарабатывания денег, в реальности этого не происходит. Если собственник подходит в оценке организации, как к машине, а это подход индустриальной экономики, то кто делает в организации обслуживание узлов и агрегатов.

Опросы показывают, практически всё делается интуитивно, и внутренними ресурсами (оценка вышестоящим менеджментом, либо кадровой службой на предприятии). В результате при таком обслуживании возникают проблемы «становятся неисправными целые отделы – агрегаты-узлы». Все это риски для организации, которые у малых предприятий могут стать смертельными, если с ними не работать. Мы с вами знаем, что любой сотрудник, не зависимо от занимаемой должности, использует организацию в личных целях, и для личного развития. Многочисленные исследования доказывают: 30% усилий сотрудник отдает работе, выполнению своих должностных обязанностей, и 70% усилий – на себя, реализация своих личных планов в рамках рабочего процесса. Это не является оценкой менеджмента, это данность, которую нужно учитывать в работе организации. Все системы корпоративного и административного управления могут зарегулировать только 30% усилий вашего сотрудника, а точнее формальное отношение, инструменты делиберативного маркетинга, делиберативного менеджмента – предлагают собственникам использовать 70% потенциала вовлечения сотрудника в рабочий процесс. В том, числе создание образа благополучия, доверительные и уважительные проектные отношения. Не нужно быть великим инвестором, чтобы понять область инвестирования.

Когда мы рассматриваем экологический менеджмент, мы оцениваем внешние ресурсы, и в меньшей степени, или в последнюю очередь, мы рассматриваем экологию человеческих отношений. Хотя любой бизнес – это, прежде всего экология человеческих отношений, об этом я подробно писал. На наш взгляд, это актуально сегодня, прежде всего, для ключевых

лидеров менеджмента в организации. Вы строите бизнес, набираете сотрудников, превращаете их в семью или в машину по зарабатыванию денег, вкладываете энергию, и если созданный коллектив не подпитывает, не возмещает вам потраченную энергию, ваша энергия не восполняется, вы теряете здоровье, вы теряете бизнес – практика это подтверждает. Поэтому если у вас проблемы со здоровьем это первый симптомы для обращения к эгоконсультанту. И, конечно же, несколько слов о конкуренции. Информационная экономика это, прежде всего, высокоразвитая конкурентная среда, где все участники обладают примерно равными технологиями, конкурентное преимущество может быть реализовано только по человеческим ресурсам, по культуре организации бизнеса. Все больше в постиндустриальном пространстве. где раньше управление воспринималось больше с технической точки зрения, сейчас наблюдается тренд развития с позиции гуманизации, интуитивное управление.

Демократизация экономической жизни ведет к тому, что от работника, формально не относящегося к категории менеджера, все больше требуется обладание способностями, ранее считавшимися исключительной прерогативой менеджеров или организаторов производства. Это ведёт к распределению ответственности, ранее сосредотачиваемой на верхнем этаже иерархии, по всей организации. Тем самым ослабляется сопротивление изменениям. Новая социально-экономическая организация, основанная на информационных технологиях, ведёт к децентрализации управления. В то же время, появляется возможность новых решений по обеспечению взаимодействия сегментированных видов труда на уровне рабочего места (коммуникации) и на межфирменном уровне (сетевые организации, аутсорсинг, реинжиниринг).

К важнейшим качествам работников в «новой экономике» относят:

- высокую способность и мотивацию к обучению;
- базовые навыки (умение работать с информацией, компьютерная грамотность);
- умение организовать коммуникацию (способность артикулировать идеи и слушать);
- адаптивность (творчество, формулирование и решение проблем);
- навыки самосовершенствования (мотивация, постановка целей, индивидуальное развитие);
- групповую эффективность (навыки межличностного общения, ведение переговоров и умение работать в команде);
- навыки оказания влияния на других (организационная эффективность и лидерство).

Литература

1. Зінченко В.В. Деліберативні моделі процесів управління в умовах суспільних та економічних трансформацій // Актуальні проблеми

економіки. Науковий економічний журнал. ВНЗ «Національна академія управління», 2011. №. 5(119). 396 с. С.4-12. (Zinchenko V.V. Deliberatyvni models of management in terms of social and economic transformation//Actual problems ekonomiky.Naukovyy Economic Journal. Universities' «National Academy of Management», 2011. №. 5(119). 396 с. S.4-12.)/

2. Зинченко В.В. Институциональная глобализация и делиберативные модели общественного развития(Zinchenko V.V. Institutional globalization and deliberative models of social development) // Vědecký průmysl evropského kontinentu. - Díl 14. Filosofie. Politické vědy. Historie. Administrativa. Praha: Publishing House «Education and Science» s.r.o., 2011. 188 s. S.9-17.

3. Bello Walden. The Virtues of Deglobalization // Washington, DC: Foreign Policy In Focus, September 3, 2009).

4. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus: wie wir am Wachstum scheitern. Wien: Ueberreuter, 2008. 223 s.

5. Dannemann R. Das Prinzip Verdinglichung. Wiesbaden: Panorama, 2005. 166 s.

6. Fuchs A. Solidarität der Sozialpolitik. Bonn: Taschenbuch-Verlag, 2003. 227 s.

7. Krugman P. The Return of Depression Economics and the Crisis.-New York: W. W. Norton; First Edition edition, 2009. 224 p.

8. Kockshott Paul W., Kotrell A., Alternativen aus dem Rechner. Für sozialistische Planung und direkte Demokratie. Köln: PapyRossa Verlag, 2006. 267 s.

9. Kurz R. Kollaps der Modernisierung: vom Zusammenbruch des Kasernensozialismus zur Krise der Weltökonomie. Frankfurt am Main: Eichborn, 2009. 288 s.

10. Wallis St. A New Set of Economic Principles – Five Principles for the New Economy by 2020. This paper was developed by Stewart, Manfred Max-Neef and 20 other people over a 3-day period at the Tallberg Forum in 2008. New York: By ewart and Manfred Max-Neef, 2010.

Отечественная модель и зарубежные концепции институциональной «физической социальной экономики» парадигм глобального развития

Физическая социальная экономика анализирует фундаментальные общественно-экономические знания, основные принципы общественно-экономических отношений в обществе, развивая научные методы анализа явлений и процессов на разных уровнях – от отдельного человека, предприятий и фирм до системы глобальных и международных отношений.

Весьма важным шагом в развитии этой школы стала деятельность основателя Украинской академии наук В.И. Вернадского, который своим ближайшим научным предшественником называл украинского мыслителя С.А. Подолинского. Вводя в научный оборот категории живого вещества,

биосферы и ноосферы, создав новейшую мировоззренческую систему, парадигму содержания и структуры знаний, академик В.И. Вернадский, как современный мыслитель, поднял достижения отечественной научной школы на высшую ступень мирового признания.

Концепция «глобально-институциональной социальной физической экономики» и ее направлений (физическая социальная экономика, институциональная социальная физическая экономика, глобальная социально-физическая экономика, физическая институциональная социальная экономика, физическая социальная экономика глобального развития) в последние годы начинает занимать достаточно весомое теоретико-практическое, социально-аналитическое и одновременно экономико-прогностическое положение среди моделей глобального развития международных отношений и мировой экономики, изучая особенности и принципы развития сферы материального (физического) производства с целью количественного и качественного улучшения наполнения материального и духовного состояния отдельного человека и народа на основе непрерывного научно-технологического прогресса, что должно обеспечить длительное существование человечества на Земле. Поэтому наиболее приближенным к общественно-хозяйственной реальности будет знание, базирующееся на естественных законах общественного и экономического бытия. Николай Руденко называет его физической экономией [9, 15].

Зарубежный основатель новой модели этого направления Линдон Ларуш обосновывает связи между научно-технологическим прогрессом, экономикой человеческого труда, повышением его производительности, ростом численности культурного объема и повышением плотности населения на единицу площади. Современная западная школа этого направления включает, в частности, экономистов, политологов, культурологов, обществоведов – Линдон Ларуш, Джонатан Тенненбаум, Лотар Комп, Карл-Михаэль Витт, Хельга Зепп-Ларуш, Михаэль и Гейл Биллингтон, Ричард Фримен, Уильям Энгдаль и др. Представители этой школы, пожалуй, впервые обратили внимание на усиление и гегемонистские стремления мирового финансово-спекулятивной олигархии и ее деятельность по созданию мировых финансовых пирамид [См.: 3-4; 10-12; 14; 16-25]. Глубокая научная аналитика этой школы, ее умение в деталях разобраться в экономической и политической ситуации позволили ей создать оригинальную концепцию развития и прогнозирования экономических, политических, социокультурных процессов на планете. Ее идеи можно рассматривать, в том числе и как концепцию раннего прогностического предупреждения для глобальной экономики. Особенно высокой оценки заслуживает комплексный подход к рассмотрению проблем единства и взаимодействия производственного и финансового секторов экономики.

Основой взглядов основателя классической версии физической экономики – Ф. Кенэ – было учение о «естественном порядке», освещенное

им в работе «Естественное право» (1765 г.), в определенной мере отражает мировоззрение ученого и философские основы физиократизма. Он считал, что общественные законы являются законами «естественного порядка», благоприятными для общества и установленными Богом для воспроизведения и распределения благ [2, 448]. Научные идеи физиократов получили новую аргументацию и развитие в работах выдающегося украинского и российского ученого и исследователя С. Подолинского. Идеи С. Подолинского в начале XX в. использовал и Владимир Вернадский, создав концепции парадигмы развития земной биосферы и ноосферы.

В дальнейшем, определяющими для развития данного типа мирового духовного, обществоведческого и экономического знания становятся достижения представителей украинской школы физической экономии – С.А. Подолинского, В.И. Вернадского и Н.Д. Руденко. С позиций их интеллектуального достояния, концепция физиократов выглядит не только началом классической экономической мысли, но и как начало принципиально новой парадигмы общественно-экономических и духовных знаний. Ее воплощением и оформлением является социальная физическая экономия как основополагающая составляющая научного знания, модификацией которого становится предпосылкой «разблокирования» кризиса и побудительным фактором прогрессивного развития общественно-экономической мысли. В отечественной научной традиции в последней трети XIX в. С. Подолинский, в начале XX В.Г. Вернадский, а в конце XX в. выдающийся украинский ученый Н.Д. Руденко также сформировали цельные, практически применимые модели эффективного экономико-общественного развития как на уровне Украины, других постсоветских стран, так и системы развития всего современного глобального мира. Экономике, обществам и государствам Украины, России и других постсоветских государств этот подход может особенно импонировать. Дело в том, что еще в конце XIX в. украинский ученый С. Подолинский в своих книгах «Труд человека и его отношение к распределению энергии», «Ремесла и фабрики на Украине», в начале XX в. в своих лекциях по политэкономии тогдашний премьер-министр России С.Ю. Витте независимо друг от друга показали причинная взаимосвязь между научно-техническим прогрессом, ростом плотности населения и уровнем его интеллектуально-культурно-духовного развития.

С 2008 г. общие тенденции существующего глобального типа экономики трансформировались в мировой финансово-экономический кризис всей существующей глобальной системы. В течение 2008 г. латентная инфляция на финансовых рынках и фондовой бирже вылилась в явную инфляцию на товарных, прежде всего, – сырьевых рынках. Первой ласточкой был скачок цен на нефть, которые выросли с начала года в 4,5 раза. Только в сентябре 2008 г. в США цены на медь выросли на 27%, сталь – на 20%, никель – на 37%, серную кислоту – на 55%, целлюлозу – на 67%, аммиак – на 73%.

Одновременно начался устойчивый спад на фондовой бирже. Таким образом, наметилась дефляционная тенденция на рынке ценных бумаг и инфляционная – на рынках сырья и энергоносителей. В этих условиях и было очень вероятно, что рядовой держатель акций начнет от них избавляться и фондовые рынки окажутся под угрозой краха. Положение осложняется тем, что информационный сектор, где, собственно говоря, и шел быстрый рост, не оправдал надежды инвесторов на сверхприбыли. Напротив, корпорации, связанные с так называемой «новой экономикой», показали в отчетах за 2008-2011 гг. значительные убытки.

Линия руководства ФРС и МВФ заключается в том, чтобы отсрочить новый этап общемировой финансово-экономического кризиса дополнительным накачкой в экономику ликвидности. Если она полностью осуществится, мир окажется под угрозой гиперинфляции, подобной той, которую пережила Веймарская Германия в 1921-1923 гг. Как писал в сентябре 2010 г. аналитик-обозреватель Эмброуз Эванс-Причард из лондонской Daily Telegraph: «Приношу извинения моим читателям по всему миру за то, что я защищал чрезвычайные меры стимулирования, принятые Федеральной резервной системой, и как наивный слабоумный утверждал, что ФРС не приохотится этой наркомании, политических злоупотреблений и разнузданного безумия после впрыска первых доз «нетрадиционного смягчения денежно-кредитной политики» [13].

В этих условиях Л. Ларуш предложил свой план реорганизации мировой финансовой системы. Он заключается в возвращении к Бреттонвудской системы фиксированных валютных курсов, причем, за основу валютной системы предлагается вместо золота или доллара взять корзину «твердых товаров», необходимых для жизнеобеспечения человека. На основе этой корзины могла бы быть построена искусственная денежная единица для международных расчетов. Национальные валюты были бы привязаны к ней фиксированным соотношением. Новая система Л. Ларуш предлагает внедрять в 2 этапа. Сначала на двусторонней основе и в региональных экономических блоках, и только потом – в общемировом масштабе. При этом финансовые обязательства, возникшие на спекулятивной основе, так же, как и долги развивающихся стран, должны быть аннулированы [См.: 1; 3; 4; 18-22]. Как считает Л. Ларуш, эти меры, вкупе с его давним планом перестройки мировой инфраструктуры, в центре которой находится создание Евразийского сухопутного транспортного моста, должны обеспечить устойчивый экономический рост и привести в соответствие объем мировых финансовых инструментов с возможностями мировых производительных сил.

Не со всеми положениями концепции Л. Ларуша, как и всех значительных оригинальных концепций, можно безоговорочно согласиться. На наш взгляд, Ларуш явно не до конца учитывает объективный ход экономических и политических процессов, в частности, классовую и внутриклас-

совую борьбу, влияние мощных финансовых и экономических структур, стоящих за принятием политических решений. Поэтому он считает, что в основе развития второй половины XX – начала XXI вв. находятся ложные экономические теории, ложные экономические решения. Отсюда он считает, что научной аргументацией можно убедить власть имущих. Считаем, что за политическими решениями надо искать тех, кому это выгодно, в данном случае, крупнейшие олигархические кланы национального, регионального и мирового уровней. Они не откажутся от своей эгоистической выгоды, пусть даже ее цене будет гибель цивилизации. Что касается идеи синтетической валюты на основе твердо-товарной корзины, то при всей привлекательности она требует серьезной практической доработки.

Кроме того, считаем, что Ларуш ошибается относительно К. Маркса, записывая его в один ряд с буржуазными экономистами английской школы. Конечно, схема воспроизведения Маркса носит характер игры с нулевой суммой, но это относится только к современному Марксу капитализма. Там, действительно, выигрыш капиталиста равен проигрышу рабочего. Но общая теория Маркса предусматривала прорыв в новую общественную формацию, где стоимость будет определяться не столько затратами физического труда, сколько наукой и научно-техническим прогрессом, т.е. творческим потенциалом человеческого труда [15, 96] (т.е., от творческой умственного труда). Маркс, в частности, писал: «По мере развития крупной промышленности создание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и количества затраченного труда (т.е. физического труда), чем от мощи их агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, а зависят, скорее всего, от общего уровня науки и прогресса техники, как от применения этой науки к производству» [5, с.429], т.е. от творческой умственного труда. Этот «прорывной» характер марксистской экономической теории роднит ее с «прорывной философией» Ларуша. Как, кстати, и известное высказывание Ф. Энгельса о роли гипотезы в развитии науки: «Формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, является гипотеза», - тоже созвучна соответствующим идеям западной физической социальной экономики [23, 123].

В последние десятилетия в отечественную науку возвращается творчество Сергея Андреевича Подолинского [См.: 7; 8]. Оно тесно связано с универсальной экономико-политической и естественной картиной мира, концепциями обновления общества в нашей стране и за рубежом.

Вернадский В. назвал Сергея Подолинского «забытым научным новатором». Видя в нем одного из предшественников учения о биосфере и ноосфере. История идей, относящихся к энергетике жизни, взятой в рамках

космоса, указывает на почти непрерывный ряд мыслителей, ученых и философов, которые приходили более или менее независимо к одним и тем же идеям, но не углубляясь в поставленные ими проблемы. Мы находим краткие, но совершенно ясные указания, мысли и факты на энергетическое отличие живого от мертвого – уже в трудах основателей термодинамики – у Р. Майера, В. Томсона (лорда Кельвина), Г. Гельмгольца. Эти указания не были достаточно понятны и оценены. Уже позже и самостоятельно, рано умерший С.А. Подолинский понял все значение этих идей и старался их применить к изучению экономических явлений. С.А. Подолинский написал книгу «Труд человека и его отношение к распределению энергии» (ее варианты переведены на немецкий, французский и итальянский языки), о которой нужно говорить отдельно более подробно [8]. Тогда же, в 1880 г., он выпустил первый, как оценивают специалисты, украинский учебник политической экономии (и первую экономическую историю Украины) «Ремесла и фабрики на Украине»[7]. В концепции Подолинского рассматривается категория «трудовой энергетизм» для использования в политэкономии и социальной экономике. Политэкономия связана со стихийным рынком, это «искусство добывать» высокую прибыль в интересах капитала. А социальная экономика работает в интересах человека, семьи, всего гражданского общества.

Составляющими выстроенной ученым системы является субъект, объект и взаимодействие между ними. Универсальность этих составляющих позволяет описания с их помощью бытия отдельных индивидов и Вселенной в целом. Ключевым элементом системы является такой объект, как энергия. Исследуя его, С.А. Подолинский исходил из того, что сумма вселенской энергии является неизменной величиной, в то время, как в отдельных частях Вселенной энергия распределена неравномерно, что вызывает тенденцию к повсеместному ее уравниванию и постепенному рассеиванию. Интерпретируя энергию как мировую константу, мыслитель показал способность человека влиять на ее движение и накопление. Ученый доказал, что наделенный интеллектом субъект, который осознанно препятствует энтропийным процессам, способен предотвратить расточение энергии. Несмотря на то, что таким субъектом в его исследовании является каждый отдельный человек и человечество в целом, можно говорить о новейшей интерпретации С.А. Подолинским человеческой сущности, а именно – рассмотрение человека как космического существа, способного увеличивать объемы энергии на поверхности Земли.

Исключительно ценным научным достижением С.А. Подолинского является толкование взаимодействия между субъектом и объектом. Методологию исследования этого взаимодействия можно заметить в названии указанной публикации. С одной стороны, речь идет о распределении – производной от энергии как объекта элемента системы. С другой – основательно исследуется труд, т.е. составляющая системы, производная

от человека как субъекта взаимодействия. Поэтому ключевым рычагом воздействия человека на энергетические потоки становится отношение человеческого труда к распределению энергии. С точки зрения возможностей накопления энергии существуют два типа такого отношения:

- благоприятное – когда на примере земледельцев, ремесленников и т.д., т.е. на уровне, который сейчас именуется микроэкономическим, или на примере отдельной страны, т.е. в макроэкономическом измерении, раскрывается роль труда для обеспечения индивидуального или общественного обогащения и экономического роста;

- неблагоприятное – описано С.А. Подолинским в предпоследнем разделе его работы и истолковано ученым как расхищение энергии.

Сергей Подолинский глубоко и всесторонне изучил главную категорию этого звена общественного и планетарного развития и экономики – труд. Он показал, что в природе нет «абстрактного труда», а есть труд конкретный – как разумная целенаправленная деятельность человека по «накоплению энергии» путем производства механической и любой другой работы. А заговорили о его идеях теперь, в разгар глобального кризиса стихийного рынка, когда значимость человеческого труда как главной этической и экономической категории жизни человека необоснованно чрезвычайно занижена. Сергей Подолинский в своей работе гениально просто и убедительно раскрыл природу и социальную сущность человеческого труда, способной объединить всех людей по закону гармонии. Человеческий труд является особым процессом природы, который можно считать усилителем мощности, а для «усиления» мощности действительности необходимо «улавливать» тот или иной поток энергии. Естественнонаучная природа труда открывает новое понимание производимой людьми любой работы. Трудящийся человек – это «накопительный и охранный резервуар энергии» на Земле [7, 270]. Получение знаний, обучение – это тоже категория труда, причем одна из важнейших. Человек, прекративший улавливать потоки энергии познания бытия (всевозможных его форм), входит в ступор инволюции. С. Подолинский сформулировал основы важнейшей общественно-экономической парадигмы, фундаментальный характер которой состоит в открытии источника экономического бытия и общественного прогресса, которым является солнечная энергия [8, 130]. Труд не создает никакой материи, а лишь превращает овегетивленную энергию, утверждает С. Подолинский, и сегодня эта новейшая теория украинского ученого все больше привлекает внимание многих исследователей, раскрывая по-новому содержание энергетической составляющей в жизни человечества.

Расширяя границы понимания процесса человеческого бытия и предложив понятие энергетического баланса, С. Подолинский, основой для сравнения товаров считал не, собственно, труд, а энергию, как материальную субстанцию товара, и ее количество, накопленное в товаре благодаря

труду. Как видим, предметом труда и, соответственно, материальной субстанцией товаров (благ) является превращенная и накопленная в них энергия. В связи с этим выглядит логичным, что, рассматривая категорию стоимости, С. Подолинский сравнивает товары через количество энергии, вовлеченной в процессе труда над их созданием.

Существенным вкладом С.А. Подолинского в национальную и мировую науку стало создание им новой парадигмы цивилизационного развития. Осуществляя свое исследование в этом контексте, ученый использовал новаторский подход, концептуальная смелость которого даже в наше время вызывает восхищение. Отдавая должное проблемам, которые сейчас именуются глобальными, он в своих исследованиях пошел значительно дальше в их анализе. То, что в начале своего исследования С.А. Подолинский обратился вопросу сохранения и рассеивания энергии во Вселенной, дает основания говорить о галактическом его контексте, а, значит, о таком уровне полученных мыслителем научных результатов, который остается непревзойденным. Рассмотрение Земли как неотъемлемой составляющей Солнечной системы позволило ученому процесс хозяйствования на планете трактовать, по сути, как экономику Космоса. Сделанные С.А. Подолинским обобщения уместно расценивать и как фундамент для принципиально нового толкования сущности и структуры процессов воспроизводства. Чрезвычайно продуктивной, хотя до сих пор почти не оцененной, является созданная ученым теория распределения, основанная на сформированных им мировоззренческих основаниях.

Оригинальность предлагаемого подхода состоит в том, что С.А. Подолинский раскрыл возможности принципиально нового применения понятия «распределение» к процессам и явлениям, которые происходят в энергетическом бытии землян. Благодаря этому он стал одним из первых, кто рассмотрел сущность явления распределения в масштабах галактики. «Опредметив» его, ученый описал распределение энергии, исследовал циркуляцию энергетических потоков в космическом пространстве, в том числе на поверхности Земли как одной из планет Солнечной системы. Этот аспект наследия С.А. Подолинского настолько парадигмален, что требует рассмотрения всех подразделений общественного воспроизводства в планетарном и надпланетарном измерениях по подобной концептуальной схеме. Ведь «распределение энергии» как одно из ключевых понятий, вынесенных в название его гениального труда, по аналогии требует вести речь и о других составляющих энергетического воспроизводства, прежде всего, это – производство, добывание, обмен, потребление и др.

Подолинского С.А. следует считать предвестником принципиально новых подходов к теориям экономического роста, институциональных и других теорий. Причем существеннейшим в его творчестве является открытие антиэнтропийных функций индивидов и общественных институтов, труд которых обеспечивает, с одной стороны, накопление энергии, а

с другой – ее защита от рассеивания. Соответственно это дает основания говорить о вкладе С.А. Подолинского в обоснование теоретических основ общественно-хозяйственного прогресса. Зато человеческая деятельность, связанная с использованием созданной природой энергии, уже накопленной на Земле в виде живого вещества, залежей энергоносителей и других полезных ископаемых, является противоположным явлением, т.е. обеднением или даже ограблением потомков, а с точки зрения вечности – самограбежом человечества, что почти вплотную подвело его к омнициду. Итак, по С.А. Подолинскому, человеческая деятельность, связанная с использованием дарованных природой полезных ископаемых, может быть экономически и экологически оправданной лишь тогда, когда их залежи используются с целью накопления энергии на земной поверхности и предотвращения ее энтропии.

Новая парадигма цивилизационного развития, предложенная С. Подолинским, и ее сегодняшнее осознание через признание большинством стран мира необходимости существования человечества на основе концепций устойчивого развития в рамках единой системы «природа-общество-человек» требуют отдельного осмысления вопроса об органическом строении показателя экономической массы и его места в процессе воспроизводства, что и определяет направление последующих исследований. С.А. Подолинского следует считать основателем новейшей национальной научной школы физической экономии. Разработки ученого существенно развили идеи его зарубежных предшественников, а позднее нашли продолжение в трудах наших соотечественников.

На этой основе появились в конце XX в. «Гнозис и современность (Архитектура Вселенной)» и «Энергия прогресса» Н.Руденко. Поэтому сегодня уже можно говорить об украинской школе физической экономии. Николай Руденко (1920-2004 гг.), выдающийся представитель Украины, известен украинской и зарубежной общественности как ученый, писатель и правозащитник, действительный член Украинской свободной академии наук в Нью-Йорке, Герой Украины, который одновременно является глубоким мыслителем национального и мирового масштаба. Его философский и экономический задел еще ждет изучения и определенного глубокого осмысления учеными. Н. Руденко является автором весомых новаторских экономических работ по проблемам национального хозяйства Украины, глобализации, международной экономики и мировой общественно-экономической мысли. В первой половине 1970-х гг. им созданы уникальные по парадигмальности и новизне экономические труды: распространяемая самиздатом «Энергия прогресса» и изданные за рубежом «Экономические монологи», запрещенные в СССР. По возвращении в независимую Украину Н. Руденко написал несколько новаторских работ по проблемам национального хозяйства Украины, международной экономики и глобализации. В 2002 г. написан труд «Глобализация и Украина»,

который увидел свет после смерти мыслителя. Экономико-философская система украинского ученого Н.Д. Руденко является существенным вкладом в развитие как физической экономики, так и современной естественнонаучной, общественно-экономической и научной мысли вообще.

Свою экономико- и социально-философскую систему, которая охватывает такие основополагающие труды, как «Гнозис и современность (Архитектура Вселенной)» и «Энергия прогресса», мыслитель выстраивает на основе синтеза знаний, включая философию, экономику, космологию, физику, математику и др. [8, 81]. Он доказывает неотложность восстановления нарушенного синтеза Знания, которое в своей первооснове было, а потому и должно оставаться единым. Возрожденная Н. Руденко парадигма физической экономики является примером начала единства того сегмента знания, которое определяет экономический аспект общественного и цивилизационного бытия.

Подход Н. Руденко к оценке экономико-философских достижений принципиально отличный от существующих подходов. Он оценивает мировоззренческие и экономические доктрины, особенно те, которые считаются определяющими для общественно-хозяйственного развития, не как догмы, которым надо слепо следовать, а как инструменты. Ведь, в зависимости от их использования социально-политическими силами, эти интеллектуальные достижения могут быть не только благоприятными, но и индифферентными, а также неблагоприятными или даже разрушительными, отрицая цивилизационный прогресс или отвергая отдельные страны или мировое сообщество в целом на путь регресса, что наглядно свидетельствует современное развертывания глобального кризиса.

Руденко Н.Д. отмечает, что в его трудах рассматривается «энергетика общества, а не политические аспекты общественной жизни ... Что касается самой политики, то она ... должна формироваться на основе законов природы, а не наоборот» [9, 98]. Поэтому физическую экономию следует воспринимать как основу, на которой должна основываться политическая экономия и прикладные экономические науки. Поэтому экономические студии Н. Руденко, которые начались из стремления найти движущую силу цивилизационного развития, подвели его к поиску ответа на основной вопрос экономики как науки, которое заключается в выявлении источника прогресса.

Ключевой категорией, пронизывающая созданную мыслителем научную систему, становится энергия прогресса. В одном из определений Н. Руденко энергия прогресса – это абсолютная прибавочная стоимость, источником которой является космическое излучение, а ее получение людьми возможно благодаря использованию фотосинтеза. Формулировка этой категории является методологической базой, на которой построена мировоззренческая конструкция физической экономики, охватывающая как

уже существующие, так и самостоятельно открытые ученым категории и законы.

Творчески интерпретируя единство физического и духовного, Н. Руденко строит целостную архитектуру Вселенной и «вписывает» в нее человека. Идея их родства позволяет ему утверждать, что подобно человеку, Вселенная тоже имеет свой орган синтеза. Сочетание гностического с физическим приводит Н. Руденко к выводу о материальности Бога, которого он идентифицирует со Вселенной как Субъектом. С онтологической точки зрения этот действительно новаторский подход лишает аргументации и псевдоматериалистов, и псевдоидеалистов. Как утверждает мыслитель, пантеизм именно потому и является настоящим теизмом, поскольку признает Богом Вселенную как целое. Это позволяет Руденко продолжить жить новейшее осмысление начатого С. Подолинским исследования энергетических аспектов взаимодействия между субъектами и объектами. Ведь когда энергия рассматривается как объект, то это не исключает, а напротив, предполагает и обратное, т.е. рассмотрение энергии как проявления влияния субъекта, который действует на человека. Такой мировоззренческий подход является правомерным с позиций введенной Н. Руденко категории «Духоматерии».

Следовательно, не только человек как субъект воздействует на энергетические потоки, а прежде всего Духоматерия с помощью энергии действует на человека, обеспечивая или, наоборот, исключая человеческое существование. Учитывая это, энергия и должна рассматриваться как проявление действия влияния Субъекта (Первотворца). Зато человека в этой системе следует рассматривать и как объект, находящийся под непосредственным влиянием энергии Космоса, которая является продуктом деятельности Первотворца. Поэтому взаимодействие элементов системы имеет не только прямое влияние (когда человек действует на энергетические потоки), но и обратное (когда становится определяющим влияние Духоматерии через энергию Космоса на человека).

Таким образом, исследуя истоки общечеловеческого прогресса, мыслитель осознанно приходит к Богу как к первоисточнику и движущей силы прогресса. В этом следует усматривать существенную сторону интеллектуальных достижений Н.Д. Руденко в области современного знания о мире и реальности. С другой стороны, если Бог – это Вселенная и Природа, то уважение к Богу – это отношение к природе как к святыне. Поэтому очень важный аспект физической экономики в интерпретации Н. Руденко состоит и в том, что она становится новейшим концептуальным ключом развязывания экологических проблем, которые, обостряясь, ставят на повестку дня вопрос уже не прогресса, а как минимум выживания человечества. Ведь все более распространенными становятся разговоры о вероятности самоуничтожения человечества вследствие техногенного, биогенного или иного рукотворного тотального разрушения биосферы.

Н. Руденко также указывает на эту угрозу, однако обоснованно отвергает утверждение о безальтернативности омницида при использовании идей физической экономики.

Он описывает возможность и необходимость выхода человечества из этой ловушки, чем удостоверяет уже не только собственный, а и общечеловеческий, цивилизационный оптимизм. Более того, мыслитель с убежденностью говорит о бессмертии человечества: «... нет опасности, что когда-то лопнет фотосинтез. Поэтому ничто не мешает утверждению нашего бессмертия, кроме нашего незнания» [8, 497]. В связи с этим попытки Н. Руденко «вписаться» в природу становятся определяющими в противовес технократизму, который угрожает человечеству омницидом. Поэтому весьма ценным с онтологических и прикладных соображений следствием исследований Н. Руденко является нахождение энергетического источника, который находится в основе фотосинтеза. Этим источником он считает Всемирную Монаду (Духоматерию). Н. Руденко объясняет прибавочную стоимость как ее проявление, разделяя на абсолютную (которая и является энергией прогресса) и относительную. Вывод о том, что источником абсолютной прибавочной стоимости является не Земля с ее недрами и даже не Солнце, а Мировая Монада как Творец Света, т.е. Первотворец, становится парадигмальным для построения новой общественно-экономической теории.

Опираясь на такие философские основы, Н. Д. Руденко выводит формулу энергии прогресса и ее основные закономерности, открытие которых позволяет получить принципиально новые ответы на вопросы о сущности капитала, человеческого прогресса и регресса в их глубинном понимании. В открытых им общественно-экономических парадигмах развития он излагает видение закономерностей индивидуально-коллективного и общественно-экономического развития. Руденко принципиально по-новому видит субъектов, которые определяют программу человеческой жизнедеятельности. Он открывает новейшую научную основу планирования и программирования, утверждая, что показывает большой потенциал физической экономики, которая исследует энергетические основы жизни народов, без которых невозможно не только развитие – невозможна сама жизнь на планете. Парадигмальным является и видение Руденком значимости экономической науки, от которой, по его убеждению, «зависит жизнь на земле».

Позиционирование в его концепции глобальной миссии Украины опирается на органичный симбиоз экономического и космического мышления, которое ученый строго соблюдает. Так, различая современный фотосинтез и фотосинтез прошлых эпох, он указывает, что Украина обделена Природой в смысле запасов нефти или газа. Однако фотосинтез прошлых эпох абсолютной прибавочной стоимости не порождает, к тому же подземные источники законсервированной солнечной энергии (нефть, уголь, природный газ и т.д.) активно исчерпываются.

Экономическое завещание Николая Руденко содержит призыв «мыслить космически» и соответствующую этому мышлению практику хозяйствования, а именно: как можно больше финансов пропускать через земледелие, ибо наше обогащение происходит только здесь. Ведь известно, что засеянная нива при нормальных условиях удваивает вложенные в земледелие средства, причем нигде больше не получают стопроцентного дохода. Украинский интеллектуал отмечает, что мы имеем дело с богатством абсолютным, а не относительным, т.е. с наращиванием новой материи, следовательно, и новейшей энергией, что является прибылью прежде космической, а не только бухгалтерской. Полученная именно здесь абсолютная прибавочная стоимость затем через труд вливается в общество, производя промышленные товары. Если мыслить глубинно, то под этим законом физической экономии находится закон сохранения и превращения энергии. С целью выхода на новый посткризисный уровень, нужен шаг, который заключается в неотложной гармонизации промышленно-государственных и сельскохозяйственных отношений. Изложенные аргументы становятся основой двух следующих фундаментальных выводов. Первый, о котором уже говорилось: физическая экономия – это та наука, от которой зависит жизнь на земле. Второй: мировая экономическая наука до сих пор не имеет реального и эффективного эталона стоимости. Основываясь на этих выводах, экономист-новатор завещает краткое, но чрезвычайно глубокое новейшее видение смены парадигм эталона стоимости. Если в начале XX в. этим эталоном служила унция золота, то уже во второй его половине она была развенчана как эталон, а золото осталось просто драгоценным металлом. Украинский ученый разделяет мнение западных экономистов, озабоченных преобразованием американского доллара в своеобразный эталон стоимости. Он указывает на ошибочность решения этой проблемы путем ее политизации, поскольку деньги не могут быть эталоном стоимости, и делает приговор существующим намерениям договориться на основе политэкономии.

Универсальным показателем, воспроизводящим всеобъемлющий обобщенный аккумулярующий результат, достигнутый человечеством в процессе своего цивилизационного развития на пути преобразования и накопления энергии, его общим измерением может быть понятие экономической массы (ЭМ) – как энергетический эквивалент абсолютной совокупности всей материальной и умственной субстанции, накопленной в ходе взаимодействия человека и природы. Это накопленная в процессе человеческого развития совокупность всего того, чем оперирует общество в рамках экономических и общественных отношений фактического состояния его институционального развития, включая обнаруженные и привлеченные в экономический оборот природные ресурсы, навыки общественной жизни, политического устройства, уровень интеллектуальных знаний

и качество человеческого капитала, организацию экономики, хозяйственной и ментальную культуру.

Современная социальная физическая экономика разработала своеобразный эпистемологический подход, который можно назвать «социально-экономической философией прорыва». Сущность этого «прорыва» в том, что согласно данной научной школе, история человечества, как и истинное призвание человека состоит в том, что творческий ум, преодолевая сложившиеся представления о Вселенной, и в то же время опираясь на предыдущий опыт человечества, открывает новые физические принципы, прорывается в новые области знания, расширяя круг возможностей человечества, усиливая его качественное взаимодействие с природой и создавая условия для непрерывного прогресса человеческого рода. Это, в свою очередь, повышает «прорывные силы» коллективного человеческого разума, увеличивает число творческих единиц и умелых рабочих рук, которые готовят новые познавательные прорывы. В экономике размер реальной прибыли на уровне народного хозяйства в целом соответствует понятию «свободной энергии» системы. Кроме того, эта наука, по нашему мнению, помогает правильно разобраться и в других общественно-экономических теориях и концепциях, в частности, понять деструктивную идеологическую сущность широко рекламируемых в последние годы методов экономического неолиберализма.

Познания общественно-хозяйственной деятельности человека на основе положений теории физической социальной экономики создает дополнительные возможности для качественного и количественного измерения результатов человеческой деятельности как процесса преобразования и накопления энергии, выявления новых закономерностей и моделирования всего общественного процесса на пути устойчивого развития.

Сегодня источник принципиальной угрозы цивилизации исходит из той мировой финансовой олигархии, которая приспособила для своих целей политику фритредерской догмы как инструмент уничтожения суверенных наций-государств, сокращая уровень и продолжительность жизни большей части населения мира, и превращая выживших в сверхэксплуатируемую «глобальную рабочую силу». Победа над этой олигархией и над ее неоимпериалистическими стремлениями может быть единственной необходимой защитой мирных отношений между суверенными нациями-государствами [11, 40]. Это означает, что наше общественно-экономическое мышление должно исходить из физического производства, а не из подсчета номинальных финансовых активов, – из такого представления об экономике, которое выражает растущее могущество человека на Земле, во Вселенной и над Вселенной, его опасности и перспективы прогресса. Эта программа также должна выражать признание роли форм сотрудничества, основанных на культурных принципах познания, а не на извращенном понимании человека как гоббсовского

существа, деградировавшего до той степени, в которой руководствуется только рефлексом борьбы за существование и выживание.

Чтобы предотвратить дальнейшее углубление экономического кризиса, социального унижения и духовного распада глобального общества, следует отказаться от навязанного сомнительного курса экономического неолиберализма (со всеми его неокOLONIALISTскими для стран и аморальными для людей последствиями), открыто и решительно противопоставить другие, подлинно научные, гуманистические и высоконравственные принципы и концепции экономической и социальной жизни общества, выработанные человечеством.

Построение здоровой эффективной формы современной экономики требует от государства создания регулируемых условий среды и базовой экономической инфраструктуры, в которых действие суверенных познавательных сил индивида служит «ледоколом» все более капиталоемких, высокотехнологичных форм экономического прогресса в целом. Из формы абстрактного объединения по «внешним признакам» многополярного мира это трансформируется в призыв к наукотворческой гармонии человечества, национальных экономик, государств в осуществлении социальной и экономической стабильности в каждой отдельной стране и в мире в целом. И тут во всей своей совершенства видится ноосферное величие жизни единого человеческого сообщества.

Литература

1. Зінченко В.В. Фізична економіка як модель управління конкурентним плануванням максимальної ефективності // Актуальні проблеми економіки. Науковий економічний журнал. ВНЗ «Національна академія управління». 2012. № 8(134). 568 с. С.10-18.

2. Кенэ, Ф. Избранные экономические произведения [Текст] / Ф. Кенэ. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 340 с.

3. Ларуш Л.Х. Принцип разума // Фізична економія: методологія дослідження та глобальна місія України: зб. матер. Міжнар. наук. конф. 8-10 квітня 2009 р., м. Київ. - К.: КНЕУ, 2009. 531 с. С. 36-68.

4. Ларуш, Л.Х. Физическая экономика как платоновская эпистемологическая основа всех отраслей человеческого знания / Л.Х. Ларуш. – М.: Научная книга, 1997. – 210 с.

5. Маркс К. Капитал [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – Т. 4. – С. 429.

6. Подолинський С.А. Вибрані твори. К.: КНЕУ, ТОВ Міжнародний інст-т бізнес-освіти, 2000. 328 с.

7. Подолинский, С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии [Текст] / С.А. Подолинский. – М.: Ноосфера, 1991. – 161 с.

8. Руденко М.Д. Гносис і сучасність: (архітектура Всесвіту). Тернопіль: Джура, 2001. 547 с.

9. Руденко М.Д. Енергія прогресу. (Нариси з фізичної економії). Тернопіль: Джура, 2004р. 248 с.
10. Хёфле Дж. Интер-Альфа Групп Разрушение государств во имя имперского геноцида (2010). – http://www.larouchepub.com/russian/novosti/2010/b0495_sept_2010_inter_alpha.html
11. Engdahl W. A century of war. Anglo-American oil politics and the New World Order. Wiesbaden: Dinges & Frick, 2011. 356 p.
12. Engdahl W. Oil collapse signals next phase of global depression // Executive Intelligence Review. Jan.1. 2009. Vol. 26. № 1. P. 4-5.
13. Evans-Pritchard Ambrose. Shut Down the Fed (Part II). Daily Telegraph, Sept. 27th. 2010. - <Http://blogs.telegraph.co.uk/finance/ambroseevans-pritchard/100007777/shut-down-the-fed-part-ii/>
14. Freeman R. Boeing layoffs usher in a new phase of production collapse // Executive Intelligence Review. Dec.18. 2008. Vol. 25. № 50. P. 4-7.
15. Heinrich M. Wie das Marxsche Kapital lesen? Hinweise zur Lektüre und Kommentar zum Anfang von «Das Kapital». Stuttgart: Schmetterling Verlag, 2009. 288 s.
16. Hamerman N. From the Editor 28.04.94. // Executive Intelligence Review. June 10. 1994. Vol. 21. № 24.
17. Hoeffle J. 1998 was the year that globalization finally died // Executive Intelligence Review. Jan. 1. 2009. № 1. P. 22-33.
18. Komp L. Deutsche Banken in der Derivatfalle // Neue Solidaritet. Dec. 10. 2010. № 50.
19. La Rouche in dialogue with Russian science// Executive Intelligence Review. June 10. 1994. Vol. 21. № 24. P. 30-43.
20. LaRouche Lyndon H. Now, Are You Ready To Learn Economics? EIR News Service, 2000. 254 p.
21. LaRouche Lyndon H. The Economic Past Is Now Behind Us! Money or Credit?. - EIR, Sept. 10. 2010. http://www.larouchepub.com/lar/2010/3735money_or_credit.html
22. LaRouche Lyndon H. The Principle of Mind. (April 3, 2009 issue). - http://www.larouchepub.com/lar/2009/3613principle_mind.html
23. Silverberg G., Verspagen B. Evolution und Selbstorganisation in der Ökonomie (Selbstorganisation. Jahrbuch für Komplexität in den Natur-Sozial- und Geisteswissenschaften, Bd. 9, Hrsg. F Schweitzer, G Silverberg). Berlin: Duncker & Humbolt, 2010. 239 s.
24. Tennenbaum J. Chronology of the long-term build-up of the financial crisis // Executive Intelligence Review. 2008. Vol. 25. № 22.
25. Tennenbaum J. Financial crisis: the end-phase of a 30-year disease // Executive Intelligence Review. 2008. Vol. 25. № 21.

3. ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЦЕССОВ ЛИЧНОСТНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ

Детерминация общественного развития личности и современный образовательный процесс

Исходя из практических данных, с точки зрения интеграции потребностей как социального, так и индивидуального развития, необходимо рассматривать общественное воспитание как целенаправленный, сознательный процесс развития личности путем управления обстоятельствами, в которых она действует. Этот процесс является неотъемлемой стороной естественноисторического процесса, ибо последний включает не только производство и воспроизводство материальных условий жизни людей, но и «воспроизводство индивидов: как порознь, так и в их общественных расчленениях и связях, воспроизводство их в качестве живых носителей этих условий».

Содержание, методы и формы воспитания зависят, прежде всего, от конкретных социальных условий, в которых оно осуществляется, включая все стороны общественно-исторической практики: социальную и нормативную структуру общества, его ценностные ориентации, в том числе ценностные установки личности, способ ее мышления, образование и культуру и т.д. Эти условия определяют способ развития личности, цель ее деятельности, потребности, особый тип связи с другими людьми, с обществом – словом, всю ее деятельность, все ее функции, которые представляют собой не что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека. Иными словами, человек формируется теми связями и отношениями, в которые он включен, – теми, которые были до него, и теми, которые он создает и совершенствует в процессе своей деятельности, своего общения с другими людьми. Таким образом, подчеркивается социальная природа человека – сущность «особой личности» составляет не ее абстрактная физическая природа, а ее социальное качество.

Формирующая человека социальная среда, в конечном счете, определяется характером способа общественной деятельности, а он, в свою очередь, экономико-политическими отношениями, включая механизм их действия (организационный аспект, принцип стимулирования труда, система правил и требований к человеку, выражающих характер взаимоотношений людей в определенном коллективе, отношение человека к обществу, степень реализации принципа социальной справедливости и др.). Иначе говоря, исследуя поведение людей, необходимо принимать во внимание все факторы, из которых складывается образ жизни индивидов, социальных групп данного общества. Какова общественная жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами.

Но сущность человека не совпадает с условиями его существования. Сводить ее к условиям существования равноценно признанию удовлетворенности человека своим положением в рамках этих условий, а значит, и отсутствием необходимости их постоянного преобразования и совершенствования. В реальной жизни дело обстоит иначе. Социальная среда одновременно выступает и условием деятельности человека, и ее результатом. Ибо человек – не пассивный продукт обстоятельств, а субъект своих действий, своего изменения, саморазвития. Поэтому сущность человека, отражая его преобразовательную деятельность, направленную на изменение общественных отношений, не есть нечто застывшее. Ее было бы неправомерно представлять как «вечную» природу человека, заключающую в себе определенные черты его поведения, и выводить отсюда неизменные моральные требования. Из всех живых существ только человек отличается активностью, которая имеет социальную направленность. Она обусловлена сознательностью, наличием у него своего стиля мышления, способности к оценке и самооценке, воли, стремления к разностороннему развитию и изменению мира соответственно своей сущности. Но активность человека нужно воспитывать, направлять, развивать. И перспектива наиболее полного ее развития, как и целостного развития самого человека, всех его способностей и дарований связана с утверждением подлинно человеческих общественных отношений.

Итак, социальные условия выступают важнейшим фактором, детерминирующим поведение личности, условием его социализации. В марксистском понимании социализация (ее нравственный аспект) – это не адаптация к существующему строю, неизбежным следствием которой является деперсонализация личности, а процесс формирования ее нравственных ценностей, линии ее поведения и соответствующих моральных качеств, превращение человека в сознательного и активного члена общества.

Но социальная среда формирует человека, его поведение не непосредственно, а через обусловленную способом производства общественную потребность в личности определенного типа. Кроме того, влияние социальных обстоятельств на человека – это только одна сторона его взаимодействия со средой. Поведение человека как активного, деятельного существа зависит и от уровня его сознания, от того, какие общественные идеалы и потребности были им восприняты и в какой мере, следуя, им, он выступает творцом общественных отношений. Если из факторов, определяющих поведение человека, исключить его активность, то принцип детерминизма принимает фаталистический характер. В рамках определенных условий личность играет важную роль в выборе ценностей, цели и смысла своей жизни. А само общество является следствием сложившихся форм общения между людьми, сформировавшихся конкретных личностей. И чем более развита личность, тем адекватнее она оценивает условия своего развития и видит их перспективу. Иначе говоря, поведение лич-

ности является следствием не только определенных общественных отношений, но и меры ее участия в творческом преобразовании этих отношений. В свою очередь, понимание личностью поставленных обществом целей и задач во многом зависит от отношения к ней общества, его заботы о наиболее полном обеспечении развития ее способностей, интересов и т.п. Таково конкретное содержание социального детерминизма как исходного принципа для анализа поведения человека.

Но, подчеркивая общественную, социальную природу человека, современная социальная философия воспитания и образования отнюдь не отвергает его естественную, биологическую природу, которая включает генетические свойства личности, а также естественные свойства, существующие в виде влечений, задатков, способностей, в том числе психических (характер, темперамент, воля). К числу естественных особенностей личности относятся также те, которые связаны с возрастом, полом, с состоянием здоровья. Поэтому понимание соотношения биологических и социальных факторов в поведении личности очень важно для правильной организации процесса воспитания.

Одной из базовых идей Болонской реформы является постепенный переход от строительства образования вокруг проблем и потребностей преподавания (teaching) к ориентации образования на потребности обучения (learning). В этой модели все более важную роль приобретает студент; но одновременно постепенно уходит в прошлое принцип полной автономии преподавателя, на которой строились значительные достижения европейского научного и гуманитарного образования.

До недавнего времени в континентальной Европе – по крайней мере в Германии и Франции – можно было говорить о доминировании так называемой Гумбольдтовской модели университета это модель, восходящая к Берлинскому университету, который основал в 1809 г. знаменитый немецкий филолог, историк и философ Вильгельм фон Гумбольдт, строилась на принципе двух свобод: *Lehrfreiheit* (свободы преподавания) и *Lernfreiheit* (свободы обучения) [4, 47].

Со стороны преподавателя это прежде означало возможность автономно определять то, что, на которой методологической базе, в каком направлении и на каком уровне он будет преподавать.

Со стороны студента эта модель предполагала прежде свободу выбора дисциплин, семинаров и способность студента автономно формировать свой учебный план. Согласно гумбольдтовской модели, студент мог выбирать семинары, которые он хотел посещать и даже до поры до времени сочетать в своем учебном плане совершенно разные дисциплины: право и философию, биологию и литературу.

Фактически, Гумбольдтовская модель означала отказ от идеи «предметного» обучения, при которой студент имел жесткий учебный план и изучал «предметы» или «дисциплины». Это был переход от старой

системы обучения, центрированной на предмете (что изучается) к образованию, центрированного на личности (обучающего и обучаемого). И в такой системе традиционные «предметы» превращались очень часто в семинары профессоров – которые студенты, а также и люди извне университетов, могли свободно посещать. И, несмотря на то, что она родилась в Германии, в конце XIX в. она начала проникать во Францию и другие страны Западной Европы. Во Франции проникновение Гумбольдтовской системы началось по крайней мере с начала 1870-х гг. Отсчет этого проникновения можно начинать от знаменитого текста выдающегося французского историка Эрнеста Ренана «Интеллектуальная и моральная реформа» (1871 г.). В нем, в частности, звучал тезис о том, что поражение Франции во франко-прусской войне 1870-1871 гг. объясняется отставанием французского образования от прусской системы обучения.

Если первое, утверждал Ренан, строится вокруг старой модели передачи готовых знаний и воспитания, прежде всего, добросовестного гражданина, то вторая – на модели создания новых знаний в самом образовательном процессе – и, как следствие, воспитания не только добросовестного гражданина, но и амбициозного исследователя.

Уже тогда, начиная с середины XIX в. гуманитарное образование во многих немецких университетах строилось вокруг профессорских семинаров. Их задача состояла не в том, чтобы передать готовые знания, созданные прошлыми поколениями, а в том, чтобы дать возможность профессору презентовать и обсудить конкретные результаты своих исследований. Такие семинары являются, собственно, презентацией и обсуждением результатов самого исследовательского процесса, который осуществляет профессор – один или вместе со своей исследовательской группой. Они могут длиться годами – и при этом никогда новый год не повторяет предыдущий.

Этой автономии не знала ни традиционная догумбольдтовская (средневековая и раннеמודерная) система образования, ни советская система – в рамках которой студент, поступая в университет, получал четкий список обязательных дисциплин.

В контексте принципов свободы обучения и современной Болонской реформы параллелью к этой *Lehrfreiheit* (свободой преподавания) в гумбольдтовской системе образования является *Lernfreiheit* – свобода обучения, т.е. собственно свобода студенческого выбора. В современных европейских университетах студент, как правило, не имеет четкого плана предметов. Он может выбирать те семинары, в которых он заинтересован; причем семинары могут посещаться одним-двумя студентами или целой сотней. Корни акцента на свободе обучения (*learning freedom*), который ставит Болонский процесс, можно искать в гумбольдтовской модели университета. Однако, что отличает Болонскую реформу от гумбольдтовской – это определенное ослабление *Lehrfreiheit* (свободы преподавателя) и еще большее усиление *Lernfreiheit* – свободы студента [5, 280]. Действи-

тельно, в рамках Болонской системы серьезно повышается автономия студента – в частности географическая автономия. До Болонской реформы студент мог формировать свой учебный план между несколькими университетами; эта практика была особенно распространена в Германии с ее разнообразием университетских городков. Сейчас же эта свобода формирования своего плана преодолевает пределы отдельной страны и распространяется на всю Европу. Благодаря гармонизации образовательных уровней и системы взаимозачета кредитов студент сможет формировать свое образование между несколькими университетами.

Однако, повышая эту автономию студента, Болонская реформа рискует уменьшать автономию преподавателя. Она создает зависимость содержания преподавания от спроса на образовательном рынке, – а значит, делает значительно колеблющимися позиции гумбольдтовской фигуры «автономного профессора», чей исследовательский уровень позволяет ему самому определять содержание преподавания.

Наконец, этот процесс имеет позитивы и негативы. Позитив – в том, что студент, выбирая дисциплины, несет большую ответственность и больший интерес к предмету своего выбора. Негатив – в том, что массовизация образования, зависимость содержания преподавания от массового спроса непременно уменьшит глубину и качество образования в менее популярных направлениях – в частности в фундаментальных науках и гуманитарных дисциплинах.

Современная социальная философия воспитания и образования исходит из того, что биологические свойства личности представляют собой лишь предпосылку существования человека – предпосылку, которая создана им самим. Ведь человек рождается без единого условного рефлекса, а запас его безусловных рефлексов значительно беднее, чем запас у любого животного, и поэтому недостаточен для поддержания его существования, тем более для саморазвития и управления своим поведением. Так, например, в генотипе человека заложена способность к речи, а также к нравственному поведению. Но сама речь и нравственное поведение формируются социальной средой, включающей все богатство, накопленное человеческим опытом, передаваемое от поколения к поколению. Однако из этого не следует, что в процессе развития человека социальное вытесняет в нем биологическое. Создавая в процессе труда «вторую природу», человек не отменяет свои естественные черты, в том числе и бессознательные формы отношения к социальному опыту. Но именно в процессе труда биологическое, из которого выросло социальное, преобразуется последним, не противоречит ему, а находится с ним в диалектическом единстве.

Но и в преобразованном виде биологические качества личности (как генетические, так и благоприобретенные естественные качества) оказывают влияние на поведение личности, оставляют отпечаток на всем его обли-

ке, определяют ее индивидуальную реакцию на воздействие социальной среды. От этих индивидуальных особенностей во многом также зависит и способ приобщения личности к общественной морали, характер общения с другими, выбор содержания и формы своей деятельности. В самом деле, становление личности не происходит вне развития мотивов, целей, свойств характера, т.е. в отрыве от внутреннего мира человека, его стиля мышления. Развитие личности зиждется на автономии человеческого духа.

Роль внутреннего Я особенно ощутима в качестве детерминанта нравственного поведения. Уровень развития морального сознания личности, понимание ею, что следует делать и от чего надо отказаться, является важнейшим фактором ее активности, выражением способности не идти на компромисс со своей совестью, не подчиняться требованиям извне, в правильности которых он сомневается. Поэтому одна лишь внешняя детерминация не раскрывает моральный аспект поведения человека, более того, обедняет и даже искажает характер его морального выбора

Внешняя детерминация, не связанная с внутренним миром человека влечет за собой внутреннюю пустоту, отсутствие сопротивляемости, избирательности по отношению к внешним воздействиям или простое приспособление к ним. Но психическое, играя реальную, действительную роль в детерминации поведения людей, тем не менее, не является фактором, действующим обособленно от бытия. Наоборот, только единство внешней и внутренней детерминации дает ключ к пониманию поведения личности [1, 54]. Для нравственного поведения очень важно сознательное, активное усвоение человеком внешних факторов, их перевод «вовнутрь».

Итак, естественные способности, задатки и другие индивидуальные особенности личности, влияющие на ее поведение, в процессе социального развития приобретают особые черты, поднимаются на новую ступень. Лишь элементарные предпосылки психических качеств записаны в генах; такие важные для нравственного поведения психические качества, как характер, воля, складываются в процессе онтогенеза, который протекает у человека в рамках социального развития, формируются всем образом его жизни, отношением к нему общества, коллектива, близких ему людей. Сама структура психических качеств претерпевает изменения под воздействием социальных факторов.

Что же касается нравственности, то ее появление связано с определенным уровнем развития социальной среды. В рамках первобытной коллективности действуют различного рода табу, правила, регулирующие поведение людей. Но личность подчиняется им главным образом из страха наказания. Собственно, здесь нет еще возможности выбора линии своего поведения и нет оценки действующих форм регуляции. Когда же у человека открывается способность оценки, критики действующих норм и правил, а следовательно, появляется понятие не только о сущем, но и должном, тогда уже можно говорить о нравственном поведении в собственном смысле этого

слова, о способности человека управлять своим поведением и нести ответственность за него. Как психологические, так и нравственные качества личности зависят и от ее социально-классового статуса.

Иначе говоря, тип поведения личности, определяемый в конечном итоге социальными условиями, в зависимости от ее индивидуальных черт выступает в бесконечно разнообразных проявлениях. Но чтобы выявить, какие особенности, какие черты поведения личности детерминируются социальной средой и на каком этапе развития социальной среды они возникают, а какие из них вытекают из биологической природы и в каком возрасте появляются те или иные черты индивидуального поведения, нужны серьезные исследования сущности человека, его развития и деятельности в рамках различных наук (генетики, антропологии, психологии, социологии, этики). В этом отношении большую роль могли бы, на наш взгляд, сыграть исследования педагогической генетики, в задачу которой входит выявление заложенных задатков, способностей, талантов детей, установление возраста их максимального проявления. Такие исследования оказали бы существенную помощь в поиске наиболее эффективных путей формирования гармонично развитой личности. Они позволили бы также выявить, какие способности, задатки могут стать основой положительных или отрицательных в моральном отношении качеств, а также в какой мере это зависит от социальных условий, а в какой – от воспитания.

Процесс социализации, таким образом, способствует не только формированию человека как общественного существа, но и развитию индивидуальной формы присвоения общественных отношений. Способ существования индивидуальной жизни бывает либо более особенным, либо более всеобщим проявлением родовой жизни. Взаимодействие этих двух способов жизнедеятельности человека дает ключ к нахождению правильных подходов к воспитанию личности, учитывающих ее индивидуальные особенности, к сохранению в процессе воспитания неповторимости внутреннего мира личности. Как нельзя изучать природу в отрыве от общества, так нельзя изолировать общество от природы, поскольку в этом случае общество не будет знать своих возможностей. Но как ни велика роль естественных факторов, ведущую роль в формировании личности, повторим это еще раз, играет все-таки социальная среда. Именно она дает возможность понять, что же такое человек.

Как социальная, так и биологическая программы жизнедеятельности человека наследуются в процессе его развития. От рождения человек лишен какой-либо поведенческой программы. Поэтому социальная программа наследуется через воспитание. Речь идет о передаче культурных и нравственных традиций, ценностей, положительного опыта, накопленного человечеством. История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капита-

лы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности. Что же касается биологической программы, то она передается по наследству путем записанной в генах информации. Наличие социальной преемственности не освобождает нас от необходимости заботиться и о биологической основе богатства человеческой личности.

Принцип социального детерминизма в применении к морали означает также, что мораль обусловлена общими или специфическими законами истории. Этот принцип указывает на существование закономерности, повторяемости явлений, на тот факт, что одна система общественных отношений подготавливает материальные предпосылки для другой. Речь идет о том, что нормы морали, ее принципы, оценки и пр. в конечном счете, отражают характер общественных отношений. Однако взятое лишь в общей форме, это положение не позволяет раскрыть всей сложности взаимодействия факторов, влияющих на общественную и индивидуальную мораль. Недостаточно установить обусловленность моральных явлений общими законами истории и особыми законами той или иной общественно-экономической формации, нужно еще выявить взаимодействие морали с политикой, правом, философией, религией, с другими элементами духовной культуры, определить ее место в развитии культуры, выяснить относительную самостоятельность ее развития.

Далее, устанавливая зависимость состояния нравственности, а также моральных доктрин от экономических основ общества, необходимо обратить внимание на разнообразные, часто противоречивые факты, характеризующие состояние нравственности, на особенности моральных предписаний, доктрин и теорий в том или ином обществе и на их интерпретацию. Эти особенности отражают не только необходимые черты данного общества, но и ряд случайных обстоятельств, через которые обнаруживает себя закономерность в развитии морали. Так, на моральных доктринах и теориях часто можно обнаружить и отпечаток личности их творца, т.е. элемент, совершенно случайный по отношению к закономерному ходу развития общества и общественной мысли. Даже в тех философско-этических системах, которые можно рассматривать как узловые пункты закономерного развития этической мысли, можно найти немало случайного, связанного исключительно с индивидуальностью их авторов. К числу случайных элементов следует также отнести индивидуальные особенности восприятия людьми моральных требований общества (класса), различные оценки человеком своих поступков. Все эти моменты накладывают отпечаток на характер действующей в данном обществе морали [2, 213].

Специфика украинского контекста состоит в том, что страна еще не прошла очень важного этапа развития европейского образования – а именно этапа гумбольдтовского университета. В Украине сейчас почти неизвестна модель двойной свободы, согласно которой образовательный процесс строится через сочетание свободы преподавания и свободы обучения. В современной Украине гумбольдтовская идея свободы обучения и преподавания только начинает реализовываться в некоторых университетах (в частности, в Киево-Могилянской академии); целом система образования продолжает копировать советскую модель – а, значит, отстает от европейской минимум на полтора века.

Вместе с тем следует понимать, что призывы вернуться к принципам гумбольдтовского образования и строить новый университет, который бы наконец опирался на эти два принципа, является несколько запоздалыми. Следует учитывать, что в современной Европе гумбольдтовская модель является хотя и чрезвычайно ценным достоянием – но явлением, постепенно уходящим в прошлое. Она уступает место университету, где знания приобретают инструментальный характер, а образование, перестав быть элитарным явлением, все больше ориентируется на потребности рынка труда и технологического развития. Вместе с тем, гумбольдтовская модель привила очень важный элемент европейскому образованию – а именно, автономизацию и преподавателя, и студента.

В Украине, где система образования до сих пор зависит от планов, которые определяются «наверху» – в правительстве, министерстве, руководстве университета, деканате – в зависимости от уровня решения - переход к Болонской системе может привести к болезненным последствиям – и именно к тому, что, несмотря на многочисленные декларации, настоящая свобода преподавания и обучения так и останется пока еще призраком и надеждой [4, 618].

Литература

1. Балабанова Н. Суспільство знань та інновацій: шлях до майбутнього України. К.: Арістей, 2005. 104 с.
2. Бжезинский, З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство [Текст] / З. Бжезинский; пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2004. – 288 с.
3. Деланти Д. Новые модели университетов // <http://socio.tamp.ru/1.htm>
4. Зінченко В.В. Соціальна філософія менеджменту і освіти в інституційному вимірі глобального розвитку (інтегративна концептологія). К.: Люксар, 2011. 664 с.
5. Квик М. Національна держава, глобалізація та університет як модерний заклад // Ідея Університету: Антологія / Упоряд. М. Зубрицька, Н. Бабалик. Львів: Літопис, 2008. С. 267-291.

Аксиологические основы философских принципов гуманизации образования и антикризисного менеджмента деструкции современной педагогики

Лишь достаточно высокий уровень развития педагогики и связанных с нею наук позволяет строить прогнозы развития и модели желаемого состояния образования, осуществлять планомерное управление им. Сегодняшнее состояние теории и практики образования не в полной мере отвечает объективным требованиям социального прогресса, гуманизации постсоветского образования. Это связано с тем, что педагогика, как и другие науки, входящие в область гуманитарного знания, испытала на себе негативное влияние командно-административной системы, за тормозившее ее развитие [4].

Педагогика остановилась в своем развитии, обкатанные формулировки и различного типа декларации стали выдаваться за научные открытия. Сложился социально приемлемый штамп педагогического оптимизма, далекий от социально-педагогических реалий. Внутреннее неблагополучие педагогической науки и ее кризис осознавались учеными и практиками давно. Суть этого кризиса – неспособность педагогики осуществлять опережающую, прогностическую функцию и показывать практике пути решения назревших в образовании проблем [14, 19]. Возникло явное противоречие между возросшей потребностью общества в творческой самодетельной личности и образовательной практикой, не способной удовлетворить эту потребность. Стало трудно поддерживать и развивать интерес человека к самообразованию и саморазвитию, остановить нарастающую тенденцию ухода молодежи от повседневных задач и проблем в иллюзорный мир, создаваемый алкоголем, наркотиками.

Потребовалось понять, чего недостает педагогической науке, чтобы сделать образование средством развития культурно-нравственного и интеллектуального потенциала нации, какие изменения следует произвести, чтобы создать условия для самоопределения человека в системе социальных и профессиональных ценностей [2]. Не останавливаясь на внешних причинах кризисного положения, общих для всех гуманитарных наук, выделим те, которые относятся к компетенции педагогики и обусловлены спецификой ее предмета.

1. Прежде всего, следует подчеркнуть то обстоятельство, что наука не может обойтись без логически доказанных и экспериментально проверенных системных знаний об объективных закономерностях, изучаемых ею явлений. Отсутствие таких знаний не позволяет дать научное объяснение явлений, процессов, предвидеть и преобразовывать их. Педагогика, как это ни парадоксально, длительное время обходилась без главного – теоретически выверенных и обоснованных педагогических закономерностей. Проблема законов и закономерностей в педагогике и сегодня разработана весьма слабо и находится на стадии общих дискуссий и пожеланий.

Поэтому закономерности образования сплошь и рядом заменяются либо очень общими положениями, практическое использование которых чрезвычайно затруднено) либо частными суждениями, которые имеют узкое значение и не могут быть перенесены в новые педагогические ситуации, либо откровенными трюизмами (общеизвестными истинами). Отсутствие знаний об устойчивых связях между целями, содержанием, условиями и результатами педагогических действий приводит к тому) что не только учебники и учебные пособия, но и научные труды по педагогике переполнены информацией о том, что надо делать, вместо того чтобы ответить на вопрос: как это делать? Педагогика превратилась в «науку долженствования».

2. Для педагогики советского периода была характерна идеологизация ее методологических оснований. Теоретические доказательства, проверка гипотетических положений выступали как следствие идеологических установок псевдомарксистской теории (точнее, определенных идеологических догм системы власти), а не как результат действия выверенных социально-педагогических и собственно педагогических закономерностей. Основным идеологическим принципом в педагогике являлся т.н. «классовый подход» к воспитанию, целью которого было формирование «советского человека». Содержание образования в этой связи стали определять такие идеологические стереотипы, как воинствующий вульгаризированный атеизм, безусловный примат коллективистского и прежде всего государственного над индивидуальным, подмена права моралью и др.

3. Идеологизация обусловила изоляцию отечественной школы и педагогики от развития мирового педагогического опыта и общечеловеческой гуманитарной культуры. Взаимоотношения с педагогикой развитых стран носили характер идеологической борьбы. В расхожих штампах, которыми изобиловали труды по педагогике, как правило, отсутствовали позитивный анализ западных достижений в сфере образования, попытка осмыслить и сопоставить педагогические концепции и опыт. Это привело к самоизоляции советской педагогики и декларированию своих приоритетов в мировой педагогике. Между тем зарубежная педагогика, напротив, импортировала многие педагогические идеи советских исследователей и опыт организации образования, корректировала образовательную политику с учетом наших достижений. Так, в Западной Германии был создан целый научный институт) изучающий педагогическое наследие А.С. Макаренко [16, 8]. В нем собраны все известные материалы, статьи, письма великого педагога и выпущено полное собрание его сочинений, где опубликованы также и материалы, не известные отечественной педагогике.

4. Идеологизация оснований педагогики привела к девальвации понятий в педагогическом мышлении, в результате чего все шире стали использовать идеологические, искажающие суть педагогических явлений парадигмы. Они тормозили развитие образования. Педагогическая парадигма –

это устоявшаяся точка зрения, определенный стандарт в решении однотипных образовательных задач [9, 12].

В качестве парадигм традиционной педагогики выступают: ученик (и вообще обучающийся) – это объект педагогических воздействий, а учитель (обучающий) – исполнитель директивных указаний управленческих органов; ролевое взаимодействие в педагогическом процессе осуществляется на основе предписываемых определенных функциональных обязанностей, отход от которых рассматривается как нарушение нормативных основ поведения и деятельности; только внешняя обусловленность поведения и деятельности воспитанника становится основным показателем его дисциплинированности, исполнительности; внутренний мир личности при осуществлении педагогического воздействия игнорируется; преобладает прямой (императивный) и оперативный стиль управления деятельностью учащихся, для которого характерны монологизированное воздействие, пресечение инициативы и творчества воспитанников; главный ориентир – возможности среднего ученика, отбрасывание одаренных и трудноуспевающих. Названные парадигмы наглядно демонстрируют деформацию смыслов и целей педагогической деятельности.

5. Уничтожение или замалчивание отечественных достижений. На многие годы из научных фондов были выведены труды известных отечественных ученых – П.П. Блонского, Л.С. Выготского, М.Я. Басова, С.Т. Шацкого, М.М. Рубинштейна, идеи которых стали адекватно трактоваться только в последнее время. Закрывание педологических лабораторий, в свою очередь, привело к отказу от диагностики и коррекции личностного развития, а в педагогике утвердились традиции авторитарной педагогики.

6. Пренебрежительное отношение к передовому педагогическому опыту. Кризисные явления в педагогике связаны не только с замалчиванием или фальсификацией событий прошлого, но и с неправильной интерпретацией современных педагогических концепций [6, 102].

Осмысление кризисных явлений в педагогике позволяет увидеть причины, тормозящие ее развитие. Однако поиск путей выхода педагогики из кризиса предполагает также выявление основных противоречий, характерных для традиционного образовательного процесса.

Человек постоянно находится в ситуации мировоззренческой (политической, нравственной, эстетической и др.) оценки происходящих событий, постановки задач, поиска и принятия решений и их реализации. При этом его отношение к окружающему миру (обществу, природе, самому себе) связано с двумя различными, хотя и взаимообусловленными, подходами: практическим и абстрактно-теоретическим (познавательным). Первый вызван приспособлением человека к быстро изменяющимся во времени и пространстве явлениям, а второй преследует цель познания закономерностей действительности. Однако научное познание, в том числе и педагогическое, осуществляется не только из-за любви к истине, но и с целью

полного Удовлетворения социальных потребностей. Роль механизма связи между практическим и познавательным подходами выполняет аксиологический (или ценностный) подход, выступающий своеобразным «мостом» между теорией и практикой. Он позволяет, с одной стороны, изучать явления с точки зрения заложенных в них возможностей удовлетворения потребностей людей, а с другой – решать задачи гуманизации общества [10, 51]. Аксиологический подход органически присущ гуманистической педагогике, поскольку человек рассматривается в ней как высшая ценность общества и самоцель общественного развития [5, 24].

В этой связи аксиология, являющаяся более общей по отношению к гуманистической проблематике, может рассматриваться как основа новой философии образования и соответственно методологии современной педагогики.

Категория ценности применима к миру человека и обществу. Вне человека и без человека понятие ценности существовать не может, так как оно представляет собой особый человеческий тип значимости предметов и явлений. Ценности не первичны, они производны от соотношения мира и человека, подтверждая значимость того, что создал человек в процессе истории. В обществе любые события так или иначе значимы, любое явление выполняет ту или иную роль. Однако к ценностям относятся только положительно значимые события и явления, связанные с социальным прогрессом. Ценность – это не только предметы, явления и их свойства, которые нужны людям определенного общества и от дельной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей, но также идеи и побуждения в качестве нормы и идеала [15, 40].

Ценности сами по себе, по крайней мере, основные из них, остаются постоянными на различных этапах развития человеческого общества. Такие ценности, как жизнь, здоровье, любовь, образование, труд, мир, красота, творчество и т.п., привлекали людей во все времена. Эти ценности, несущие в себе гуманистическое начало, выдержали проверку в практике мировой истории. В условиях демократического преобразования российского общества речь поэтому должна идти не об изобретении каких-то новых ценностей, а прежде всего об их переосмыслении и переоценке.

В центре аксиологического мышления находится концепция взаимозависимого, взаимодействующего мира. Она утверждает, что наш мир – это мир целостного человека, поэтому важно научиться видеть то общее, что не только объединяет человечество, но и характеризует каждого отдельного человека. Рассматривать социальное развитие вне человека – значит отделить мышление от его гуманистического фундамента. Именно в контексте такого мышления гуманизация представляет глобальную тенденцию современного общественного развития, а утверждение общечеловеческих ценностей составляет его содержание.

Сложности современного периода развития общества не являются основанием переноса осуществления гуманистических идеалов «на потом», на отдаленную перспективу. Нет и не может быть такого уровня экономического развития, достижения которого сами по себе обеспечивали бы реализацию этих идеалов [3, 126]. Гуманистические начала, утверждение самоценности человеческой личности, уважение к ее правам, достоинству и свободе нельзя привнести в общественную жизнь извне. Процесс социального развития есть по сути своей процесс роста и вызревания этих начал в человеке. В противном случае не имеет смысла вести речь о прогрессе человечества.

Успехи в сфере образования в значительной мере обеспечиваются синтезом научных знаний в области человековедения. Мы уже говорили о том, что смежные с педагогикой науки, признавая необходимость расширения своих границ, стремятся составить диалог с педагогикой. Однако для того чтобы диалоговый режим, взаимодействия различных наук и подходов не остался декларацией, необходимо внедрение в практику аксиологических (ценностных) принципов.

К числу аксиологических принципов относятся:

- равноправие всех философских взглядов в рамках единой гуманистической системы ценностей (при сохранении разнообразия их культурных и этнических особенностей);
- равнозначность традиций и творчества, признание необходимости изучения и использования учений прошлого и возможности открытия в настоящем и будущем;
- равенство людей, прагматизм вместо споров об основаниях ценностей; диалог вместо безразличия или отрицания друг друга.

Эти принципы позволяют включиться в диалог и совместно работать различным наукам и течениям, искать оптимальные решения. Одной из первостепенных задач является объединение наук на гуманистической основе [6, 13]. Именно гуманистическая ориентация создает прочную основу будущего человечества. Образование как компонент культуры в этой связи приобретает особую значимость, так как является основным средством развития гуманистической сущности человека.

Понимание ценностных характеристик педагогических явлений (педагогическая аксиология), сложилось под влиянием общей аксиологии. В основе педагогической аксиологии лежат понимание и утверждение ценности человеческой жизни, воспитания и обучения, педагогической деятельности и образования в целом. Значимую ценность представляет собой и идея гармонично развитой личности, связанная с идеей справедливого общества, которое способно реально обеспечить каждому человеку условия для максимальной реализации заложенных в нем возможностей. Эта идея выступает основой ценностно-мировоззренческой системы гуманистического типа. Она определяет ценностные ориентации культуры

и ориентирует личность в истории, обществе, деятельности. К примеру, основой ориентации личности в обществе вы ступает комплекс социально-нравственных ценностей, который представляет гуманизм.

Аксиологические характеристики педагогической деятельности отражают ее гуманистический смысл [7]. В самом деле, педагогические ценности – это те ее особенности, которые позволяют не только удовлетворять потребности педагога, но и служить ориентирами его социальной и профессиональной активности, направленной на достижение гуманистических целей. Педагогические ценности, как и любые другие духовные ценности, утверждаются в жизни не спонтанно. Они зависят от социальных, политических, экономических отношений в обществе, которые во многом влияют на развитие педагогики и образовательной практики.

С изменением социальных условий жизни, развитием потребностей общества и личности трансформируются и педагогические ценности. Так, в истории педагогики прослеживаются изменения, связанные со сменой схоластических теорий обучения на объяснительно-иллюстративные и позже на проблемно-развивающие. Ценностные ориентации являются одной из главных, «глобальных» характеристик личности, а их развитие – основной задачей гуманистической педагогики и важнейшим путем развития общества.

Ключевое понятие гуманистической философии образования – «гуманизм». Попытка определить его смысл показывает, что у этого понятия существует несколько значений. Их изучение позволяет осознать различные аспекты данной проблемы, хотя и вызывает затруднения, связанные с определением конкретного содержания самого понятия «гуманизм». Так, понятие «гуманизм» употребляется, по крайней мере, в десяти смысловых значениях:

- название эпохи Возрождения и различных культурных движений, идейных течений, направлений общественной мысли;
- название области теоретического знания, которая отдает предпочтение гуманитарным наукам;
- характеристика марксистского мировоззрения, пролетарской идеологии, социалистического образа жизни;
- обозначение нравственных качеств личности- человечности, доброты, уважения;
- определение важнейшего фактора всестороннего развития личности;
- выражение особого отношения к человеку как высшей ценности жизни;
- название практической деятельности, направленной на достижение общечеловеческих идеалов, и др.

Аналогичное положение наблюдается и в отношении понятия «гуманность», которое часто отождествляется с понятием «гуманизм». Гуманизм чаще всего выступает как понятие философско-идеологическое,

как название философской системы, и поэтому его исследование предписывают компетенции философских наук. Гуманность же рассматривается чаще как психологическое понятие, в котором отражается одна из важнейших черт направленности личности. Сравнительный анализ семантического значения данных слов приводит к выводу, что оба они связаны с выражением взглядов, качеств, свойств, отношений духовного мира человека. Однако слово *humanitas* в большей степени отображает готовность помогать другим людям, оказывать уважение, проявлять заботу, соучастие, без которых невозможно существование человеческого рода. «Гуманность», по-видимому, является первичным понятием по отношению к «гуманизму», хотя последнее представляется гораздо шире первого.

Такое понимание гуманности согласуется с его обыденным толкованием в словаре и философским определением гуманизма. «Гуманный... – человеческий, человечный, людской; свойственный человеку, истинно просвещенному; человеколюбивый, милостивый, милосердный» [2]. «Гуманизм... – исторически сменяющаяся система воззрений, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей, считающая благо человека критерием оценки деятельности социальных институтов, а принцип равенства, справедливости, человечности желаемой нормой отношений между людьми» [11, 130].

Гуманизм как система философских взглядов, как направление общественной мысли оформился в эпоху Возрождения. Он был провозглашен в противовес феодально-церковной идеологии, которая утверждала мысль о ничтожности человеческой природы, а аскетизм и презрение к «бренным благам» и «плотским удовольствиям» объявляла в качестве высших добродетелей человека. Гуманистические идеи, связанные с пониманием человека как части природы и самоценности его личности, требованием полного удовлетворения его «земных» потребностей, в том числе и потребности в реализации присущих индивиду способностей и возможностей, составили основу ведущей мировоззренческой ориентации прогрессивных общественных движений. Гуманизм как идейно-ценностный комплекс стал включать в себя все высшие ценности, выработанные человечеством на долгом и противоречивом пути своего развития и получивших на звание общечеловеческих: человеколюбие, свобода и справедливость, достоинство человеческой личности, трудолюбие, равенство и братство, коллективизм и интернационализм и др.

Гуманизм – отдельная и глобальная философская система (самостоятельность гуманизма как философской системы). Его самостоятельность определяется такими признаками, как автономность, универсальность и фундаментальность гуманистических идей, единства целей и средств.

Автономность гуманизма объясняется тем, что его идеи не могут быть выделены из религиозных, исторических или идеологических посылок.

Уровень развития гуманистического мировоззрения всецело зависит от накопленного человеческого опыта по реализации транскультурных норм совместной жизни: сотрудничества, благожелательности, честности, лояльности и терпимости к другим, следования закону и др.

Универсальность гуманистических идей обусловлена их применимостью ко всем людям и любым социальным системам. В гуманистическом мировоззрении возможен выход за рамки культурной относительности, национальных, экономических, религиозных, расовых или идеологических различий. Это находит отражение в праве всех людей на жизнь, любовь, образование, нравственную и интеллектуальную свободу и др. При этом принципиально важным является не противопоставление универсальных ценностей гуманизма национальным, а взаимодействие с ними, которое предполагает переход ко множественности и многообразию (плюрализм) культурно-гуманистических позиций, сочетающих и дополняющих друг друга.

Фундаментальность гуманистических ценностей определяется тем, что они не могут рассматриваться как нечто вторичное, отражающее основные условия общественной жизни. Ценности гуманизма - не второстепенные элементы определенной надстройки, по своей значимости они соотносятся с наиболее фундаментальными явлениями социальной структуры.

Единство целей и средств в гуманистическом мировоззрении означает пресечение всяких попыток любыми средствами добиться своих целей. Нельзя поступаться гуманистическими принципами по соображениям стратегической необходимости. Так, насилие и террор не могут использоваться в качестве средств регулирования отношений между людьми или в качестве методов социальных преобразований, какими бы благородными целями это ни обосновывалось.

Гуманность как качество личности – гуманистическое мировоззрение как обобщенная система взглядов, убеждений, идеалов строится вокруг одного центра – человека. Если гуманизм – это основа системы определенных взглядов на мир, то именно человек оказывается системообразующим фактором, ядром гуманистического мировоззрения. При этом его отношение содержит не только оценку мира как объективной реальности, но и оценку своего места в окружающей действительности. Следовательно, в гуманистическом мировоззрении как раз и находят свое выражение многообразные отношения к человеку, к обществу, к духовным ценностям, к деятельности, т.е., по сути, ко всему миру в целом. Гуманность поэтому не может быть просто чертой личности. Черта – это всего лишь отдельное свойство или отличительная особенность. Представляется правомерным рассматривать гуманность как качество личности, поскольку качество - это «объективная и всеобщая характеристика объектов, обнаруживающаяся в совокупности их свойств» [14, 56]. В этой связи гуманность следует

понимать как сверххарактеристику личности, которая включает комплекс свойств личности, выражающих бережное отношение человека к человеку.

Эти свойства проявляются и формируются в сфере человеческих взаимоотношений, которые могут быть гуманными и негуманными. В гуманных отношениях находят отражение духовные потребности личности, стремление видеть в человеке друга, брата, жить для блага людей, быть удовлетворенным жизнью, счастливым. Если человеческие отношения носят негуманный характер, то формирование позитивных потребностей и свойств затруднено. К примеру, учителю в школе всегда приходится больше внимания уделять детям из сложных семей, где родители – алкоголики, наркоманы или судимые.

В психологической терминологии понятие «гуманность» определяется как обусловленная нравственными нормами и ценностями система установок личности на социальные объекты (человека, группу, живое существо), которая представлена в сознании переживаниями сострадания и сорадования... реализуется в общении и деятельности в аспектах содействия, соучастия, помощи» [12, 61]. Следовательно, гуманность – это качество личности, представляющее собой совокупность нравственно-психологических свойств личности, выражающих осознанное и сопереживаемое отношение к человеку как к высшей ценности.

Основной характеристикой гуманизма при всех его изменениях к историческом развитии была и остается человечность, и при этом центральным моментом в ней выступают устремленность в будущее, к свободной реализации своих творческих потенций (Г. Оллпорт, А. Маслоу), вера в себя и возможность достижения «Я-идеального» (К. Роджерс). Следует также отметить особый кон текст, характеризующий гуманность личности, которая проявляется в качествах, связанных со способностями к сопереживанию, содействию, соучастию. Вот почему ключевой социально-педагогической установкой гуманизма является восхождение к личности.

В нашем понимании личность – это человек, сознательно открывающий или создающий что-то новое в себе, природе, социальной сфере, общий ориентир деятельности которого имеет позитивную направленность. Позитивной направленностью обладают процессы, имеющие своей целью развитие человека, окружающих его людей, среды обитания и, следовательно, всего человечества в целом. Понятие «личность» отражает не только фактическое состояние социальных свойств человека, но и выражает его идеал, являясь понятием ценностным. Идеал культурного человека, как отмечал А. Швейцер, – «есть не что иное, как идеал человека, который в любых условиях сохраняет подлинную человечность» [9, 25]. Такой идеал достижим и недостижим одновременно, но главное в нем – определение траектории развития и саморазвития человека. А это уже есть аксиологическая функция личности.

Постсоветское общество находится на переломном этапе своего развития. Он характеризуется переоценкой ценностей, критикой и преодолением того, что мешает дальнейшему движению вперед. Высшим гуманистическим смыслом социального развития становится утверждение отношения к человеку как высшей ценности бытия, создание условий для свободного развития каждого человека. Человек как самоцель развития, как критерий оценки социального прогресса представляет собой гуманистический идеал происходящих в стране преобразований. Поступательное движение к этому идеалу связано с гуманизацией жизни общества, в центре планов и забот которого должен стоять человек с его нуждами, интересами, потребностями. Поэтому гуманизация образования рассматривается как важнейший социально-педагогический принцип, отражающий современные общественные тенденции построения функционирующей системы образования.

Гуманизация – ключевой элемент нового педагогического мышления, утверждающего полисубъектную сущность образовательного процесса [1]. Основным смыслом образования в этом случае становится развитие личности. А это означает изменение задач, стоящих перед педагогом. Если раньше он должен был передавать учащемуся знания, то гуманизация выдвигает иную задачу – способствовать всеми возможными способами развитию формирующегося. Гуманизация требует изменения отношений в системе «учитель-ученик» – установления связей сотрудничества. Подобная переориентация влечет за собой изменение методов и приемов работы учителя. Но это еще не все. Гуманизация образования предполагает единство общекультурного, социально-нравственного и профессионального развития личности. Данный социально-педагогический принцип требует пересмотра целей, содержания и технологии образования.

Опираясь на выводы многочисленных психолого-педагогических исследований, сформулируем закономерности гуманизации образования [См.: 5-6; 8-16].

1. Образование как процесс становления психических свойств и функций обусловлен взаимодействием растущего человека со взрослыми и социальной средой. Психические явления, отмечал еще С.Л. Рубинштейн, возникают в процессе взаимодействия человека с миром. А.Н. Леонтьев считал, что ребенок не стоит перед окружающим миром один на один. Его отношения к миру всегда передаются через отношения других людей, он всегда включен в общение (совместную деятельность, речевое или мысленное общение). Чтобы овладеть достижениями материальной и духовной культуры, чтобы сделать их своими потребностями, «органами своей индивидуальности», человек вступает в определенные отношения с явлениями окружающего мира через других людей. Этот процесс и является по своим функциям процессом воспитания.

2. Среди гуманистических тенденций функционирования и развития системы образования можно выделить главную – ориентацию на развитие личности. Чем гармоничнее будет общекультурное, социально-нравственное и профессиональное развитие личности, тем более свободным и творческим будет становиться человек.

3. Образование будет удовлетворять личностные запросы, если оно ориентировано на «зону ближайшего развития», т.е. на психические функции, которые уже созрели у ребенка и готовы к дальнейшему развитию. Данная ориентация требует выдвижения таких целей образования, которые обеспечивали базисные качества, необязательно универсальные, но обязательно необходимые для развития личности в том или ином возрастном периоде.

4. Сегодня есть реальная возможность дать человеку овладеть не только базовыми профессиональными знаниями, но и общечеловеческой культурой, на основе которой возможно развитие всех сторон личности, учет ее субъективных потребностей и объективных условий, связанных с материальной базой и кадровым потенциалом образования. Развитие личности в гармонии с общечеловеческой культурой зависит от уровня освоения базовой гуманитарной культуры. Этой закономерностью обусловлен культурологический подход к отбору содержания образования. В этой связи самоопределение личности в мировой культуре - стержневая линия гуманитаризации содержания образования.

5. Культурологический принцип требует повышения статуса гуманитарных дисциплин, их обновления, освобождения от примитивной назидательности и схематизма, выявления их духовности и общечеловеческих ценностей. Учет культурно-исторических традиций народа, их единства с общечеловеческой культурой - важнейшее условие конструирования новых учебных планов и программ.

6. Культура реализует свою функцию развития личности только в том случае, если она активизирует, побуждает человека к деятельности. Чем разнообразнее и продуктивнее значимая для личности деятельность, тем эффективнее происходит овладение общечеловеческой и профессиональной культурой. Деятельность личности как раз и является тем механизмом, который позволяет преобразовывать совокупность внешних влияний в новообразования личности как продукты развития. Это обуславливает особую важность реализации деятельностного подхода как стратегии гуманизации технологий обучения и воспитания. Он позволяет «обратить» педагогические задачи в «личностный смысл» деятельности личности.

7. Процесс общего, социально-нравственного и профессионального развития личности приобретает оптимальный характер, когда учащийся выступает субъектом обучения. Данная закономерность обуславливает единство реализации деятельностного и личностного подходов. Личностный подход предполагает, что и педагоги, и учащиеся относятся к

каждому человеку как к самостоятельной ценности, а не как к средству для достижения своих целей. Это связано с их готовностью воспринимать каждого человека как заведомо интересного, признавать за ним право на непохожесть на других. Личностный подход требует включения в педагогический процесс личностного опыта (чувств, переживаний, эмоций, соответствующих им действий и поступков).

8. Принцип диалогического подхода предполагает преобразование позиции педагога и позиции учащегося в личностно-равноправные, в позиции сотрудничающих людей. Такое преобразование связано с изменением ролей и функций участников педагогического процесса. Педагог не воспитывает, не учит, а активизирует, стимулирует стремления, формирует мотивы учащегося к саморазвитию, изучает его активность, создает условия для самодвижения. При этом должны соблюдаться определенная последовательность, динамика: от максимальной помощи педагога учащимся в решении учебных задач на начальной стадии образования через постепенную активизацию учащихся к полной саморегуляции в обучении и появлению отношений партнерства между ними.

9. В то же время саморазвитие личности зависит от степени творческой направленности образовательного процесса. Данная закономерность составляет основу принципа индивидуально-творческого подхода. Он предполагает непосредственную мотивацию учебной и других видов деятельности, организацию самодвижения к конечному результату. Это дает возможность учащемуся испытать радость от осознания собственного роста и развития, от достижения собственных целей. Основное назначение индивидуально-творческого подхода состоит в создании условий для самореализации личности, в выявлении (диагностике) и развитии ее творческих возможностей. Именно такой подход обеспечивает и личностный уровень овладения базовой гуманитарной культурой.

10. Готовность участников педагогического процесса принять на себя заботы других людей неизбежно определяется степенью сформированности гуманистического образа жизни. Данный принцип требует такого уровня внутренней собранности личности, при котором человек не идет на поводу обстоятельств, складывающихся в педагогическом процессе. Личность сама может творить эти обстоятельства, вырабатывать свою стратегию, сознательно и планомерно совершенствовать себя. Гуманизация образования в значительной степени связана с реализацией принципа профессионально-этической взаимответственности.

Итак, интеграция знаний о сущности гуманизации образования позволила выделить основные ее закономерности и систему взаимосвязанных с ними принципов. Теоретическое осмысление закономерностей и принципов гуманизации образования позволяет не только определить стратегическое направление образовательного процесса, но и наметить тактическую программу реализации его гуманистических целей.

Литература

1. Скотт, П. Глобализация и университет [Текст] / П. Скотт // ВВШ «Alma Mater». – 2000. – № 4. – С. 3-8.
2. Гессен, С.И. О понятии и цели нравственного образования [Текст] / С.И. Гессен. – Саранск, 1998. – С. 157-168. Приложение 1 (Материалы II Всероссийской научной конференции: «Российское зарубежье: образование, педагогика, культура. 20-е – 50-е гг. XX века»). 275 с.
3. Глобализация и проблема сохранения культурного многообразия [Текст]. – М.: ИФРАН, 2010. – 240 с.
4. Кагарлицкий, Б.Ю. Управляемая демократия: Россия, которую нам навязали [Текст] / Б.Ю. Кагарлицкий. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 575 с.
5. Зинченко, В.В. Институциональная социально-педагогическая модель образования как «общественного производства»: «технологии управления» мышлением и модификацией поведения [Текст] / В.В. Зинченко // Управление инновационным образованием: В 3-х ч. Ч.1. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. – 289 с. – С.14-25.
6. Зінченко В.В. Соціальна філософія менеджменту і освіти в інституційному вимірі глобального розвитку. К.: Люксар, 2011. 664 с.
7. Щедровицкий, П.Г. Педагогика свободы [Текст] / П.Г. Щедровицкий. – М.: Архитектура С, 2004. – 128 с.
8. Byram M. and Dervin F. (eds.) Students, staff and academic mobility in higher education. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2008. 320 p. P. 237-259
9. Dennehy R. Education, vocationalism and democracy. New York: The Macmillan Co. Thought, 2002. 195 p.
10. Dewey J. Democratie et l'education. Paris: Marabout, 2005. 212 p.
11. Kwiek M. The University and the State. A Study into Global Transformations. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. 424 p.
12. Leech K. Youthquake: The Growth of a Counter-Culture. London: Sheldon Press, 1993. 231 p.
13. Liessmann K.P. Theorie der Unbildung:: Die Irrtümer der Wissensgesellschaft. Wien: Paul Zsolnay, 2010. 176 s.
14. Lodge P., Brackston T. Educational policy and educational inequality. Oxford: Robertson, 1992. 256 p.
15. Reich Ch. The Greening of Society. New York: Bantam Books, 2007. 306 p.
16. Townsend P. Understanding poverty and inequality in Europe // Responce to poverty: lessons from Europe. London, 2004. P. 1-27.

Ценностные принципы гуманизации общественного развития в современной социальной философии образования и воспитания

Традиционно вопросы образования и воспитания были предметом исследования социальных наук, концепций управления, философии, педагогики. Несмотря на то, что они опирались на философские идеи, которые содержались в системах наибольших философов прошлого – Платона, Аристотеля, Ж.Ж. Руссо, Д. Дидро, И. Канта и пр., тесного союза между философией и педагогикой не сложилось. Более того, педагогика в большинстве случаев не признавала философию как методологическую основу теории воспитания и стремилась сформировать свои концепции независимыми от философии.

XX-XXI ст. немногие из педагогов, социологов, философов и этиков уделяли специальное внимание социально-философскому обоснованию проблем воспитания и образования. В значительной мере это объяснялось общей направленностью философских и этических течений и школ на Западе: одни из них, как известно, сделали предметом своего исследования «язык науки» или «язык морали»; другие видели главную задачу философии в исследовании существования личности, но, однако мало интересовались проблемами воспитания. Исключение составлял, по-видимому, лишь Дж. Дьюи, который посвятил специальную работу философским проблемам воспитания, идеи которой (как и других его работ по проблематике воспитания) в свое время оказали значительное влияние по педагогическому мнению Запада и мира. Основной тезис этой работы Дьюи заключался в том, что философская теория, если она хочет быть жизненной, повинна непосредственно влиять на процесс воспитания, формировать ценностное отношение человека к миру, способствовать изменению духовных и моральных связей людей в обществе. Именно поэтому Дьюи считал, что философию «можно определить как общую теорию воспитания» [1, 55].

Формально эти положения Дьюи не вызывали сомнения и потому восторженно встретились представителями педагогической мысли. Но в дальнейшем оказалось, что философия прагматизма, из которой выходил Дьюи, не может служить основой для совершенствования процесса воспитания, особенно моральных отношений между людьми. Могла ли идти речь о формировании ценностного отношения к миру, если прагматизм исключал объективную подпочву моральных ценностей – добра, зла и проч. Дьюи рассматривал их как инструменты, которые используются человеком для достижения своей цели, успеха в той или другой конкретной ситуации. В этом случае влияние философии на воспитание должно было значить, что она призвана теоретически оправдать любое поведение удобной, выгодной лицу. И если были полностью приемлемые положения Дьюи относительно организации учебного и воспитательного процесса и демократизации школ, то философия образования и воспитания

в его понимании нашла мало сторонников среди философов, и они долго не обращались к самой идее о необходимости специальной разработки этой отрасли философского знания.

В настоящее время положение изменилось. Один из ведущих специалистов в этой отрасли, редактор серии «Международной библиотеки по философии воспитания» англичанин Г. Питерс, в своем предисловии к книге Д. Купера «Иллюзия равноправия», которая вышла в этой серии, отмечает, что хотя интерес к философским проблемам воспитания возник еще в древность, но только «в настоящее время эти проблемы выделились в специальную отрасль философских знаний подобно философии природоведения или политической философии» [5, 23].

Можно спорить о том, нужно ли выделять социальную философию воспитания в отдельную отрасль знаний. Но, несомненно, важна сама идея о необходимости философского обоснования процесса воспитания – его цели, характеру формирования личности и проч. Эта необходимость продиктована сложностью морального выбора личности. Каждый человек чувствует, что в современном сложном и быстро изменяемом мире уже невозможно опираться в своем моральном выборе на традиции, привычки, нужен обоснованный критерий, критический анализ всех факторов ситуации, придется осуществлять выбор, принимать моральное решение. Несомненно и то, что постановка вопроса о необходимости социально-философского анализа проблем воспитания и образования служит показателем понимания философией и этикой растущей роли человеческого (в том числе морального) фактора в развитии общества. И, наконец, стремление разработать философские основы педагогики вообще и воспитания в частности, свидетельствует о том, что западные философы, по крайней мере, некоторые из них, осознали общественную значимость воспитания, его глобальный характер.

Начальное рациональное мнение западных специалистов, которые обратились к определению статуса философии воспитания, сводилось к тому, что нельзя отождествлять философскую концепцию воспитания и собственно теорию воспитания. Но важно было еще обнаружить соотношение между философией воспитания и общей теорией воспитания, вычленив предмет каждой из этих областей знания. Главное место в теории воспитания, которая служит предметом педагогики, по мнению западных исследователей, занимают методы и средства, призванные помочь воспитателям совершенствовать процесс учебы и воспитания. Вместе с тем эффективность процесса образования, убежденность педагогов в важности и действенности осуществляемой ими общественной роли требуют рационального обоснования процесса образования и воспитания, его важных ланок и факторов. Осуществление этой функции и является прерогативой социальной философии образования, призванной, прежде всего, обосновать основную цель воспитания, показать соответствие этой цели естеству

человека как родового существа, его стремлению и способности к постоянному самовыражению, ее потребности в определенном типе межличностных отношений, сущность которых – настоящая человечность.

В связи с этим перед социальной философией воспитания стоит задание определить факторы, которые обуславливают достижение ее основной цели, дать оценку моральным принципам и личностным качествам, с которыми собственно теория воспитания связывает реализацию своих заданий, показать, чему именно эти, а не какие-либо другие принципы и качества открывают человеку возможность избирать в конкретной ситуации морально оправданную и самую приемлемую в общественном отношении линию поведения. Последнее же требует конкретизации понятия этической ценности относительно воспитательного и образовательного процесса.

Решая эти задания, т.е. осуществляя свою методологическую и аксиологическую функции, социальная философия воспитания помогает тем самым совершенствованию общей теории воспитания. Нельзя потому не согласиться с мыслью, что «без опоры на философию невозможно поступательное развитие педагогической теории» [14, 7], что нельзя воспитывать, не имея определенную моральную и мировоззренческую позицию, ясного представления о том, какую личность следует формировать, какими принципами должен человек руководствоваться в жизни. Философия воспитания позволяет, наконец, четче определить и «просветить» понятие свободы, права личности, равенства, справедливости, обосновать понятие правильного поведения, этической жизни. Словом, она дает возможность разобраться в широком кругу вопросов, которые возникают в процессе учебы и воспитания.

Характерно, что, анализируя состояние системы образования и воспитания на Западе, такие выдающиеся исследователи, как Л. Кольберг, П. Питерсон и проч., связывают ее существенные недостатки, прежде всего, «с отсутствием в ней надлежащего методологического подхода и основных концептуальных понятий» [12, 5], т.е. как раз со слабой философской фундированностью воспитательного процесса. Кольберг, в частности, отмечает, что, занимаясь воспитанием молодежи, преподаватели, как правило, не могут дать философского объяснения основной его цели, не могут обосновать сущность методов, которые используются в процессе воспитания. В этом, по мнению Кольберга, дает о себе знать этический релятивизм – позиция, согласно которой нет и не может быть общих моральных ценностей, и каждый должен руководствоваться своим пониманием моральных принципов или своим чувством. Отбрасывая релятивизм, Кольберг считает, что воспитательная практика нуждается в методологической опоре. Ею должна стать такая философская система, которая сможет обосновать «этическое воспитание как последующее совершенствование человеческого лица» [10, 327].

Чем же является социальная западная философия образования и воспитания? Наибольшей популярностью в социальной философии образования пользуются несколько «системных моделей», в рамках которых формируются основные концепции и направления. Согласно одной из них (условно назовем ее «первой системной моделью»), социальная философия образования и воспитания – это отрасль знаний, которая использует в воспитательной практике идеи разных социально-философских или философско-психологических систем (прагматизма, экзистенциализма, необихевиоризма и проч.), а также некоторых социологических школ [4, 18]. Эти идеи используются в качестве методологических предпосылок для определения моральных принципов, установок, моральных и социальных качеств, которые нужно воспитывать у людей. Такое понимание философии образования и воспитания разделяют, например, английский философ Р. Берроу, представитель Оксфордского исследовательского центра по этическому воспитанию Б. Шугерман, английский социолог У. Кей и др.

Среди тех, кто в принципе принимает такую «системную модель», однако ведутся споры о том, какая философская система может дать самые ценные рекомендации процесса воспитания, а также образования. Причем, как правило, этот вопрос развязывается не опытным путем, не в результате проверки полученных от философии теоретико-методологических рекомендаций в самом процессе воспитания и образования, не в результате осмысленного дополнения педагогами идей названных школ и направлений к практике воспитания и образования. В сущности, как основы воспитания эти идеи принимаются формально, часто просто путем апелляции к авторитету той или другой философской доктрины. Вряд ли возможно в такой ситуации творческое содружество между философией и педагогикой и в полной мере благотворное действие философии на воспитательный и образовательный процесс.

«Вторая системная модель» философии воспитания и образования в значительной мере связана с позитивистской методологией. Она представлена английскими философами А. Брентом, А. Харрисом, П. Херстом. Отдельные положения этой «модели» разделяют Л. Кольберг и упоминавшийся Р. Берроу, хотя в целом его убеждение, в частности поддерживаемый им принцип утилитаризма в подходе к воспитанию, больше вписываются в рамки «первой модели» философии воспитания. По мнению сторонников данной («второй») «модели», важной целью воспитания является выработка у человека способности размышлять на моральные темы. А это, как они считают, достигается главным образом логикой «языка морали». «Непосредственное моральное воспитание концентрируется вокруг знание «языка морали», и задание философов заключается в том, чтобы помочь личности понять роль языка в моральных рассуждениях», – отмечает А. Харрис [7, 41].

Идеи сторонников «второй системной модели» философии воспитания пользуются, по-видимому, наибольшим влиянием в воспитательной и образовательной практике на Западе, что обусловлено ростом в современных условиях роли естественнонаучных, математических и логических знаний, нарастающей общей тенденцией к формализации научного знания. В такой ситуации именно позитивизм оказался для научной интеллигенции самой удобной философской доктриной, что позволяет совмещать признание ценности знаний с мировоззренческой нейтральностью. Это отразилось, в частности, в понимании позитивизмом функции философии воспитания и образования. Ее главное задание позитивисты видят в разъяснении основных понятий, которые употребляются в социальной, в частности, в воспитательной и образовательной практике и связанных с начальными принципами разных школ воспитания. Например, те школы, которые ориентируют воспитание на утверждение справедливости, равенства, свободы, должны учитывать философско-этический и социологический аспекты этих понятий, что по силам педагогике лишь при опоре на социальную философию воспитания.

Некоторые теоретики последней отмечают особенную важность философского анализа понятий, связанных с процессом воспитания, считая, что это позволит углубить и расширить общие представления о ценностях, обогатив тем самым аксиологическую теорию в целом. Такой подход поддерживают не только представители позитивистской методологии. Так, Р. Берроу, который придерживается, как уже отмечалось, по многим вопросам утилитаристской позиции, считает важным заданием философии воспитания привлечение людей, прежде всего молодых, к логическому, рациональному мышлению, обучению технике мышления, которые будут способствовать, по его мнению, более глубокому пониманию мира [2, 17]. Ведь в сфере воспитания и образования, как и в других сферах духовной жизни, придется встречаться с разными позициями, взглядами людей. Защищая свои взгляды, люди используют разные аргументы, выражая их в понятиях, в которые, однако, вкладывают самое разное, иногда противоположное содержание. По логике Берроу выходит, что для осмысления предлагаемого аргументирования необходимо сначала уточнить понятийный аппарат, сделать содержательные выводы из анализа тех или других понятий. В этом, по Берроу, как раз и заключается задание философии воспитания и образования [2, 19].

Не уменьшая важность уточнения, анализа понятий, которые употребляются, нельзя, однако, не видеть, что в этих рассуждениях явно преувеличена роль в процессе воспитания понятийного аппарата, который появляется здесь как панацея от всех бед. Между тем значительно важнее анализа понятий, которые употребляются в процессе воспитания, размышление людей по этим вопросам, разработать объективный критерий оценки мыслей и поступков людей. Потому что это в первую очередь дает возмож-

ность правильно оценить направление и характер воспитательного процесса. Понятно, есть на Западе философы, которые понимают важность такой задачи «Одно из важнейших заданий философии воспитания заключается в том, чтобы определить критерий и разработать принципы, которые позволяют обнаружить сущность предмета и методов воспитания» [3, 42], – пишет, например, английский философ А. Brent. Вместе с тем он не конкретизирует это задание, не просветляет характер, специфику тех принципов, формулировка которых должна относиться к компетенции именно философии воспитания, а затем уже использоваться общей педагогической теорией.

Кроме рассмотренных основных двух «моделей» философии воспитания в западной литературе встречается также ее толкование как философского метода исследования моральных ценностей (их обоснование и формирование). Такая «модель» выдается более точно отображающей специфику и предмет философии воспитания. Однако и она остается достаточно абстрактной, поскольку ее сторонники, как правило, не касаются самого процесса формирования ценностной ориентации людей и факторов, которые детерминируют этот процесс.

Еще одна группа исследователей (американский философ Т. Бафффорд, английские этики Д. Страйк, К. Эган и др.) понимают философию воспитания как способ передачи культурных ценностей от одной эпохи к другой («третья модель»). «Философия воспитания – это попытка исследовать в философском плане основные вопросы, связанные с процессом передачи культурных ценностей» [4, 7], – пишет Т. Бафффорд. В основе этого определения лежит понятие воспитания в широком смысле слова, которое включает образование, обучение и собственно воспитание, ибо ценности культуры охватывают не только моральные, политические, эстетичные, религиозные ценности, но и знание. Однако есть специфика в формировании и передаче знаний (процесс обучения), и привлечения личности к системе ценностей. Если передача знаний требует главным образом обращения к интеллекту личности, то формирование определенной ценностной ориентации (воспитание в собственном смысле этого слова) связано с воздействием на эмоции и чувства человека, способствующие превращению тех или иных ценностных установок в его убеждения. Поскольку зарубежные философские концепции оперируют, как правило, понятием воспитания в широком смысле слова, они не углубляются в эту проблематику.

Заслуживает внимания сама идея необходимости интегрального, комплексного подхода к проблемам воспитания из позиции философского осмысления всех важнейших сторон воспитательного процесса. Однако у сторонников данной «модели» мы не находим четкого определения места и функции каждой области знания, которое включается в предмет философии воспитания, равно как и обозначение той из них, которой отводится функция интеграции методологических предпосылок всех

заключающих отрасль воспитания наук, сводки этих предпосылок в единственный комплекс в пределах философии воспитания. Одни исследователи отводят интегрирующую роль этике, другие – психологии. Так, представители разных школ в психологии (работающие в настоящий момент в Великобритании Е. Вайнрих-Хасте, Хр. Локк, американский психолог профессор Н. Дент), а также ряд педагогов – участники междисциплинарного коллоквиума по проблемам морали и социального действия («Mosaic») – пришли к выводу, что ни этика, ни философия, а только когнитивная психология сможет обнаружить характер моральных мыслей, которые отображают мораль в целом, мотивы морального поведения как на общественном, так и на индивидуальном уровне, который позволит формировать активное лицо, в котором нуждается современное общество. Отдельные представители упомянутой группы практически отождествляют философию воспитания с психологией и даже провозглашают новую науку о поведении – «философию психологии». Поскольку поведение человека, по их мнению, определяется желаниями и влечениями души, основными категориями открытой ими науки они объявляют «выбор», «действие», «намерение». Эту позицию, в частности, отстаивает Н. Дент в книге «Моральная психология добродетелей» [6, 31]. Отождествление философии воспитания с психологией в значительной мере является реакцией на методологию позитивизма, который относит основные функции философии воспитания к анализу понятийного аппарата процесса воспитания в ущерб обоснованию тех или других моральных добродетелей.

Близка к этой позиции точка зрения специалистов по вопросам этического воспитания, которые рассматривают моральную философию как ключевой аспект философии воспитания. А уже упоминавшийся Р. Берроу идет еще дальше. Он не видит оснований отделять их один от другого и считает, что должно идти речь не о «специальной философии воспитания, а лишь о моральной философии, употребляемой к проблемам воспитания» [2, 36].

Однако сведение философии воспитания к моральной философии не является оправданным хотя бы потому, что предмет последней включает ряд вопросов, которыми не должна заниматься и не занимается философия воспитания. Моральная философия, этика имеет дело с более широким объектом исследования – моралью, которая пронизывает все звенья общественной и индивидуальной жизни. Поэтому убедительнее выглядит позиция тех исследователей, которые отводят этике основное место в философии воспитания, не отождествляя, однако, их проблематику. Вместе с тем и их модель философии воспитания остается достаточно абстрактной, поскольку они не очерчивают, не конкретизируют, четко не определяют функцию этики в системе философии воспитания. Однако без этого не могут быть развязаны проблемы социально-философского обоснования процесса воспитания в контексте общественного развития.

Однако самой перспективной «моделью» социальной философии воспитания и образования нам представляется та, которая вычленил и интегрирует в себе воспитательный и поведенческий аспекты как философских, так и социологических, педагогических, этических, психологических и других отраслей знания как составной части системы общественного развития. Нельзя не согласиться с подходом к решению этой проблемы английского философа П. Херста, который считает, что в содержании учебных планов, системе обучения и образования должны получить отражение психологический, социальный и философский моменты воспитательного и образовательного процесса [8, 31].

Социальная философия воспитания и образования в настоящее время не только конституировалась на Западе как специальная отрасль философских, педагогических и психологических знаний, но в ней определились разные направления, связанные в основном с определенной «моделью» философии образования и воспитания, которая в свою очередь исходит из применения к процессу образования и воспитания идей той или иной из философских школ.

Человек осуществляет преступление против самого себя, если превращается в инструмент, предназначенный для достижения какой-то внешней, чужой для него цели. Этот индивид находится в состоянии самоотчуждения и превращается в «разлаженное», «общественношизоидное» существо, которое откладывает на неопределенный срок реализацию настоящего смысла своего бытия. «Необходимо жить со всей полнотой в каждый момент, но не так, как этого требует неограниченное «теперь» рекламного сюжета, а в соответствии с понятием абсолютной целостности, которую можно выразить в заповеди: Будь верным самому себе и честным перед собой» [13, 242].

Критическая социально-философская, общественноориентированная педагогическая образовательно-воспитательная и психологическая теории (Д. Келлнер, Р. Ликтмен, Р. Якоби, П. Фрейре, Г. Маркузе, Ч. Рейч, И. Иллич, К. Лича, Д. Купер и др.) стремится по-новому определить общественный и индивидуальный разум. Она считает, что индустриальное общество создало условия для осуществления разума и свободы, но этому осуществлению препятствует именно капиталистическая организация. Разумная гражданская социальная структура требует создания предпосылок освобождения человека, общества и человечества: полного развертывание производительных сил, симбиотического взаимодействия с природой, создания материальных богатств для удовлетворения основных потребностей всех членов общества. Эти предпосылки имеются в наличии. Они также показывают, что, невзирая на существенную связь между капиталистической производительностью и общественно-справедливой свободой, социальная революция (как тотальная комплексная трансформация и экономико-политической, и идейно-психологической структур) нужна для

того, чтобы осуществить этот переход, который, однако, должен принести нечто большее, чем освобождение и рациональное использование производительных сил, а именно – освобождение самого человека: уничтожение его порабощения инструментами его же труда, мышления и тем самым полную переоценку всех общепринятых ценностей. Лишь это «большее» превратило бы количество в качество и создало бы другое, неэксплуатационное и нерепрессивное общество.

Принцип господства должен быть упраздненным не только на общественном, но и, прежде всего, на индивидуально-психическом уровне в социальных ориентациях поведения человека. Не существует преимущества одного человека над другим, а должно быть постоянное стремление к преобладанию над самим собой в своем развитии, которое конституирует уникальность и неповторимость каждого «Я». Противоположностью этого являются отношения безличной функциональности, которые опосредуются социальной ролью индивида, базируясь на принуждении и манипуляции другими людьми. Поскольку современный человек в значительной мере преобразован и вынужден исполнять социальную роль потребителя, постольку возможность возобновления своей власти над неконтролируемой производственно-товарной «Мегамашиной» зависит от изменения сознания потребительской массы, освобождения от принудительного включения рекламных идеологий всех сортов в свое мировоззрение. «Великим вопросом нашей эпохи является то, каким образом существовать в технологическом обществе: какое движение и какой образ жизни смогли бы сохранить духовность человека и даже именно его существование в условиях господства тех сил, творцом которых он сам же и был» [13, 16].

Литература

1. Дьюи, Д. Введение в философию воспитания [Текст] / Д. Дьюи. – М., 1921. – 62 с.
2. Barrow R. Moral Philosophy for Education. N-Y., 2011. 367 p.
3. Brent A. Philosophical Foundations for Curriculum. Boston, 2008. 390 p.
4. Bufford Th. Toward a Philosophy Education. Boston, 2001. 278 p.
5. Cooper D. E. Illusion Equality. Boston, 2003. 327 p.
6. Dent N. Moral Philosophy Virtues. Cambridge (Mass.), 1994. 431 p.
7. Harris A, Teaching, Morality and Religion. L., 2002. 297 p.
8. Hirst P. Edubational Theory // Tibbie A, (ed.) Study Educational. RoUtledge, 1996. 384 p. P. 17-45.
9. Jacoby R. The Politics of Narcissism // The Problem of Authority in America. Boston, 1995. 281 p. P. 188-204.
10. Kohlberg L. Education for a just society. Moral Development, Moral Education. Ethics and Educational Policy. Birmingham, 2010. 496 p.
11. Laing R. The Divided Self. Harvard, 2001. 341 p.

12. Peterson P. Politics american education // American Educational Research Journal. 1998. № 15. P. 340-365.
13. Reich Ch. The Greening of Society. New York: Bantam Books, 2007. 306 p.
14. Woods R., Barrow R. An Introduction to Philosophy Education. L., 2005. 312 p.

**Современная социальная философия образования и воспитания:
идейная концептуализация, управленческая методология
и аксиологическая институализация**

Социальная философия воспитания и образования в настоящее время не только конституировалась как специальная отрасль философских, педагогических и психологических знаний, но в ней определились разные направления, связанные в основном с определенной «моделью» философии образования и воспитания, которая в свою очередь исходит из применения к процессу образования и воспитания идей той или иной из философских школ.

На первый взгляд эти направления кажутся диаметрально противоположными. По ряду вопросов между ними идет острая полемика, а степень влияния того или другого направления во многом зависит от результата этой полемики, от того, в какой мере ему удалось обнаружить слабые стороны своих оппонентов, доказать несостоятельность их основных предпосылок, представив свою позицию как соответствующую именно той цели, которой призванная служить философия образования и воспитания. Существующие отличия тех или иных концепций и школ в сфере философии образования и воспитания зависят во многом от общей философской позиции ее представителей, а также от того, какую группу интеллигенции они представляют, с интересами каких общественных слоев связаны.

Классификацию существующих в современной западной социальной философии образования и воспитания направлений можно проводить, исходя из основополагающих принципов философской школы или течения, которое разделяется представителями той или другой концепции образовательного и социально-этического воспитания. Если иметь в виду лишь светские концепции, то правомерно говорить о прагматистской, неопозитивистской, утилитаристской, экзистенциалистской и потому подобных концепциях философии образования и социально-этического воспитания. Но классификацию эту можно проводить также, исходя из основных установок, цели, выраженной тем или иным направлением, на основании того, как его сторонники представляют себе личность, ее потребности, модус поведения, которые призвана формировать система воспитания. Мы не ставим своим заданием анализ религиозных концепций воспитания как в их традиционной форме, так и тех их модификаций,

которые появились на Западе. Это, однако, не значит, что религиозные концепции не пользуются за рубежом весомым влиянием. Кроме того, при классификации социально-философских концепций социально-этического и образовательного воспитания необходимо исходить не только из кредо той философской школы, с которой они связаны, но, прежде всего учитывать ту цель и средства, которые ими реально задействованы в процессе социально-этического воспитания.

В пределах такого подхода к классификации социально-философских концепций образования воспитания среди них можно выделить следующие направления: консервативное, гуманистическое (иногда называемое рационализмом), иррационалистическое, сциентистско-технократическое, которое выступает с открыто авторитарно-тоталитарных (иногда даже и реакционных) позиций относительно вопросов общественной демократии, прав и свобод личности. В последние годы все большей весомости набирает и социально-критическое направление (известное также под названиями «критическая философия образования», «критическая теория образования»). Каждое из этих направлений представлено преимущественно определенным течением в философии и педагогике, психологии и социологии, аксиологии и этике.

Консервативное направление включает прагматистскую и утилитаристскую концепции воспитания и образования, близкие между собой по целевым установкам и критериям оценки поведения людей. Мы ограничимся здесь в основном критическим анализом концепции образования и социально-этического воспитания, связанной с философией прагматизма и неопрагматизма как самой типичной для данного направления. Она представлена, прежде всего (в первичном, классическом варианте) философией и этикой Дж. Дьюи [1], а также современными модификациями его концепции воспитания и образования (неопрагматизм), теоретиками которых являются Т. Браммельд, К. Роджерс Э. Келли и др. Неопрагматистские модификации во многом опираются на бихевиористскую и фрейдистскую психологию, включают также отдельные установки экзистенциализма. Это позволило лидеру т.н. гуманистической психологии А. Маслоу, а также А. Комбсу приобщиться к неопрагматистской концепции.

Методологической основой консервативного направления в образовании и воспитании служит тезис Дьюи, согласно которому интеллектуальные и этические качества личности заложены в ее уникальной природе и их проявление связано, прежде всего, с индивидуальным опытом человека. Отсюда задание воспитания представители прагматизма видят не в формировании определенных моральных качеств, принципов, ценностной ориентации личности, а лишь в количественном росте данных ей от природы способностей, качеств и ее индивидуального опыта как главного условия самореализации лица. В отличие от Дьюи, неопрагматисты счи-

тают, что сверх того процесс воспитания имеет в виду также развитие творческих способностей человека, который требует умелой организации деятельности людей. Индивидуальный опыт, согласно Дьюи и его последователей, определяет также суть и характер моральных норм и принципов – тех «инструментов», которые личность по своему усмотрению выбирает в каждой ситуации для достижения успеха. С этим положением связан вывод сторонников консервативного направления, что рост индивидуального опыта, который ведет к успеху, служит главным критерием морального поведения. Причем вопрос о характере ценностей, из каких человек исходит в своем поведении, они считают лишены значения.

Выдвигая достижение успеха как главной цели жизни человека, сторонники прагматистской концепции образования и воспитания ограничивают успех лишь индивидуальными рамками жизни человека, освобождая его от необходимости ставить перед собой высокую цель, стремиться к общественному идеалу. Согласно Дьюи, в каждой конкретной ситуации человек добивается реализации своей индивидуальной цели, и потому он должен, исходя из своих способностей, удовлетворяться достигнутым положением. Таким образом, проявляет себя здесь установка Дьюи на сохранение существующего в обществе неравенства целей и средств, которая вступает в противоречие с прокламируемой им необходимостью эгалитарного (основанного на равенстве) воспитания и образования. Не согласовывается с последней и утверждение Дьюи о том, что осуществление индивидуальной цели, достижение успеха зависят не только от умелого выбора человеком тех или других «инструментов» (моральных норм, принципов), но и от социальной среды. Теория воспитания оказывается тем самым и средством улучшения социальной среды, расширения демократии, единственно способной, по Дьюи, обеспечить успех личности. А на этой основе, утверждает он, достигается интеграция социальных слоев общества, защита его ценностей. Поэтому важное значение Дьюи придает воспитанию ответственности личности за сохранение и процветание демократического общества.

Принято считать, что позиции консервативного направления в философии образования и воспитания, как и философии прагматизма в целом, пошатнулись. Но это утверждение следует принимать с большими предостережениями. Факты показывают, что, несмотря на то, что в 1960-х годах концепция воспитания, связанная с прагматизмом, поддается резкой критике, влияние ее практически сохраняется и поныне. Дело не только в том, что представители неопрагматизма стремятся модернизировать идеи Дьюи, приспособив их к современной обстановке. За своим духом идеи прагматизма в вопросах воспитания созвучны интересам правящей элиты (прежде всего, в США). Не случайно, некоторые исследователи современного состояния системы образования и воспитания на Западе говорят о возрождении в ней инструментализма Дьюи, об усилении антиинтел-

лектуализма, хотя эти моменты тщательным образом скрыты за рассуждениями о потребностях научно-технического и культурного прогресса. Нельзя не заметить и того, что в условиях, когда на фоне кризиса системы образования правительство США было вынуждено приступить к его реформе, многие теоретики воспитания, вспоминая концепцию Дьюи, обращают внимание именно на демократические ее стороны, в частности на его, хотя и непоследовательное, противоречивое стремление внедрить в процесс воспитания идею равенства [2, 17-19].

Гуманистическое направление чаще именуется в западной литературе «новым гуманизмом». Оно связано с позитивизмом, особенно с философией и этикой школы лингвистического анализа, совмещая их установки с идеями Платона, Аристотеля, Юма, Канта, а в отдельных вопросах – с положениями неопрагматизма. Это добавляет концепциям данного направления более академический, сциентистский характер. Представители этих концепций – П. Херст, Р.З. Питерс, М. Уорнок и др. – опираются также на психологические идеи Ж. Пиаже и его современных последователей в сферах философии образования и педагогики – Л. Кольберга, К. Бруннера и других. В соответствии с позитивистской установкой они отстаивают мировоззренческий нигилизм в вопросах воспитания, ссылаясь на то, что социальная жизнь в условиях научно-технического прогресса нуждается в «рациональном мышлении», а не идеологии. В гуманизации системы воспитания они видят главное средство утверждения во всех сферах жизни общества справедливости как главного принципа отношений между людьми.

Для этого направления, с одной стороны, характерная острая критика существующей в западных странах системы образования и воспитания, а с другой – попытка представить конструктивную программу воспитания, в которой максимальное внимание предоставляется человеческому Я. Идеи, которые содержатся в этой программе, выдвигаются как альтернатива консервативным, особенно, т.н. технократическим концепциям. Один из представителей «нового гуманизма», А. Комбс, пишет: «Мы доныне сосредоточивали наше внимание на методах контроля и управления путем манипулирования стимулами и последствиями поведения. Мы рассматривали мотивацию поведения не с точки зрения устремлений людей, а как вопрос о том, каким образом заставить их делать то, что от них требуют другие. Мы были сторонниками очень узкого взгляда на природу людей» [3, 301]. Резкая критика технократических концепций, апология индивидуалистских устремлений, которые относятся представителями «нового гуманизма» к разряду «высших человеческих ценностей», в значительной мере обеспечивает этому направлению ведущее место среди буржуазных направлений философии воспитания.

Учитывая растущую популярность среди широких масс, включая либеральную интеллигенцию, идей свободы, справедливости, их стремле-

ния к реализации формально провозглашенных обществом прав человека, сторонники «нового гуманизма» видят свою основную цель в том, чтобы перегородить путь конформизма, манипулированию поведением лица и создать условия для ее свободного самовыражения, для осуществления человеком обстоятельного выбора поступков в конкретной ситуации и тем самым предупредить опасность формирования унифицированной формы поведения. Для достижения этой цели, по их мнению, в процессе воспитания необходимо, прежде всего, формировать иерархию интеллектуальных способностей, в конечном счете, определяющих будто и моральную зрелость лица. Таким образом, не поступки людей оказываются показателем уровня нравственности лица, а ее интеллект. Отсюда основное задание воспитания видится сторонникам этого направления в формировании рационально мыслящего субъекта. Соответственно основное внимание предоставляется ими логическому характеру процесса воспитания. Специфика же этического воспитания затушевывается.

Конечно, современное общество нуждается в интеллектуально развитой личности, формирование которой, – одна из воспитательных функций школы и высших учебных заведений. Но нельзя приносить в жертву интеллекта этическое развитие человека. Эти стороны воспитательного процесса неразрывно связаны. Более того, от морального уровня лица во многом зависит и реализация полученных ею знаний, использования их для гуманизации общественных отношений.

Сторонники «нового гуманизма» [6] верят в то, что с помощью рационального мышления как главного критерия зрелости лица она сможет проявить способность и к самореализации, и к общению с другими членами общества. Определить свое место в социальной системе ей помогут коммуникативные способности, выработанные в процессе воспитания благодаря умелому сочетанию внутренних механизмов лица и социальной среды. Для этого необходимо воспитать у каждого лица познавательную ценностную ориентацию, которая обеспечивает, с одной стороны, свободный моральный выбор в каждой ситуации, а с другой – умение отождествлять себя с другими, жить их интересами, т.е. руководствоваться в своем поведении принципом справедливости.

Однако сущность взаимодействия познавательной способности лица и социальной среды в понимании сторонников «нового гуманизма» сводится к тому, что человек сам программирует свое моральное развитие, которое предоставляет обратное действие на его социальный опыт. Иначе говоря, сторонники гуманистической концепции воспитания решающую роль в формировании морали отводят субъекту, а социальная среда лишь принуждает лицо искать новую форму своей познавательной структуры. Моральное развитие, таким образом, появляется как следствие психологической способности лица играть основную, причем неизменную для всех этапов развития, роль в обществе – отождествлять свои интересы с интересами

других и тем самым следовать принципу справедливости и гармонии как высшим критериям настоящей морали. Но поскольку эти принципы оказываются, как увидим дальше, лишенными конкретно исторического содержания, ориентация процесса воспитания на них во многом теряет практическое значение.

Третье направление характеризуется определенным иррационалистическим подходом к проблемам воспитания и образования, хотя и выступает также под флагом гуманизма. В своих базовых философских позициях он опирается на «философию жизни» и главным образом – на экзистенциализм как в классическом, так и в «оптимистическом» («позитивном») его варианте, созданном в ФРГ О.Ф. Больновым. Сторонники этого направления стремятся отбросить технократические концепции, которые подменяют процесс воспитания манипулированием личностью. Одновременно они выступают и против сциентистских установок «нового гуманизма», отбрасывая любое стремление опереться в вопросах воспитания на науку. Так, вслед за классическим экзистенциализмом они отрицают возможность познания с помощью науки природы человека, отказываются от создания научной теории воспитания на том основании, что человек строго индивидуален.

Исходя из тезиса о неповторимости, уникальности личности, которая раскрывается в «пограничных ситуациях», сторонники иррационалистического подхода к воспитанию не признают роль социальной среды в формировании человека. Среда, по их мнению, может лишь нанести колоссальный ущерб его этическому саморазвитию, самоутверждению, самовозрастанию, поскольку социальные институты нацелены на унификацию личности, ее поведения. Этическое же воспитание, напротив, призвано раскрыть индивидуальные качества и способности личности. В воспитании уникальной личности последователи воспитательно-образовательного иррационализма видят препятствие тоталитарному режиму. По их мнению, формирование неповторимой, уникальной личности есть не что другое, как процесс саморазвития и самовоспитания, который допускает преодоление в поведении человека коллективистских тенденций, потому что настоящее воспитание не может иметь своим объектом массу.

Задание воспитания и образования они видят в том, чтобы увести уникальную личность от массового, «коллективистского общества» как источника «ненастоящего бытия». Но замыкание процесса воспитания и образования на отдельном субъекте, изоляция его от социальных связей и отношений резко ограничивает реальные возможности формирования активной личности, хотя сторонники такого подхода провозглашают это одной из главных целей воспитания, образовательно-учебной деятельности. Кроме того, сама изоляция личности усиливает ее отчужденность в мире, делает ее все более беззащитной перед лицом антигуманных тенденций общества.

Это обстоятельство побуждает некоторых представителей современного «позитивного экзистенциализма» модернизировать его доктрину в отрасли воспитания, чтобы сохранить к ней доверие, а главное – приспособить ее к условиям развития и потребностей индустриального и постиндустриального капитализированного общества, создать путем воспитания и образования активного человека с новой ценностной ориентацией. Так, например, в ФРГ возник один из вариантов «позитивного экзистенциализма» О.Ф. Больнова, ядром которого служит его концепция этического воспитания. Особенную роль в воспитании личности, преданной существующему общественно-государственному строю, Больнов отводит изменению этической направленности экзистенциализма, содержания тех фундаментальных добродетелей, которыми он наделяет личность и ее экзистенцию (смысловое и деятельностное содержание индивидуального существования). Если представители классического экзистенциализма сводили сущность экзистенции, ее этический аспект к ощущениям и настроениям, которые имеют негативный характер (страх, вина, отчаяние), то Больнов наделяет экзистенцию такими добродетелями, как ощущение возвышенности, хладнокровие, доверие, надежда и вера в лучшее будущее. Эти моральные качества, согласно Больнову, открывает философия воспитания и образования, а теория воспитания ищет методы и средства их формирования. Воспитание новых моральных качеств, по мнению Больнова, призвано не только укрепить этическую природу человека, но и помочь преодолеть этический кризис, обеспечив статус-кво существующему строю. Благодаря этим добродетелям, считает он, моральный выбор человека становится сознательным и ясным, выступая важным условием его активного отношения к миру.

При всей несомненной важности воспитания системы добродетелей, как составляющих неотъемлемого компонента моральной структуры личности, необходимо четко обозначить те факторы, которые обуславливают их конкретное содержание, и только в таком случае добродетели могут служить важной установкой в поведении человека. Основу добродетелей Больнов видит не в конкретно историческом характере эпохи, не в социальной структуре общества, а в антропологии, в прирожденных потребностях человеческой природы. Да и само воспитание у Больнова лишено социальной основы, он видит в нем выражение антропологической потребности человеческой природы – прирожденной склонности индивида к восприятию моральных качеств, принципов, норм. Однако такие абстрактные добродетели не могут служить ни руководством поведения людей, ни тем более служить руководством и основанием для создания человеческих условий бытия, названных Больновым «новым убежищем». Ориентируя социально-этическое воспитание на общечеловеческие ценности, Больнов объясняет их, однако, в духе филантропии. В таком своем качестве они могут служить лишь воспитанию человека, преданного

существующему обществу, абстрактным представлением о гуманности, справедливости, достоинстве.

Сциентистско-технократическое направление занимает достаточно тоталитарные позиции по вопросам воспитания. Он опирается главным образом на «технологии поведения» главы современного бихевиоризма Б. Скиннера и в целом на бихевиористскую психологию, являясь основой для необихевиористской философии образования и воспитания. Идеи необихевиоризма в их непосредственном приложении к проблемам воспитания разделяет группа философов, педагогов, психологов, представленная, в частности, Э. Морисом, М. Блеком и др.

Сторонники этого направления отбрасывают самовыражение личности как главной цели воспитания, видя в этом одну из главных причин морального кризиса. Они исходят из установки, что человек – это «обучаемое существо», что именно в процессе обучения формируются все нормы его поведения. Эффективность же обучения достигается внедрением в систему образования и воспитания достижений науки и техники, эксперимента. Таким образом, создается видимость строго «научного», рационалистического подхода к обучению и воспитанию, что и обеспечивает влияние этих концепций среди определенных кругов общества, в том числе научной интеллигенции. Воспитание и образование при таком подходе подчинены сугубо утилитарной цели, – прежде всего повышению производительности труда, а также приобретению навыков для усвоения моральных норм, установок социальной среды и сурового, беспрекословного подчинения этим установкам. Как главное средство реализации такой воспитательной программы выступает жесткий контроль социальной среды с помощью механизма «подкрепления», т.е. системы поощрений или наказаний за малейшие отклонения от заданной программы. Этот механизм (особенно его репрессивная сторона) призван обеспечить благонадежность людей, прежде всего молодых, формировать у них ощущение необходимости подчиняться существующим в государстве и обществе нормам, требованиям, которые отображают интересы господствующей элиты.

Технократические концепции особенно внимание уделяют тому, чтобы, опираясь на систему «подкрепления», создать видимость добровольного подчинения личности этим требованиям и тем самым добиться «гармонии» между сознанием индивида и общества. Однако саму эту «гармонию» они объясняют как служение абстрактно-общим идеалам государства и нации в ущерб личным интересам, а ощущение ответственности личности проявляется как выражение лояльного отношения к ценностям общества и атрибутам власти. Идеи технократических концепций образования и воспитания нашли свое практическое выражение в разных формах «модификации поведения», которые чаще всего носят репрессивный характер. Эти методы «воспитания» и образования активно внедряются в учебные заведения США и Великобритании. Нет потреб-

ности доказывать, что воспитание, которое использует такие методы, приобретает характер планируемой господствующим классом отрасли «человекостроительства», уподобляется дрессировке людей, которые освобождаются от моральных мотивов и критериев [4, 185].

Социально-критическое направление и связанные с ней концепции берут свое начало еще из 1970-1980-х гг. в социально критических исследованиях П. Фрейре, Г. Маркузе, Ч. Рейча, И. Иллича, Д. Деви, К. Лича, Р. Ликтмена, Р. Якоби и пр. Используются также некоторые наработки Ж. Делеза, Ф. Гваттари, М. Фуко, Ж. Лакана.

Методологические принципы в исследованиях данного направления опираются на критическую теорию социальных исследований и сформированную на ее основе социальную философию глобалистики, в частности, в концепциях «социальной делиберативности», «общественной субсидиарности», либертарного комунитаризма, согласно которой субъект и объект является взаимодействующими факторами в среде совокупности всей общественной практики на институциональном уровне данного этапа ее исторического развития. В настоящий момент это междисциплинарное направление возглавляют философы, политологи, экономисты, культурологи Д. Келлнер, Р. Ликтмен, Р. Якоби, П. Орбан, Д. Купер, А. Яппе, А. Бадью, М. Дебез, Г. Мьери, С. Жижек, Р. Курц, И. Бенджамин, М. Букчин, П. Кокшотт, А. Котрелл, Р. Даннеман, Р. Штольц, Е. Логоф, С. Миллер и пр.

Общее, «конвергентное» в идеях этих мыслителей, которые могут быть применены для преодоления экономико-политических и социально-психологических кризисов современности, это, прежде всего, просвещение и рационализм, проблема отчуждения, фетишизма и ошибочного сознания. Они исходят из того, что ошибочные формы нашего сознания являются необходимым проявлением отчужденного общества. Иллюзии возникают тогда, когда субъект ощущает свою деятельность как отделение от своего собственного контроля, как проявление социального отчуждения. Как отмечает Р. Ликтмен: «Невозможно адекватно охватить жизнь человека без сосредоточенного учета взаимосвязей между пониманием Фрейдом репрессивного бессознательного и открытием Марксом фетишизма социально-экономических структур» [10, 10]. Необходимо учитывать тот факт, что сознательное и бессознательное является не только сферами индивидуально-естественного, но и социально-исторического бытия человека. Бессознательное является выражением сверхперсонального отчуждения людей и совмещается с марксистской концепцией фетишизма и овеществления. Р. Ликтмен обнаруживает в психоанализе раскрытие индивидуально-репрессивного, а в марксизме – социально-структурного бессознательного, которое является следствием репрессивного общественного угнетения [10, 205]. Социальная структура детерминирует индивидуальную репрессию; взаимосвязи между репрессивным бессознательным и структурным являются диалектическими. Каждое из них обуславливает и определяет другое.

Бессознательное не следует отождествлять только с определенной совокупностью психических процессов. Оно характеризует также некоторые формы социального сверхиндивидуального поведения людей, развития и функционирования культуры и социума (нормы и стереотипы, идентификация, наследование, социально-культурные мифы и тому подобное) [7, 184]. Поэтому, вместе с понятием «психическое бессознательное» представляется необходимым выделить и «социальное бессознательное». Оно является такими формами культуры, поведения и познания, влияние которых актуально не осознается и не контролируется людьми. Бессознательное в своей основе детерминировано обществом, которое порождает иррациональные страсти и наделяет своих членов разнообразными выдумками, превращая таким образом истину в пленницу порочной рациональности. Репрессивное бессознательное в своей основе является социальным. Фундаментальные противоречия индивидуальной социальной жизни возникают в результате иррациональности социальных структур.

«Структурное бессознательное» является распадом отчужденной системы общественных отношений, которые были конституированы капитализированной реальностью и идеологией. «Репрессивное бессознательное» – это резервуар биологических влечений, которые возникают в результате непримиримых конфликтов между скрытой капитализированной реальностью и действительностью, видимостью. Структурное и репрессивное бессознательное находятся в неразрывном единстве, зеркально отображаясь друг в друге. Тем самым бессознательное проявляется не только в качестве биолого-психической, но и в качестве социальной реальности. В “демистификации” и реконструкции социальной жизни достижения марксизма состоят в выявлении идеологии и ошибочного сознания с помощью концепции товарного фетишизма, раскрывая то, как отношения между людьми принимают видимость отношений между вещами, что, в свою очередь, порождает разнообразные иллюзии, деперсонифицированное представление о человеке. Психоанализ же, в свою очередь, устанавливает, что глубинные конфликтные социальные структуры маскируются с помощью феноменальных форм индивидуальной жизни, мистифицируя (отчуждая) глубинную изначальную сферу бессознательного. Критический, “негативный” социальный психоанализ исследует субъекта, субъективность которого угнетается обществом и государством; определяя, что эксплуатация парализует личность как активную историческую силу. “Негативный психоанализ знает лишь негативные взаимосвязи; он рассматривает психические формы, которые отклоняли и разрушали историческое и классовое сознание” [7, 98].

В значительной мере это является связанным с явлением т.н. «социальной амнезии» – процесса потери общественной памяти как некоторой социальной болезни. Это одна из разновидностей отчуждения, репрессии, которые общество осуществляет над своим собственным историческим,

интеллектуальным прошлым, идеологией, духовной культурой. Причиной этого и яркой особенностью является т.н. “корпоративное государство” – продукт сочетания финансово-промышленных и торговых корпораций с политической властью государства. Она воплощает в себе специфическую форму рациональности, которая является индифферентной ко всем вопросам о смысле и ценностях человеческого существования. Данная особенность превращает корпоративное государство в антигуманную силу. Рациональная, однако неподконтрольная человеку, система государственной власти эксплуатирует и, в конечном счете, разрушает природу и сущность человека. Социальная амнезия возникает как процесс разрушения социальной памяти, которая существует в обществе в виде коллективного опыта человечества, замены его тотальностью господства идеологии. Социальная память является не просто хранилищем знаний и духовной культуры, а активным процессом отбора информации по уровню полезности ее для прогресса человечества, храня, в первую очередь, ценный опыт предыдущих поколений, их достижения в духовной и материальной жизни, в науке и технике, искусстве и мировоззрении. В условиях антагонистичного общества усиливается и углубляется процесс разрушения социальной памяти, который оказывается в разных формах отчуждения личности в обществе и семье.

В любой социальной революции всегда есть момент контрреволюции, поражения, возобновления власти и господства, который связан с существованием в самом человеке бессознательных иррациональных сил, которые препятствуют возможности его освобождения от пут социального, экономического и психического отчуждения.

При том, что в конечном счете существующие на Западе социально-философские, социально-психологические концепции образования, общественного воспитания и педагогики нацелены на формирование и воспитание человека, или интегрированного в ту или иную общественную систему (с разным уровнем свободы личности и самоорганизации общества, – в зависимости от ценностных установок той или иной концепции), или, даже того больше, – лояльного к существующему строю, между ними есть, однако, отличия как в понимании тех моральных качеств личности и характера ценностной ориентации, которые необходимо у нее сформировать, так и в методах достижения основной цели воспитания и образования.

Считаем целесообразным придерживаться данного типа классификации, во-первых, потому что он более адекватно отображает состояние философии образования и воспитания в западных странах, тем более что практически нет ни одной концепции, представители которой воплощают идею лишь одного социально-философского или аксиологического течения. Во-вторых, такая классификация позволяет более рельефно очертить социальное лицо существующих школ и направлений философии воспитания и образования, раскрыть противоречия между ними по тем или иным

вопросам. Наличие последних, конечно, не исключает общности методологических основ западной системы воспитания и образования, критически проанализировать которые мы и попробуем дальше, для чего и обратимся к характеристике обозначенных направлений социально-философских концепций образования и воспитания.

Принимая во внимание возможный диалог с представителями зарубежной мысли по вопросам образования, воспитания, менеджмента обучения, а также влияние на сознание масс тех или иных их направлений, при анализе, классификации последних нам кажется важным учитывать и следующий момент: исходят ли сторонники данного направления из позиций гражданского общества, гуманизма, отстаивания прав и достоинства личности, согласования интересов индивида, группы, социума, государства.

Или же, наоборот, поддерживают и обосновывают своеволие индивидуалистического эгоизма или тоталитарного унификационизма, идеологического конформизма, которые маскируют не формальное своеобразное толкование личности, а в реальности – деструктивные или репрессивные интерпретации социального развития, воспитания и образования, свободы и справедливости.

Литература

1. Д'юї Дж (J. Dewey). Демократія і освіта. Львів: Літопис, 2003. 289 с.
2. Barrow R. Moral Philosophy for Education. N-Y. – Boston - London: George Allen and Unwin, 2011. 367 p.
3. Combs A. Humanism, education and future. Boston: Educational Leadership, 1988. 301 p.
4. Dennety R. Education, vocationalism and democracy. N-Y.: The Macmillan Co. Thought, 2002. 195 p.
5. Dent N. Moral Philosophy Virtues. Cambridge (Mass.), 1994. 431 p.
6. Harris K. Teachers and Classes. A Social Analysis. Edinburgh: Education Press, 2002. 216 p.
7. Jacoby R. Social Amnesia: A Critic of Conformist Psychology. Boston: Campus Politics, 2005. 219 p.
8. Kellner D. Critical Theory, Marxism, and Modernity. Cambridge: University Press, 1989. 288 p.
9. Kellner D. Technological Revolution, Multiple Literacies, and the Restructuring of Education. NY: Routledge, 2002. 240 p.
10. Lichtman R. The Production of Desire: The Integration of Psychoanalysis in to Marxist Theory. New York: The Free Press, 2002. 482 p.
11. O'Hare P. Education for Peace and Justice. San-Francisco: Hackett Publishing Co, 2003. 190 p.
12. Sloan D. Education and Values. London - New York: Routledge, 2009. 261 p.

Гражданское воспитание и система образования как институциональная социально-экономическая и педагогическая модель «общественного производства», модификации поведения и «технологии управления»

С самого первого дня своего рождения и до смерти человек находится под неуклонным присмотром общества. Основу общества и общественного бытия составляют экономические или производственные отношения. Но, по мнению большинства социологов и философов XX-XXI вв., в обществе в течение тысячелетий складывались и другие, не менее важные законы и отношения, которые безукоризненно „руководят” действиями человека, – это моральные ценности. Таким образом, экономика, мораль и политика в современном постиндустриальном обществе переплелись настолько тесно, что их просто невозможно оторвать одну от другой. Ведь в наше время „человек как личность” и „человек как гражданин” определяют два магистральных направления прогресса человеческого бытия:

- 1) направление развития „внутреннего мира” человека - формирование новых морально-психологических принципов бытия;
- 2) направление развития „внешнего мира” человека - формирование новых экономико-политических и социально-психологических принципов бытия.

Социальная педагогика и социально-управленческая концепция необихевиоризма, как модель экономико-социальной деятельности, которая прежде всего базируется на идеях бихевиоризма Б.Скиннера стала методологической основой для оформления технократических концепций менеджмента, социально-экономической деятельности, общественного развития, занимающих доминирующие позиции в развитых индустриальных странах, особенно в США. Она опирается главным образом на концепцию «технологии поведения» основателя современного бихевиоризма Б. Скиннера и в целом на бихевиористскую психологию. Идеи необихевиоризма в их непосредственном применении к проблемам образования и воспитания разделяет группа экономистов, философов, педагогов, психологов, представленная Е. Морисом, М. Блэком и другими. Сторонники этого направления отвергают саморазвитие личности как главной цели образования и воспитания, видя в этом одну из главных причин социального и морального кризиса. Они исходят из установки, что человек – это обучаемо-модифицируемое существо, именно в процессе обучения вырабатываются все нормы его поведения. Эффективность же обучения достигается внедрением в систему формирования и воспитания достижений науки и техники, эксперимента. Таким образом, создается видимость строго „научного”, рационалистического подхода и обеспечивается влияние этих концепций среди определенных кругов общества, в том числе научной интеллигенции.

Менеджмент, образование и воспитание при таком подходе подчинены сугубо утилитарной цели, прежде всего повышению производительности

труда, а также приобретению навыков для усвоения нравственных норм, установок социальной среды и строгого, беспрекословного подчинения этим установкам. Как главное средство реализации такой социально-экономической и психо-педагогической программы выступает жесткий контроль со стороны государства, социальной среды с помощью механизма „подкрепления”, т.е. системы поощрений или наказаний за малейшие отклонения от заданной программы. Этот механизм (особенно его репрессивная сторона) призван обеспечить благонадежность людей, прежде всего молодежи, сформировать у них чувство необходимости подчиняться господствующим идеологемам, нормам, требованиям, которые довольно часто (особенно в обществах транзитивного, или переходного типа, к которым относятся Россия и Украина), отражают интересы исключительно правящей элиты. Технократические концепции особое внимание придают тому, чтобы, опираясь на систему «подкрепления», создать видимость добровольного подчинения личности этим требованиям и тем самым достичь „гармонии” между сознанием индивида и общества. Однако саму эту „гармонию” они истолковывают лишь как служение абстрактно-общим идеалам государства, нации в ущерб личным интересам, а чувство ответственности личности – лишь как проявление лояльного отношения к идеологическим или традиционалистским ценностям общества и атрибутов власти. Идеи экономико-психологических технократических концепций нашли свое практическое воплощение в различных формах „модификации поведения”, которые чаще всего носят явно или опосредованно репрессивный характер. Эти методы образования и воспитания внедряют и в систему административного и производственного менеджмента, социального управления, воспитания, образования, организации и предприятия, учебные заведения. Нет нужды доказывать, что менеджмент, образование, воспитание, которые используют такие методы, приобретают характер планируемой господствующим классом отрасли „человекостроительства”, уподобляются социально-экономической дрессировке людей, которых освобождают от моральных мотивов и критериев [12, 185].

Но технократический подход к человеку и его социо-экономической сущности по-разному воспринимается теоретиками и практиками. В академических кругах, включая специалистов в отрасли поведенческого управления, производственного менеджмента, философии образования и воспитания, технократические идеи в значительной степени поддаются достаточно резкой критике. Что же касается непосредственно процессов управления, образования и социального воспитания, то там все еще широко применяются поведенческие нормы и техника «подкрепления», сформулированные бихевиоризмом. Дело в том, что методы модификации поведения в стиле „производственной регуляции” очень удобны для формирования людей с предварительно заданными способностями, эконо-

мическими стереотипами и политическими стандартами, моральными качествами, с определенными сформированными настроениями, готовыми верно служить власти и правящей элите. Этот фактор является особенно актуальным для обществ посттоталитарного „переходного типа”, в развитии которых постоянно существует опасность трансформации в репрессивную олигархически-клановую систему с иллюзорными, декларативными „правами человека” и неразвитым гражданским самосознанием. Кроме того, эти методы используются структурами власти, консервативными социальными институтами для контроля за инакомыслящими, для приспособления их поведения к требованиям того или иного типа общества, экономической и политической системы. Если возникает разлад между личностью и социально-экономической средой, то они – власть, консерваторы из числа сторонников необихевиоризма – стремятся скрыть его истинную сущность и утверждают, что все сводится к поведенческой проблеме, которую является возможным решить путем новой процедуры («подкрепления»), – пишет американский эксперт по вопросам менеджмента образования и воспитания К. Боуерс [5, 43], раскрывая социальное содержание использования идей необихевиоризма в общественно-экономической практике. Соглашаясь с мнением Боуерса, профессор Иллинойского университета У. Файнберг отмечает, что влияние идей бихевиоризма на общественную, экономико-политическую систему объясняется не только их истинностью или научностью. Он „обусловлен тем, что бихевиоризм создает общие, интернациональные нормы и процедуры, которые имеют существенное значение для воссоздания социальных ролей, определенных современными корпорациями, капиталистическим государством” [7, 123].

Сторонники технократического психо-педагогического подхода к экономической и социальной деятельности подчеркивают наличие глубокого психо-морального кризиса современной цивилизации. Его проявление они видят в отсутствии дисциплины, в безразличии людей к общему государственному и социальному благу. Вину за падение этих качеств они во многом переносят на авторов завоевавших популярность концепций образования и воспитания, в основе которых находится установка на самореализацию личности, на удовлетворение ее разносторонних потребностей (экзистенциализм, позитивизм и проч.). Эти концепции лишены, по их мнению, научного подхода к пониманию экономико-социального и государственнического (т.н. «государствоцентрированного») поведения. Чтобы изменить существующее положение вещей, сторонники необихевиоризма считают необходимым создать систему управления, образования и воспитания, подконтрольную интересам современного государства, индустриального общества, социального и культурного развития, реализации заданий научно-технической революции. «Общество всегда подчеркивало зависимость своего благополучия от жизненной и

эффективной системы воспитания. Школа должна приостановить деградацию общественной жизни и пробудить в людях чувство взаимного доверия и сотрудничества» [6, 76]. Но для этого система менеджмента, образования и воспитания должна опираться на науку, на широкий круг знаний о человеке, использовать современные методы исследования его интересов, потребностей, способностей, факторов, детерминирующих его поведение. Кроме того, внедрение научных методов в сферу управления, образования и воспитания должно иметь четкую направленность, ценностную установку. Сторонники необихевиоризма, напротив, пытаются освободить процесс образования и воспитания от ценностных подходов, подчинив его т.н. «рациональному мышлению». Это побуждает их ориентироваться на теорию Б. Скиннера, главным компонентом которой является механизм контроля и самоконтроля, нацеленный не на всестороннее развитие личности, а на воспитание социально послушных людей. Опасным результатом практического воплощения данных идей может стать не только формирование социально толерантного лица, но и «одномерного» некритического индивида, который идентифицирует свое мышление и поведение с существующим политико-экономическим режимом.

Обратив внимание на наличие негативных последствий научно-технической революции, с которыми встречается человек в современном мире, в том числе на разные формы подчинения личности, ее свободы, необихевиоризм видит источник этого зла в самом человеке, будто бы сильно иррационального по своей натуре. Проявлением его крайнего индивидуализма является, по Скиннеру то, что он не интересуется ни ближними, ни дальними, отказывается от всех завоеваний человечества и не думает о будущем. Но он одержим одной идеей – вроде бы он имеет свободу и достоинство. Отсюда и убежденность необихевиоризма, что решение всех тяжелых современных проблем следует искать не в сфере производства или социальных отношений, а в сфере поведения. Основные проблемы, с которыми встречается мир сегодня, мол, могут быть решены только при условии улучшения человеческого поведения. Для этого необходимо создать специальную науку о поведении, которую Скиннер называет „технологией поведения” [9, 62]. В ее рамках необихевиоризм пытается разработать такой подход к человеку, который позволит программировать поведение и управлять общественной жизнью, которая приведет к созданию „эффективной цивилизации”, где люди, наконец-то будут счастливы. Два положения «технологии поведения» сыграли первоочередную роль в качестве методологических предпосылок технократических концепций образования и воспитания: понимание Скиннером человеческой природы и его теория подкрепления. Для создания науки о поведении, заявил Скиннер, необходимо отказаться от донаучного взгляда на природу человека, характерного для современной флоральной Америки и вообще евро-атлантической цивилизации: „по ту сторону

свободы и достоинства”. Скиннер (и необихевиоризм вслед за ним) отбрасывает любую систему этики, провозглашая ее ненаучной. Свою цель он видит в том, чтобы с помощью „бихевиористской инженерии” сконструировать „управляемого индивида”, достаточно удобного „тотальному обществу”. Вот почему Скиннер и необихевиоризм отказались от принятого в этической науке понятия свободного выбора индивидом поступков, как вроде бы не соответствующих природе человека, предложив заменить их понятием „формируемые автоматические навыки”. Последние, по их мнению, не только эффективны с точки зрения контроля над поведением личности, но и увеличивают шансы на выживание современной цивилизации. На основе этого вводится в теорию необихевиоризма еще одно понятие – „автоматически правильное поведение”, которое пытаются положить в основу разных моделей социальных, экономических и политических действий, соответствующих интересам общественных манипуляторов и контролеров. „Утопию Скиннера представляется возможным назвать поздним рецидивом репрессивной тоталитарной псевдонауки, если бы, к сожалению, она не находилась в согласии с настроениями определенных социальных групп нынешнего общества” [4, 81-82] – пишет американский социолог Д. Бенсон. Освобождая человека от морали, эта теория способствует усилению морального кризиса в современном индустриальном обществе.

Идеи Скиннера импонируют тем представителям научной и общественной мысли, экономической и политической практики, которые пытаются их использовать для формирования необходимых государственно-общественной системе идеологических стандартов и норм поведения. Американский философ Г. Уиллер оценил теорию Скиннера „как важный вклад в психологию и социальную науку за последние 50 лет”, считая, что „она может служить научным критерием для оценки социального содержания внедрения оперантного поведения в общественную практику” [12, 234]. Одной из сфер общественной практики, где „технология поведения” находит широкое приложение, как раз и есть менеджмент разного уровня и форм, сфера образования и воспитания. Сторонники внедрения идей Скиннера в сферу управления, образования и воспитания видят в них важный фактор не только установления в государстве, обществе строгого порядка, но и развития свободы личности. Эту мысль отстаивает, в частности, американский исследователь В. Петтерн. Он оценивает контроль за поведением людей с помощью идей необихевиоризма как строго научный, нейтральный в моральном отношении, и потому достаточно ценный, способный обеспечить порядок и свободу, как для общества, так и для личности. По мнению Петтерна, с помощью такого контроля является возможным решить важные гуманистические проблемы. Идеи необихевиоризма используются как для обоснования принципов менеджмента, образования, воспитания, так и для разработки методов их внедрения. И в

том и в другом случае сторонники жесткого контроля за поведением людей являются настолько тесно связанными с бихевиоризмом, что в своих теоретических настроениях четко следуют его терминологии. Например, В. Петтерн особенно подчеркивает, что понятие социального контроля, введенное Скиннером, должно занять ведущее место в менеджменте и теории образования/воспитания, поскольку только с его помощью можно указать людям, как они должны себя вести в обычной ситуации. „Общий порядок вещей может изменяться, но само поведение, воспитанное с помощью социального контроля, должно быть по своему характеру императивным” [8, 54]. Но тем самым концепции менеджмента, воспитания, образования, которые опираются на идею жесткого контроля за поведением, утрачивают свою специфику по сравнению с психологией и этикой бихевиоризма. Это можно проследить прежде всего по тому, как определяется основная цель образования и воспитания.

Следуя тезису Скиннера о том, что современное общество должно опираться на „рациональное мышление”, сторонники технократических концепций ориентируются на формирование и воспитание человека, идеал которого отвечал бы требованиям индустриального общества. Путем влияния на разные слои психики человека они стремятся воспитать не целостную личность, а сциентистски-ориентированного, технически образованного человека, которому суждено остаться инфантильным в вопросах общей культуры и морали. Невзирая на высокий уровень профессиональной специализации, такой человек не способен к самостоятельным размышлениям над социальными и моральными проблемами, он легко поддается давлению со стороны социальной среды. Его эмоции, чувства сурово подчиняются диктату ума и используются в качестве средства интенсификации производственной деятельности, повышения уровня его строго технического мышления. Сторонники технократической ориентации придерживаются точки зрения, что семья, средние и высшие учебные заведения не должны вносить какие-то существенные изменения в сложившуюся систему образования и воспитания. Этим институтам они отводят лишь функцию передачи господствующих ценностей, осуществления социализации личности с целью интеллектуально и морально воспитать граждан, способных плодотворно функционировать в обществе, отвечая представлением технократов о „хорошем гражданине”. Это должен быть гражданин, „процветающий и поддерживающий систему, принимающий права и обязанности демократического общества, патриот своей общины, штата, государства” [12, 52]. Из этого выходит, что все институты, осуществляя власть, образование и воспитание, должны приспособливать личность к идеологемам государства, нормам и стандартам общества, воспитывать ее в духе идеи высшего блага, служения социуму, государству. Таковую ориентацию они противопоставляют „самореализации” личности, видя в этом одну из главных причин мораль-

ной деградации индивида и общества, проявления эгоизма и безразличия к интересам других людей и обществу в целом.

Изменение моральных ценностей в XX-XXI вв. происходит в направлении смягчения нормативной базы общества. Человек постепенно освобождается от многих социальных обязательств, которые были возложены на него в течение многих веков. Да и мыслители призывают современное общество к лояльности по отношению к человеку. В частности, Р. Рорти отмечает, что мы должны избавиться от понятия универсальных моральных обязанностей, а обратиться к интересам человека [11, 43]. Но свобода действий человека в постиндустриальном обществе вовсе не снимает с него ответственность перед обществом. Чувства ответственности удерживают человека от нежелательных намерений. Но эти чувства возникают только при условии действия „принципа справедливости как честности”. „Принцип справедливости как честности” был предложен Дж. Роулзом. Он в своих произведениях исследовал сложный спектр факторов, которые обеспечивают механизм социального равновесия в обществе. По мнению Дж. Роулза, в современном постиндустриальном обществе „принцип справедливости как честности” реализуется на двух уровнях – этическом и политическом [3, 93]. На каждом из этих уровней определенным образом защищается достоинство человека. Но, если на первом уровне защищается достоинство человека как личности, то на втором – достоинство человека как гражданина. Но, отстаивая нормативность вместо «абсолютной свободы» поведения личности, сторонники технократической ориентации совсем не имеют в виду воспитать у человека сознательное отношение к нормам и принципам морали, которое включает понимание объективной основы этих норм и принципов, их морального и социального содержания, а также способность к их самостоятельной оценке. А для этого у человека должно быть сформировано и воспитано умение различать сущее и должное, поиск путей подтверждения тех норм поведения, которые способствуют установлению гуманных отношений между людьми. Однако в технократических концепциях образования и воспитания иногда ориентация на ценностный подход к поступкам и явлениям подменяется требованиями адаптации личности к существующим политическим, идеологическим и моральным нормам. А для адаптации не обязательны сознательные размышления по поводу характера этих норм и тех последствий, какие они могут иметь для личного и общественного блага. Единственный аргумент, который может быть использован в качестве „доказательства” необходимости и целесообразности адаптации личности к существующим нормам, – это страх перед моральным кризисом, корни которого, как уже отмечалось, технократы-необихевиористы видят только в свободе личности.

Для осуществления адаптации личности к социальной системе они считают необходимым воспитание у нее определенных моральных качеств, и

в первую очередь, чувства ответственности как главного условия жизнестойкости социальной системы. Особенное значение предоставляется ответственности и дисциплине в процессе труда. Соответственно, теоретики необихевиористского технократизма рекомендуют приучать молодежь в средних и высших учебных заведениях к соблюдению суровой дисциплины, воспитывать у нее привычку к настойчивому труду, к решению трудных заданий, чтобы каждый смог в будущем отвечать определенному месту в обществе. Без сомнения известно, что наличие этих качеств является необходимым для любого специалиста, где бы он не работал. Современный уровень научно-технического прогресса требует от работника не только высокой квалификации, но и понимания того, что наименьшее отступление от технологии производства, от выполнения своих функций, нарушения общественной дисциплины и техники безопасности могут нанести непоправимый убыток как предприятию, так и обществу. Важно, чтобы воспитание этих качеств не было формальным, «данью» требованиям среды, подкрепляемой страхом наказания. Они должны быть неотъемлемым атрибутом моральной сущности человека, внутренним, а, следовательно, свободным императивом его действий. Сторонники же необихевиористской концепции считают иначе. Например, определяя „ответственность” как добровольное следование индивида требованиям и нормам социальной среды, они, однако, не связывают ее с уровнем сознания личности, с ее целями, идеалами, без чего просто невозможно добровольное, сознательное отношение человека к общественным требованиям [9, 75].

По сути дела, ответственность сравнивается технократическим мышлением с послушностью, подчинением диктату. Но в этом случае она теряет моральное содержание, потому что человек больше рассчитывает на инстинкт самосохранения, чем на ум. Конечно, ответственность является особенно важной в сфере производственной деятельности, тем более в период научно-технической революции. Может складываться впечатление, что, обращая внимание на эту проблему, сторонники технократического подхода выражают важную идею о связи образования и воспитания с трудом, о моральном значении труда. Но отношение к труду лишь тогда приобретает настоящее моральное значение, когда человек добросовестно трудится не только ради удовлетворения собственных потребностей, но и ради общества, ради общего блага. Но таким не может быть отчужденный труд. Демократические социально-психологические условия в обществе, государстве и экономике могут быть созданы благодаря моральной психологии. По мнению Дж. Роулза, моральная психология – это не психология, которая начинается в науке о человеческой природе, а такая моральная психология, которая выводится из политической концепции справедливости как честности. Когда же необихевиористские сторонники технократического менеджмента, образования и воспитания говорят о

необходимости развивать активную деятельность человека, особенно в сфере производства, их не обходят интересы каждой личности, огромной массы индивидов и групп, а лишь интересы той или иной социальной системы, государства в целом, потребности современного индустриального общества, которые нуждаются в постоянном повышении производительности труда. При этом образование и воспитание не должно афишировать настоящее значение и цели качеств, которые формируются у учащихся и воспитанников. Более того, оно призвано отделить мотивы необходимости повышения производительности труда человека, как и в целом его активности, от него самого. И осуществлять эту цель авторитарной системе менеджмента, образования и воспитания помогает необихевиористская концепция, которая приучает людей «рассматривать свою активность как действия, которые заказные социальной системой в строгих бихевиористских понятиях» [4, 112].

Реализация цели власти, системы управления, образования и воспитания, которая сводится необихевиоризмом к манипулированию людьми, нуждается в соответствующих методах, в качестве которых появляются разные формы тренировки, модификации поведения, опирающиеся на факторы подкрепления. С этой целью для процесса образования и воспитания разработаны специальные методы поощрения и наказания, с помощью которых в конечном итоге достигается основная цель – формирование послушных людей. Это задание должны решать администрация и менеджеры, преподаватели, которые являются главной фигурой в системе модификации поведения. Тот, кто становится управленцем, учителем, воспитателем, не только имеет право, но и обязан модифицировать поведение подчиненных ему. Например, дети приходят к школе, не имея необходимых социальных и познавательных навыков для производительного функционирования в кругу взрослых, считает система необихевиоризма. В учащихся и воспитуемых сторонники бихевиористской системы видят только индивидов, которые поддаются манипуляции, не принимая во внимание их внутренний мир, их индивидуальные особенности. Они считают необходимым объяснять внутренний мир человека в терминах социального подкрепления, заменяя там, где это только возможно, потребности человеческой души разного рода санкциями. Поэтому в любом расстройстве между личностью и социальной средой необихевиористы видят лишь поведенческую, а не социальную, экономико-политическую проблему, которую, как они считают, можно решить путем формирования новой процедуры подкрепления. Процесс управления, образования и воспитания, который развивается согласно рекомендаций сторонников необихевиоризма, ориентирован на то, чтобы создать атмосферу безличностных отношений и все знания, нормы поведения направить по пути, который бы полностью исключал возможность для людей осуществлять самоконтроль над характером получаемых требований, знаний и

модусом своего поведения. Управленцы-необихевиористы главным образом работают над тем, какими же средствами предоставить всему процессу модификации поведения научный характер. И наука при этом превращается в оружие власти, в средство разрушения личности. Менеджер, учитель берет на себя роль безликого технократа, который вроде бы просто опирается на науку для выявления того лучшего, которое заложено в каждом. Но эта идейная позиция старательно скрывается. Субъекты осознают лишь связь между его установками как фигуры, которая имеет бюрократическую власть, и поощрениями со стороны общества.

Модификаторы поведения хотят охватить своим контролем как можно более широкий круг людей, чтобы обеспечить его эффективность с точки зрения их превращения у бездумных автоматов, принимающих в качестве неизменного и необходимого существующие закон и власть. Сущность контроля сводится к тому, чтобы произвести у человека определенную психологическую установку, готовность под страхом наказания приспособиться к любым требованиям социально-политической и экономической системы, подавить у них желание самовыражения, сформировать конформное поведение. Такое управление, образование и воспитание не просто похоже на социальный механизм, с помощью которого осуществляется контроль над знаниями и отношениями между людьми. Имеется в виду такой мощный контроль, который охватывает все сферы жизни индивидуумов, в силу чего отношения между людьми становятся внеличными и потому сугубо механическими, корыстными, даже жестокими. Объективные моральные нормы, правила, выработанные человечеством, при этих условиях полностью отчуждаются от личности. Естественно, что прогрессивные представители в области экономического и социального менеджмента, общественной мысли, протестуют против разработки технологических приемов и методов влияния на человека и внедрение их в управленческий процесс, справедливо усматривая в этом фактор расширения условий и форм манипулирования человеком, его поведением.

Современное индустриальное общество – это общество, которое постоянно обновляет свою технологическую базу. Но технические и научные открытия, по мнению Д. Белла, осуществляются не ради простого человеческого интереса, а преимущественно для подготовки материальной базы общества к завоеванию им новых социальных вершин. Именно поэтому модель социальной реальности постиндустриального общества и сформировалась на принципах понятия „социальная технология”. Это понятие возникло с целью прогнозирования новых форм или новых технологий социальной организации, что получило название „социальная модернизация” общества [2, 13]. Социализация человека творческого происходит как на профессиональном уровне, так и на уровне общих коммуникативных связей. Ведь, по определению Д. Белла, постиндустриальное общество – это общество, которое основано на „игре между

людьми, в которой на фоне машинной технологии растет технология интеллектуальная” [1, 157]. Все-таки не нужно считать, что раскрывая манипулятивную направленность технократических концепций, тем самым вообще отрицается значение факторов социального подкрепления (поощрение и наказание поступков людей) как одного из элементов влияния воспитательных институтов на поведение личности. Но позитивное значение социального подкрепления, во-первых, является связанным с той целью, которой оно должно быть подчиненным, – со стремлением к моральному росту личности и общества. Цель деятельности должны четко осознавать как управленцы, воспитатели, так и управляемые, воспитуемые. Во-вторых, эффективность социально-экономического подкрепления зависит от степени доверия и уважения личности к властным, управленческим и воспитательным структурам, институтам общества и конкретным людям, которым общество доверило осуществлять управленческий процесс. Человек в детские, а позже и в юношеские годы на своем личном опыте проверяет большинство социальных норм и экономических стандартов, которые ему предлагает общество. Он не может смириться с теми нормами, которые ограничивают его право на свободу личной жизни. В будущем развитом демократическом обществе должны быть найдены более прогрессивные формы отношений между человеком и обществом, государством, экономическим устройством и психическими ориентирами; человек в XXI в. должен не слепо подчиняться общим правилам поведения, а принимать активное участие в процессе социально-экономического творчества.

Литература

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования [Текст] / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
2. Матвієнко В. Соціальні технології. К.: Українські пропілеї, 2001. 446 с.
3. Роулз Дж. Політичний лібералізм. К.: Основи, 2000. 575 с.
4. Benson D. Immoral America: beyond Freedom and Dignity. New York: Caplan A.Z. Press, 1991. 208 p.
5. Bowers C.A. Emergent ideological characteristics of educational policy. Boston: College Record, 1997. 317 p.
6. Clement St. Handbook of education technology. London: Steven Hackbarth Books, 1994. 284 p.
7. Feinberg W. Behavioral theory and education. Boston: Prentice-Hall, 1994. 467 p.
8. Pattern V. Social control and human engineering: A framework for humanistic decision. Bangor: University Press, 1991. 227 p.
9. Skinner B. History and Human behavioral. New York: Macmillan, 1985. 461 p.

10. Skinner B. Science and Human Behavior. New York: Appleton-Century-Crofts, 1990. 341p.

11. Scoot L. International of norms. Harvard: The Harvard International Press, 2001. 219 p.

12. Wheeler H. Beyond the Punitive Society. San-Francisco: Hackett Publishing Co, 1983. 301 p.

Инструменталистский прагматизм, общественное развитие и неопрагматистская модель социального менеджмента

Одним из немногих исследователей XX в., которые обратили пристальное внимание на проблемы менеджмента и психологии воспитания в экономике, социуме и педагогике, был Дж. Дьюи – систематизатор концепции американского прагматизма, создавший его инструменталистскую версию. Именно его психологическая, философская, управленческая и педагогико-этическая доктрины стали методологической основой весьма влиятельного направления в педагогическом и производственном менеджменте, философии воспитания, выходя на уровень сферы государственного и социального управления.

«Самые глубокие стороны духовной сущности человека определяются тем, как он относится к проблемам поведения» [1, 51] – писал Дьюи, считая крайне важным психологическое, управленческое и философское осмысление этих проблем. Более того, интегративно-комплексно философию и менеджмент вообще он широко понимал как «общую теорию воспитания, цель которой – реконструкция или реорганизация опыта, который усиливает способность направлять ход следующего опыта» [9, 89-90]. Основную задачу будущей реконструированной концепции он видел в том, чтобы «разъяснять людям идеи, касающиеся как моральных, так и социальных конфликтов повседневной жизни, и тем самым, по возможности, стать органом решения этих конфликтов» [9, 20]. Таким образом, концепция психологии и менеджмента предстает у Дьюи средством восстановления, продолжением социальной жизни во всех, в том числе и в сугубо экономико-политических и государственных сферах.

С именем Дьюи на Западе долгое время ассоциировалось философское и педагогическое обоснование прогрессивного развития системы общественного развития и управленческого воспитания. Это было связано, во-первых, с заявленной им (наряду с другими философами конца XIX – начала XX в.) позицией о необходимости перейти от формализма в оценке поведения людей, характерного для классической этики и рационального менеджмента, к телеологии. Речь шла об оценке поведения не с точки зрения того, насколько оно отвечает неизменным, «вечным» нравственным принципам, а с точки зрения тех практических результатов, какие поступки людей вносят в достижение поставленной цели. Эта цель

понималась по-разному: одни отождествляли ее с развитием самосознания личности, другие – с ее самосовершенствованием или целостностью, третьи – с предельным развитием всех человеческих способностей и т.п. Конечно, само по себе стремление к такому повороту в оценке поведения людей отражало тот факт, что в новых общественных условиях абсолютные принципы, нормы классической этики уже «не работали», требовался более совершенный критерий оценки поведения в условиях постоянно изменяющихся факторов общественной, экономико-политической и индивидуальной жизни. Но в своем конкретном проявлении этот поворот знаменовал собой переход на позиции субъективизма и релятивизма.

Осуществляя его, Дьюи не мог не подвергнуть острой критике господствующие формальные методы менеджмента, обучения и воспитания, всю структуру средней и высшей школы с характерной для нее оторванностью от жизни, что также немало способствовало его популярности как сторонника «прогрессивной» системы воспитания, управления и образования [См. 1, 2]. Популярность Дьюи объяснялась еще и тем, что наряду с другими реформаторами он выступил за создание научной системы менеджмента и воспитания, которая опирается на применение «научного метода» к вопросам морали.

Что же это за «научный метод»? Он является неотъемлемой частью общего понимания прагматизмом науки, ее методов, которое, по сути, умаляло значение научной теории. Напомним, что, согласно Дьюи, метод и средства важнее целей и результатов действий людей. Наука имеет дело с конкретными ситуациями или с конкретным опытом, поэтому ее законы лишены общей значимости, они не более чем рабочие гипотезы или инструменты, используемые в опыте. «Теория – это теория практики ... конструкция действия в уме» [1, 43]. Она предлагает ряд подходов, ряд орудий, из которых человек должен какому-то отдать предпочтение при решении возникшей задачи. Но опираться в своем выборе он должен на личный опыт, на свой интерес, намерение.

Процесс выбора теории, по Дьюи, мало чем отличается от того, когда в зависимости от своего намерения сделать что-то конкретное плотник решает взять молоток, пилу или рубанок. Логический процесс также является отбором элементов системы, которые относятся к данному случаю. Этот индивидуализированный отбор и приспособление являются неотъемлемой частью логики ситуации. Таким образом, понятие науки сводится Дьюи к «инструментам», которые произвольно выбираются человеком для приспособления их к своим интересам в данной конкретной ситуации.

С позиций такого общего представления о «научной теории», сведенной к «орудию», необходимого для решения практических задач, Дьюи подходит и к пониманию морали, призванной служить основой менеджмента, обучения и теории воспитания. Как и любая теория, моральная теория является, согласно Дьюи, теорией практики, т.е. идеей того, что

должно быть сделано. Она состоит из повседневных занятий того же обычного разума, который измеряет мануфактуру, вбивает гвозди, продает пшеницу и изобретает телефон. «Разница между идеей ребенка о том, что он должен выучить таблицу умножения ... и широкой моральной теорией – разница не качественного порядка, а лишь в степени анализа практики» [9, 34] Но если от моральной теории не нужно ничего больше, как быть суммой «повседневных занятий обычного разума» и давать человеку навыки, как получать из своих поступков выгоду, то вряд ли правомерно считать ее научной теорией.

Исходя, однако, именно с такого представления о сущности нравственной теории, Дьюи создает новую систему этики. По его мнению, ее новизна, ее научная основа заключается в том, что она строится в связи с фактами, а последние требуют в основном критического направления суждений. Нужно знать, считает Дьюи, какой результат любой психической склонности человека, его влияния на мировоззрение, а затем и на поведение. Выясняя социальную ситуацию, осознавая мотивы своих действий и их последствий, человек строит общие положения, в которых выражается его опыт, связи между обстоятельствами. Эти положения используются и применяются для решения тех или иных проблем в дальнейшем. Постепенно их употребление становится все более привычным, и тогда социальная ситуация принимает определенную форму или организацию: «Подобно тому, как физическая наука привела к организации физического мира, а также в организации практических навыков обращения с этим миром, этическая теория вызовет организацию мира общественных явлений и соответствующую организацию психических привычек, с помощью которых личность связывает себя с этим миром» [9, 246-247].

Как видим, мораль и ее теория у Дьюи не включают каких-либо устойчивых норм, связанных с интересами определенных классов. Более того, Дьюи считает, что тезис о классовом характере морали и этики может служить лишь разрушению общества и нравственности. Различные классы создают, считает он, свои обычаи, которые используются ими в качестве собственной рабочей морали. Каждый класс твердо убежден в правоте своих целей и, следовательно, не слишком щепетильный в отношении средств их достижения. В сфере морали нет никакой общей основы, отсутствует взаимопонимание, согласие в нормах поведения. Никогда ранее, считает Дьюи, не было таких значительных поводов для конфликта, поскольку каждая из конфликтующих сторон находила поддержку в своих моральных принципах. «Разум, который является единственно возможным предвестником примирения, находится в далекой стране абстракций, появляясь уже после происшествия, чтобы дать отчет о совершенных фактах» [9, 249]. Если следовать логике Дьюи, получается, что крепкие моральные нормы, корни которых находятся в реальных отношениях групп людей, служат препятствием для устойчивости общества.

Дьюи отрицает наличие идеалов, отдаленных целей, во имя которых люди, народные массы вступают на путь борьбы. Он стремится создать универсальную этическую систему, которая служила бы каждому человеку независимо от его социального положения, достижению его индивидуальной цели применительно к конкретной ситуации, его личным представлением о благе, справедливости, равенства. Что же касается принципов, норм, правил, которые появляются из социальных обычаев, то они, по мнению Дьюи, есть не что иное, как интеллектуальные инструменты, необходимые для анализа конкретных ситуаций. Но эти инструменты ни в коей мере не выполняют функции моральных норм. Мораль, считает Дьюи, требует специфических методов исследования и изобретений для создания рабочих гипотез, которые способствуют выявлению проблем и зла. Поэтому «прагматистский вклад в логику индивидуальных ситуаций, каждая из которых имеет свое собственное незаменимое благо и принципы, заключается в том, чтобы перенести внимание теории от восторга общими концепциями к проблеме развития эффективных методов исследования» [9, 170].

Дьюи прав, подчеркивая, что, прежде чем принять решение, человек должен разобраться в конкретной ситуации. Нравственная ситуация всегда проблематична, включает конфликт, из которого нужно найти выход. При определении того, каким же образом человек ищет выход из проблематичной ситуации, на что он опирается в своем выборе, Дьюи переносит центр тяжести на человеческий разум. Именно ему отводится функция с помощью своих «инструментов» проанализировать ситуацию, установить, что в ней есть добро, а что – зло, и выработать соответствующий план действий. Причем, согласно Дьюи, добро и зло лишены статуса общих понятий, они уникальны для каждой ситуации. Более того, определение поступков, таких явлений, как добро или зло, зависит только от критического суждения человека о данной ситуации, о том, какой выбор он считает нужным сделать в конкретном случае, не соблюдая при этом каких-либо общих закономерностей. Главное, что, по мнению Дьюи, характеризует сущность выбора, – это возможность, которую отождествляют с желательностью.

Дьюи не случайно заменяет понятие исторической закономерности, необходимости, понятием возможности. Из множества возможностей человек имеет право выбирать ту, которая подсказана ему самой ситуацией и обеспечивает удовлетворение его желаний, получение выгоды. Любое же действие в соответствии с необходимостью, с законами развития объективной действительности Дьюи рассматривает как проявление фатализма, отрицание свободы личности. Но любой выбор, который осуществляется без опоры на осознанную необходимость, становится произволом и в конечном итоге – слепым подчинением необходимости

Стремясь завуалировать определенный волюнтаристский характер своей позиции, Дьюи конкретизирует ее, оговаривая, что выбор, сделанный на основе одного лишь желания или вкуса, не обладает моральной ценностью, ибо существует разница между тем, что желает человек, и тем, что объективно желательно, между тем, что удовлетворяет человека, и тем, что является удовлетворительным. Но, формулируя критерий этого отличия, Дьюи снова откровенно становится на позиции волюнтаризма. Оказывается, правильное направление наших желаний и вкусов можно дать не благодаря анализу их объективного содержания. Только критическое суждение человека относительно условий и результатов опыта способно направить желания и интересы личности с правильного пути. Интерес должен не только побудить личность к суждению, но и заставлять ее судить критично, используя все ресурсы, которыми оно располагает и которые смогут обеспечить наибольшую вероятность истинности заключения. Причины неправильного выбора, неправильного поведения человека Дьюи ищет в его психических наклонностях, которые повлияли на характер его суждений. Иными словами, никакими объективными обстоятельствами его поведение не оговорено, оно продукт только его собственного Я.

Следовательно, поведение человека, по Дьюи, лишено устойчивой высшей цели, твердых принципов, норм, которые следовало бы учитывать при выборе своих поступков. Перед ним только ситуация и вложенные в нее возможности, одну из которых он предпочитает согласно своим желаниям и интересам. Причем последние во многом зависят, как уже отмечалось, от его психического состояния. Таковы те методологические установки, на которые опирался Дьюи при создании своей управленческой, психологической и философской-педагогической теории.

Концепция прагматизма и восходящая от нее теория управления и воспитания в 1960-е гг. казалось бы, утратили свою популярность. Однако уже с 1970-х гг. вновь стало заметно их оживление в несколько модернизированном виде. Этому способствовало, во-первых, сочетание в обновленных концепциях данного направления его исходных позиций с идеями других мировоззренческих течений – неопозитивизма, экзистенциализма, неопрейдизма, что позволило обогатить категориальный аппарат и общую теоретическую наполненность модели управления и воспитания прагматизма, сохраняя при этом дух концепции, сформулированной Дьюи. Во-вторых, изменения, которые претерпела концепция прагматизма, позволили ей удачно вписаться в усиленный в это время общую тенденцию понимания менеджмента, воспитания и образования как процесса социализации личности, ее адаптации к существующим ценностям общества.

Методологические установки Дьюи по вопросам менеджмента, психологии управления и воспитания в современных условиях разделяет группа теоретиков, возглавляемая А. Маслоу, А. Комбс, Э. Келли, К. Род-

жерсом, Т. Брамельдом, С. Хуком и другими [3-14]. Они поддерживают положения Дьюи о роли воспитания в обществе, о том, что ценность воспитания зависит от того, насколько оно способствует росту личности, помогает ей найти ответы на возникающие повседневные проблемы, а главное – указывает, как лучше приспособиться к данной ситуации, выжить в ней, ибо жизнь – это «прежде всего постоянный процесс приспособления, не только биологический, но и социальный» [14, 1].

Сторонники неопрагматистской концепции общественно-государственного воспитания, производственного менеджмента и управления усиливают индивидуалистическую направленность идей Дьюи, его антиинтеллектуализм, сближая во многих вопросах концепцию прагматизма с экзистенциализмом. Вслед за Дьюи они считают, что задатки, способности, таланты личности носят врожденный характер, что основа ее творческого начала заложена в глубинах человеческого Я, даже стремление к самоуправлению (самоменеджменту) также является врожденным [3-8]. Поэтому, как отмечает Маслоу, природа человека документальна и, как правило, не подвергается существенным изменениям [11, 35]. Не случайно поэтому его резко отрицательное отношение к сознательной части Я, которой отводится функция контроля за человеческими поступками, самокритика.

Система менеджмента и воспитания, согласно неопрагматизму, призвана выявить сущность врожденной природы человека и опираться на нее. Нравственное воспитание, как ее важная часть, получается, по Маслоу, из иерархии врожденных человеческих потребностей – начиная от таких элементарных потребностей, как потребность в пище, продолжении рода, к такой высшей потребности, как самоактуализация личности.

Задача высших и средних учебных заведений заключается в том, чтобы больше внимания уделять уникальному опыту учащихся, формированию их индивидуальности, используя в процессе обучения по мере возможности все дисциплины учебного плана. Школа должна служить лабораторией для открытия уникального Я каждого ученика, ибо лишь только тогда он получит возможность познать окружающий мир.

Как видим, вслед за Дьюи его современные последователи признают, что заложенные в природе человека способности должны иметь возможность проявиться, а помочь этому призвана система менеджмента и воспитания. Но если Дьюи связывал возможность проявления и роста способностей человека со степенью его социализации и стремился подчинить воспитанию интересам демократии [2], то неопрагматисты, подобно экзистенциалистам, утверждают, что поведение человека полностью самодетерминировано, что каждая личность есть свой собственный проект, она сама себя творит в процессе свободного выбора. «Источники роста и гуманности личности, – пишет Маслоу, – находятся в самой личности, они ни в коей мере не созданы обществом. Последнее может только помочь

или помешать росту гуманности человека, подобно тому, как садовник может помочь или помешать росту куста роз, но он не может определять, чтобы вместо куста роз вырос дуб» [11, 36]. И хотя Маслоу осознает важность для развития личности культуры, языка, абстрактного мышления, моральных качеств (особенно способности любить другого человека), он приходит к выводу, что актуализация личности (т.е. наиболее полное выражение всех ее возможностей и способностей) связано лишь с ее внутренним миром, поскольку только сама личность знает, что является для нее добром, ибо добро нельзя определить, подтвердить ссылкой на объективные факты, его можно только чувствовать; добро есть то, что вызывает у человека чувство удовлетворения

Конечно, добро связано с чувством удовлетворения, но основой этого чувства служит объективное содержание поступков, которые оказывают благотворное влияние не только на тех, кто их совершил, но и на других людей, в оптимальном варианте – на все общество. При этом поступки должны соответствовать критерию нравственности – объективно способствовать развитию личности и общества. Если же, следуя Маслоу, связывать добро только с прочувствованным человеком чувством удовлетворения, то нельзя оценить реальное нравственное содержание совершенных им поступков.

Подобно тому как познание, согласно неопрагматистам, является формированием самой личностью своего взгляда на мир независимо от его объективных законов, поведение человека – это лишь самовыражение, свободное от каких-либо принципов, общественных связей, норм морали и т.п. Человеку нет необходимости постоянно формировать свое поведение в зависимости от отношений с окружающими его людьми, приспособляться к ним, скрывая от них что-то сокровенное, или их обманывать, потому что все его действия мотивированы ценностью своего Я. Человек не нуждается в поисках предпосылок своих действий вне самого себя, своих собственных размышлений и оценок. Окружающие его люди, их мнение, общественные нормы и принципы не могут служить основанием для выбора, ибо их функция заключается в контроле, критике поведения человека, и поэтому они могут только мешать его самовыражению, его росту. Иными словами, неопрагматисты отстаивают полный произвол в поступках и оценках личности. Причем, в такого рода поведении личности они видят источник ее активности и оптимизма, поскольку в своих действиях она ничем не связана, руководствуется лишь своими желаниями, своей волей.

Углубляя определенный антиинтеллектуализм концепции Дьюи, современные представители неопрагматистской концепции развития человека, менеджмента и воспитания, которая вобрала в себя некоторые идеи экзистенциализма, утверждают, что самовыражение личности достигается не умом, а только чувствами, что это поведение человека является продуктом восприятия определенных явлений в момент совершения им поступка.

Поэтому он сам направляет свое поведение с помощью тех данных, которые он открыл для себя в непосредственном чувственном опыте. Отсюда следует, что характер поведения личности, совершенных ею поступков определяется не их объективным содержанием, но целью, которой они быть подчинены, и не последствиями, к которым они приводят, а тем, как представляются человеку явления, обстоятельства, из которых он выходит в своих поступках, и те люди, к которым они имеют отношение. Другими словами, неопрагматисты придают значение лишь самооценке поведения, исключая какую бы то ни было ее оценку со стороны других людей, общества.

Развивая эту мысль, А. Комбс утверждает, что для формирования поведения личности важнее всего выяснить, как она смотрит на себя и на окружающий мир. Если она уверена в себе, то у нее нет оснований беспокоиться о характере ценностей, которыми она руководствуется [5, 31]. Таким образом, удовлетворение личности собой, своими действиями, представлениями, уверенность в себе выступает как единственная гарантия ее позитивного взгляда на мир. Оказывается, что человеку не нужно знать истинный смысл событий, судить о поведении других людей по их конкретным поступкам, достаточно самому находиться в хорошем настроении, быть довольным своим положением и поведением, чтобы соответственно воспринимать всех окружающих людей и события.

Очевидно, что неопрагматисты формируют не критическое, бездумное отношение человека к жизни, которое, в конечном счете, служит сохранению устойчивости существующей системы. Характерно в этом отношении высказывание А. Комбс, что личность, которая чувствует себя удовлетворенной, способна к дружбе со всеми людьми, включая и тех, кто находится с ней в антагонизме [6, 50]. Более того, Комбс, ставя все поведение личности в зависимость от ее чувства удовлетворенности, оправдывает факты уклонения от каких-либо действий и решений, к которым побуждает окружающая среда функционирования и существования. Как и Дьюи, Комбс против «высоких целей». Он считает, что люди, которые хорошо знают себя, свои желания, всегда ставят перед собой вполне реалистичные, легко выполнимые цели. А это, в свою очередь, порождает положительные эмоции у человека, закладывает основу для хорошего морального состояния. Комбс проповедует терпимость к неопределенности, положительно оценивая людей, которые «находят возможным жить удобно с нерешенными проблемами» [6, 57]. Иными словами, он открыто призывает людей к конформизму, вкладывая в такого рода поведение положительный нравственный смысл. С точки зрения Комбс, склонные к конформизму люди очень реалистично смотрят на цель своих действий, выбирая ту, которая в наибольшей степени отвечает их способностям. И это является основой успеха личности, ее хорошего морального состояния. Отсюда следует, что менеджмент и воспитание ни в коей мере не должны настраивать личность на изменение своего социального

статуса. Они призваны главным образом научить человека чувствовать себя счастливым на той ступени общественного положения, которое он занимает по воле обстоятельств, научить его руководствоваться в жизни только своим самочувствием. Приучить человека повсюду и везде чувствовать себя удовлетворенным – вот основная цель менеджмента и воспитания, не лишенная, если вдуматься, определенной социальной почвы.

Поведение, которое опирается не на познание объективного содержания ситуации, а только на собственное восприятие ее человеком, носит, по сути, релятивистский характер, в нем нет ничего постоянного, оно подчиняется только сиюминутным интересам. «Стимул, которым человек руководствуется в своем выборе, вырастает из настоящего момента и не может быть никем заранее предусмотрен» – утверждает К. Роджерс [13, 21-23]. Нельзя предсказать результат поведения, что является следствием сиюминутной ситуации, и поэтому оно не может быть связано с отдаленными целями «Человек, – утверждает Келли, – не должен искать прочной основы своего будущего. В одном только он может быть уверенным, когда речь идет о перспективах, – завтрашний день будет иным, нежели сегодняшний» [12, 19].

Желание предугадать будущее, осуществление которого недоступно человеку, может только сковывать его действия, ибо активность человека будет насыщаться нелепой надеждой на улучшение.

Итак, жить настоящим и не думать о будущем, подчинять все свои поступки чувству удовлетворенности, не раздумывая о настоящей основе этого чувства, – вот основное кредо концепции менеджмента и психологии воспитания неопрагматизма, которая независимо от субъективного желания тех или иных сторонников этого направления может быть использована для оправдания морали вседозволенности.

Литература

1. Дьюи, Дж. Введение в философию воспитания [Текст] / Дж. Дьюи. – М.: Гос.кн.изд-во, 1921. – 62 с.
2. Д'юї Дж. Демократія і освіта. Львів: Літопис, 2003. 289 с.
3. Combs A. Humanism, education and future. Boston: Educational Leadership, 1988. 301 p.
4. Combs A. W. (Author), David N. Aspy, Doris M. Brown, Morrel J. Clute, Laurabeth H. Hicks, Elizabeth S. Randolph. Humanistic Education: Objectives and Assessment. Washington, DC: Association for Supervision and Curriculum Development, 1978. 255 p.
5. Combs A. W., Ann B. Miser, Kathryn S. Whitaker. On Becoming a School Leader: A Person-Centered Challenge. Washington, DC: Association for Supervision & Curriculum Deve, 1999. 231 p.
6. Combs A.W. Perceiving, Behaving, Becoming: A New Focus for Education. Alexandria: Assn for Supervision & Curriculum, 1962. 127 p.

7. Combs A. W. Personal Approach to Teaching: Beliefs That Make a Difference.-Boston:Allyn & Bacon,1982.-194 p.

8. Combs A. W.The Schools We Need: New Assumptions for Educational Reform.-Lanham, MD:University Press of America, 1991. 178 p.

9. Dewey J. Democracy and education. New York: The Free Press, Macmillan Company, 1966. 212 p.

10. Maslow A.H. Motivation and Personality. Scotland:HarperCollins Publishers,1987. 293 p.

11. Maslow A.Some basic proposition of growth and self Actua lization psychology // Combs A. (ed) Perceiving, Behaving, Becoming: A New Focus for Education. Assn for Supervision & Curriculum, 1962. 127 p.

12. Kelly E The fully functioning self // Combs A. (ed) Perceiving, Behaving, Becoming: A New Focus for Education. – Assn for Supervision & Curriculum, 1962. 127 p.

13. Rogers Carl R. «Toward Becoming a Fully Functioning Person» // Perceiving, Behaving, Becoming: A New Focus for Education.Yearbook. Ed. A. W. Combs(edited by A.W. Combs). Washington, DC: Association for Supervision and Curriculum Development, 1962. 256 p.

14. Talent N. Psychology of Adjustment. N.-Y: Routledge, 1979. 298 p.

Интеграция социальных и христианских ценностей в идеях, принципах и перспективах глобального общественно-антропологического развития

Современному глобальному обществу присущи экономические, социальное, национальное и духовное расслоение и противоречия, в нем существует политический, религиозный и общественный раскол, который с каждым днем распространяется, достигая антагонистической непримиримости. Человек, в отличие от животных, не принадлежит исключительно к царству природы и не руководствуется исключительно инстинктами. Человечество на протяжении своей истории сумело понять, что возможность его развития зависит от создания такой системы отношений между людьми, которая исключала бы «войну всех против всех». Несмотря на различные деформации, возможно говорить о человеческом обществе как о поступательном движении человечества к все большему осуществление свободы и справедливости.

Человечество создало огромный и богатый пласт культуры, мир ценностей человеческого духа, полноценно постичь который можно тогда, когда человек станет действительно свободным и от экономического угнетения, и от духовной нищеты. Никакие экономические системы или политические доктрины не должны доминировать над интересами развития человека. Неомарксизм, или «западный марксизм» является широким теоретическим учением и одновременно системой практических мероприятий по созданию такого типа общества, где бы смогли

утвердиться свобода и справедливость в самом широком смысле, предусматривающих раскрытие всех возможностей и потенций человека в сфере духа и творчества. Для демократического социализма, так же как и для христианства неприемлемы любые конструкции, в которых интересы и свободы личности ущемляются в угоду каким либо идеологическим штампам. Неомарксизм, как и классический марксизм, состоит из принципа радикального гуманизма и идеи справедливой общественной организации. Концепция последней опирается на идею Маркса об изменении функции государства как органа классового господства и угнетения. Только то государство является правовым, которая в первую очередь отстаивает интересы человека, а не государства как определенной самостоятельной от общества системы. Напомню слова основателя идеи правового государства Джона Локка: целью права является не отмена или ограничение свободы, а ее хранение и распространение. Только таким образом в центр внимания общества и государства будет поставлена личность человека. Большинство европейских правовых и этических учений исходит из понимания сущности человека как изначально моральной. Один из родителей мировой и американской демократии Томас Джефферсон указывал, что нравственность, сострадание, милосердие – врожденные элементы сущности человека. Сознание того, что есть добро и зло, в такой же степени присущая ей как органы чувств. Этическое учение неомарксизма образовано идеей К.Маркса о том, что сущность человека принципиально доброй и зло в ней связано с ситуацией и условиями существования, которые могут быть изменены. Это является сутью христианства – того «жизненного круга», в котором сформировались основные принципы культуры и цивилизации, к которым имеем честь принадлежать и мы.

Демократический социализм и христианство в идеалах и практике представляют собой наиболее аутентичное воплощение высоких морально-этических ценностей. Социализм ни в коей мере не является централизованным управлением и плановым производством, которые не имеют в своей сущности ни демократии, ни равенства. Маркс во вступлении к «Критике политической экономии» указывал, что прогресс не является самодостаточной величиной и по-разному проявляются в процессе исторического и общественного развития, например, в экономической сфере и культурной надстройке: «Подобное значимое и для прогресса в производственных отношениях: так, Бах или Лейбниц ... ни в коей мере не являются соответствующими нищете тогдашней Германии. Развитый капитализм, с другой стороны, музам может быть только вредным» [1, 151]. Гражданская социальная демократия ставит своей целью достижение полной гуманизации личности и общества, становление и развитие такого типа человека, для которого целью существования является не эгоизм и безграничное обогащение, а творчество и нравственное становление как

саморазвитие личности. Очевидной иллюзией и упрощением было бы думать, что только экономические изменения являются необходимым условием, которое обеспечивает справедливость и свободу для каждого. Освобождение человека от давления экономических условий, препятствующих ее полному развитию, является лишь одним из моментов для общества, которое служит настоящим человеческим потребностям. Для демократического социализма общественные преобразования не исчерпываются только экономико-политической сферой, он обращает внимание и на то, что происходит в человеческом сердце, признавая человека, прежде всего как нравственную личность. Демократический гуманистический социализм стремится создать в обществе и межличностных отношениях такие условия, при которых человек может избавиться отчуждения от результатов своего труда и деятельности, окружающих людей и природы, найти собственную сущность и построить жизнь так, чтобы существовать и развиваться в единстве. Преодоление отчуждения является «действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком» [4, 116]. Освобождение человека от отчуждения в демократическом социализме ориентированное, прежде всего, на внутреннее состояние духа, при котором главным для человека становится преодоление собственного эгоизма, закрытости от других, достижения свободной и ответственной взаимодействия с окружающими на принципах свободы, справедливости, солидарности.

Для неомарксизма устранения социальных антагонизмов, всех форм отчуждения является не самоцелью, а лишь средством достижения истинной свободы каждого. Демократический социализм рассматривает построение справедливого общества как основу для реализации духовных и материальных запросов индивида, достигает состояния личности лишь в условиях свободы и справедливости. Демократический, децентрализованный социализм – это осуществление необходимых условий для того, чтобы самой целью сделать развертывание всех человеческих способностей. Подобный гуманистический идеал, предусматривающий признание ценности личности, ее прав и демократических свобод, всеобщего блага как цели сообщества, плюрализма в экономике, политике, духовной жизни свидетельствует о возможности синтеза идей и общественной практики социализма и христианства. Сущность христианства сосредоточена на личности человека, имеет для него абсолютную ценность. А полнота бытия личности невозможна без свободы. Примат свободы в человеческой природе всегда утверждался христианским вероучением, согласно которому свобода является аспектом богоподобия человека, его принадлежности Царству Божьему. Христианский персонализм рассматривает человеческую личность как образ и подобие Божие в человеке. Личность создается взаимно Божией и человеческой свободой и творчеством. Личность, которая является, прежде всего, нравственным принципом, рас-

сма­три­ва­ет­ся как воз­мож­ность, за­дача, сто­я­щая пе­ред ин­ди­ви­дом и ко­то­рое он, без­ус­лов­но, дол­жен иметь воз­мож­ность ре­а­ли­зо­вать, в том чис­ле и в об­щес­твен­ной жи­зни.

На­ря­ду с дру­ги­ми оп­ре­де­ле­ни­я­ми XX-XXI вв. так­же на­зы­ва­ют вре­менем го­спод­ства иде­о­ло­гий. Иде­о­ло­гий, ко­то­рые поч­ти все­гда рас­сма­т­ри­ва­ли че­ло­ве­ка в ка­че­стве сред­ства к ус­та­нов­ле­нию то­го или ино­го ти­па го­спод­ства – то на­ци­о­наль­но­го, то клас­со­во­го, то бю­ро­к­ра­ти­че­ско­му. Лю­бо­го, но обя­за­тель­но­го та­ко­го, что про­ти­во­сто­яло бы че­ло­ве­че­ской сво­бо­де, а зна­чит и спра­вед­ли­во­сти. Иде­о­ло­гия от­у­ча­ет че­ло­ве­ка сво­бо­дно мыс­лить и соз­на­тель­но при­ни­мать ре­ше­ния. Го­спод­ст­вую­щая иде­о­ло­гия – лю­бо­го сор­та – все­гда стре­мит­ся к уни­что­же­нию са­мо­соз­на­ния лич­но­сти, на­вя­зы­вая фаль­ши­вые цен­но­сти на ин­ди­ви­ду­аль­ном и об­щес­твен­ном уров­не, и в са­мой сво­ей су­ти про­ти­во­сто­ит ис­ти­не, доб­ру и куль­туре. «Го­спод­ство опира­ет­ся в зна­чи­тель­ной сте­пени на ре­аль­ный ап­па­рат вла­сти, а иде­о­ло­гия соз­да­ет це­мен­ти­ру­ю­щий фак­тор раз­ру­ши­тель­ной об­щес­твен­но­го здани­я, ко­то­рый не­льзя недо­оце­ни­вать» [10, 51]. Че­ло­век в про­цес­се сво­ей жи­зни имеет воз­мож­ность твор­че­ски сфор­ми­ро­вать или ни­ве­ли­ро­вать себя и имен­но по­это­му мы ни на ко­го, кроме нас са­мих, не смо­жем пе­ре­ло­жить бремя от­вет­ствен­но­сти за сво­ю де­я­тель­ность, дос­ти­же­ния или не­уда­чи. Дру­гой вы­ход – это бе­гство от сво­бо­ды, но че­ло­век, ме­ня­ет сво­бо­ду от­вет­ствен­но­сти на безо­пас­ность безо­т­вет­ствен­но­сти, не дос­той­на ни сво­бо­ды, ни безо­пас­но­сти. Лю­ди са­ми пре­пят­ст­вую­ют ста­нов­ле­нию сво­бо­ды и спра­вед­ли­во­сти, снова и снова вос­про­из­во­дя ре­прес­сив­ное об­щес­тво и его мораль, пре­жде все­го, в соб­ст­вен­ном соз­на­нии и сти­ли мыс­ле­ния. На­сто­я­щая сво­бо­да ста­но­вит­ся ре­аль­но­стью толь­ко то­гда, ко­гда ее про­вод­ни­ка­ми и но­си­те­ля­ми яв­ля­ют­ся сво­бо­дные лю­ди, осво­бо­жде­нии от по­треб­но­стей и ин­те­ре­сов уг­не­те­ния. Спра­вед­ли­во­сть и де­мо­к­ра­тия ста­но­вят­ся ре­аль­но­стью то­гда, ко­гда они ут­вер­жда­ет­ся в соз­на­нии лю­дей. «До тех пор, пока сво­бо­да не ста­ла ре­аль­но­стью, имен­но разум че­ло­ве­ка яв­ля­ет­ся оп­по­зи­цией, от­ри­ца­нием по от­но­ше­нию к ре­прес­сив­ной, от­чуж­ден­ной, бес­че­ло­веч­ной дей­ст­ви­тель­но­сти» [12, 369]. Уст­рой­ство об­щес­тва дол­жно фор­ми­ро­вать ус­ло­вия для все­сторон­ней ре­а­ли­за­ции раз­ви­тия лич­но­сти.

Од­но­вре­мен­но хри­сти­ан­ство и не­о­марк­сизм про­ти­во­сто­ят без­гра­нич­но­му эго­ис­ти­че­ско­му са­мо­ут­вер­жде­нию ин­ди­ви­ду­аль­но­сти. Хри­сти­ан­ский пер­со­на­лизм и де­мо­к­ра­ти­че­ский со­ци­а­лизм не рас­сма­т­ри­ва­ют лич­но­сть как не­что изо­ли­ро­ван­ное и са­мо­дос­та­точ­ное. Хри­сти­ан­ство по­ни­ма­ет сво­бо­ду как осво­бо­жде­ние – по­сто­ян­ный про­цес­с, в ко­то­ром лич­но­сть осоз­на­ет себя сво­бо­дным пе­ред Бо­гом на­еди­не, а в соли­дар­ной об­щ­но­сти с дру­ги­ми лю­дь­ми. Иде­я со­ци­а­лизма ис­хо­дит из то­го, что че­ло­век ис­то­ри­че­ски из­ме­ня­ет­ся и та­кие ее чер­ты как же­сто­кость, жа­д­ность, зло не за­ло­же­ны в ней из­на­чаль­но. Они воз­ник­ли и ут­вер­ди­лись в ре­зуль­та­те ты­ся­че­лет­них от­но­ше­ний на­си­лия и уг­не­те­ния, ве­ро­лом­ства и ли­це­ме­рия.

С уничтожением этих отношений должны постепенно исчезнуть и порожденные ими пороки. Христианство в связи с этим призывает к преодолению человеком собственного грехопадения, что выступает как стремление человека к безграничному господству над окружающим миром, над себе подобными, что, в конце концов, привело к отдалению от Творца, к ситуации, когда окружающее стало противником, а иногда, даже и врагом. Об этом же говорит и неомарксизм, указывая на ситуацию отчуждения человека от других людей, мира, продуктов собственной деятельности и, что самое главное, – от собственной сущности. Поэтому наряду со свободой обязательно присутствует ценность солидарности, которая рассматривает людей равными в праве на жизнь и свободу, одновременно обращаясь к принципу ответственности каждого за свободу другого, что в свою очередь предполагает аналогичную поддержку прав и свобод конкретной личности со стороны других членов общества. Свободное развитие каждого является возможным при условии свободы другого.

Христианство впервые в истории устанавливает равенство людей – как детей Божиих и одновременно как личностей, неповторимых и уникальных носителей свободы и образа Божия в себе. Каждый в своей уникальности спасен благодатью и жертвой Христа. Христианство провозглашает это в своем учении о соборности, которая заключается в сочетании свободы и единства людей на основе их общей общественно-духовной коммуникации и любви и уважении к общим моральным ценностям. Через свободу личностей, их справедливых взаимоотношений утверждается добровольный, основанный на добре и взаимном уважении духовное и политико-экономический союз всех человеческих существ: «Отдельный человек лишь тогда может стать свободной, когда свободным является и со-человек, т.е. когда общество, в котором он существует, является солидарным» [11, 40].

Христианство сочетается с демократическо-социалистической идеей и в том, что включает в свой ценностный ряд и социальную сферу. Отстаивая достоинство человека, социалистическая демократия и христианство не могут быть равнодушными к социальной несправедливости. Согласно христианскому вероучению, христианин должен участвовать в создании нового, достойного человека мира. Христианская надежда на освобождение начинает реализовываться здесь, на земле, она предполагает активную деятельность в мире. Христианство является этикой любви, причем этикой, которая имеет социальный характер, ибо она направлена на радикальное обновление жизни. Надежда, которая порождена верой в пришествие Царства Божия, является великой силой нравственного обновления общества и его освобождение. Христианство производит в человеке чувство уверенности, наполняет жизнь смыслом. Кьеркегор отметил, что верующий человек навечно получает иммунитет против отчаяния: «Теология является надеждой на то, что несправедливость, которая

характерна для мира, не останется навечно, что несправедливость не может быть последним словом» [9, 61].

Христианство не отвергает добра, даже если оно происходит от людей нерелигиозных, но отрицает насилие, диктат, ненависть, даже если они прикрывались именем Христовым. Христианство революционизирует общество в качестве моральной революции, духовно его обновляя. Как идея освобождения, оно универсально, общечеловеческое, такое, что признает равенство всех людей между собой. Его историческая миссия преодоления классовых, расовых, этнических и других противоречий. Ибо человеческая сущность – наднациональная и уже в этом является противоположностью любым тоталитарным посягательствам. Социализм, как и христианство, является идею и практикой полного и безусловного освобождения человека: «Я ничто, но я должен стать всем» [3, 426]. Как и христианство, он имеет общечеловеческий характер, выступая идеей преодоления всех враждебных человеческой свободе форм социальной организации. Макс Хоркхаймер, один из современных вдохновителей демократической модели социализма, указывал, что существует сугубо человеческая солидарность, которая представляет собой не просто солидарность определенного класса или нации, но то вечное, что объединяет друг с другом всех людей [9, 59].

Поэтому свобода, основанная на уважении внутреннего мира и прав личности, достигается в солидарных отношениях людей между собой на основе справедливости, в основе которой лежит равная уважение и поддержка достоинства всех людей. Этот нравственный идеал имеет своим источником органично интегрированы как светский, так и религиозный гуманизм. Подобное отношение к человеку подтверждает ценность межличностной коммуникации и взаимопонимания, т.е. тех принципов, которые закладывают основы общественной свободы и солидарности, противостоящих тоталитаризма и авторитарности как деформации общества и патологии личности. В конечном счете, права и свободы личности, подтверждены общечеловеческими ценностями, приобрели статус не только нравственного идеала, но и реальности, которая способствует утверждению свободы и солидарности в стремлении каждого к счастью, благосостояния.

Относительно преодоления тоталитарных тенденций в человеческом мышлении и общественных отношениях заслуживает особого уважения опыт разделения властей в европейской истории на политическую и духовную, носителями которой были, с одной стороны, государство и с другой – церковь, имело особое значение в моральном и правовом аспектах. Борьба и взаимодействие между светскими и духовными центрами власти и началась, и закончилась тем, что наряду с «царством Кесаря» в жизни общества отстояло себя «Царство Божье» – сфера духа. Духовная власть – сфера этики и морали сумела отстоять свою незави-

симось от посягательств политической власти и идеологии. Благодаря этому в европейской модели развития общества, несмотря на временные поражения, удалось избежать диктата как тоталитаризма, так и теократии. Именно разделение светского (как политического) и религиозного (как духовного) центров власти обусловили в значительной мере формирование в Европе гражданского общества. Ведь в ситуации отсутствия в обществе всеобщего духовного контроля со стороны государства, а политического со стороны религии возможно свободное правовое развитие личности как гражданина.

Доминирование ритуала над духом, сущностью христианства, ведет к господству той же самой тоталитарной идеологии, другой только по форме: «Это фальшивое сознание. По сути, оно является завесой, находится между обществом и взглядом на него» [13, 175]. Главной чертой идеологий является отстаивание и пропаганда интересов исключительно одной из наций, религий, общественных групп и классов вроде бы в качестве общечеловеческих. Тоталитарные тенденции опасны тем, что «влезая в душу», они стремятся к тотальному контролю над мыслями и деятельностью человека и очень гибко видоизменяются. Контролируя мнение, тоталитаризм не фиксирует ее все время на чем-то одном. Выдвигаются догмы, пропагандой представляются в качестве не подлежащих сомнению; но в свое время их форма меняется, неизменно оставляя догматизированной безошибочность.

Догмы обязательно нужны для тоталитаризма, поскольку требуется абсолютная покорность подданных, однако невозможно обойтись без определенных корректив, диктуемых новыми потребностями властителей. Вот здесь и выступает на первый план в нынешних условиях стремление к механическому соединению церковного и государственной жизни, наносит этим сферам и обществу огромный моральный ущерб. Подчиняясь сфере светской политики, церковное руководство в результате усваивает ее тактику и методы, превращая церковь в подобие государственной структуры со всеми политическими и моральными последствиями этого. В свою очередь клерикализм, как стремление высшей иерархии к власти, демонстрирует лишь новый вид искушения к «царству и богатств земных», которые предлагались еще Христу и были отвергнуты им. Однако отделение церкви от государства не должно означать ее отчуждение от общества. Задачей Церкви является не административные манипуляции, а поддержка нравственного роста людей во всех жизненных сферах. Церковь должна иметь возможность пропагандировать и отстаивать правду и справедливость, принципы личного и общественного блага, внедрять эти принципы в повседневность. Церковь призвана помогать не только своим членам, но и обществу в целом в нахождении, если не совершенных путей решения нравственных и социальных противоречий, то, по меньшей мере, указывать, что является лучшим и преобладающим в свете Евангелия. Нельзя

превращать церковь в политическую, а тем большую партийную силу – это принижает значение Христа и христианства, безусловно, шире рамки той или иной политической партии или доктрины. Социализм, как и христианство, верит в возможности духовного и социального развития человека, признает то, что этические принципы, которые выросли на христианской почве, взошли и сформировали основу европейского типа общества и культуры. Путь к социальной справедливости проходит не через классовую и национальную борьбу и вражду, а прежде всего вследствие диалогического общественного дискурса и изменения сознания людей.

В демократическом обществе христианство становится средством защиты от посягательств государства на частную жизнь и необходимым условием функционирования демократической системы. Одновременно в условиях демократии христианство раскрывает свой неполитический характер, свою обращенность к общечеловеческим духовным запросам личности. В отношении христианских церквей гражданская демократия исходит из понимания всей христианской Церкви явлением Вселенским, т.е. сферой, не ограниченной наследием какой-либо одной национальной культуры или цивилизации.

Этот морально-этический идеал равнодоступность представителям всех слоев общества. Он возникает как результат суммы политико-экономических и культурно-воспитательных мероприятий. Есть правда в том высказывании, что для нового общества нужен новый тип человека. Но новый не в смысле одномерного и некритического мышления и сознания, а прежде всего в формировании действительно свободного человека, который мог бы избавиться от нетерпимости, несправедливости в собственном развитии и в отношениях с другими. Социальная демократия и христианство пронизаны глубокой верой в возможности прогресса сущности человека. Христианство дает социализму духовную основу, а социализм является средством для выполнения велений христианских заповедей: «Если я имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру ..., а не имею любви, – то я ничто» [2, 13:2]. Политика, которая вдохновляется христианской этикой и гражданско-социальным идеалом, возможна и способна нести ответственность единственно на пути истинной демократии и гуманизма, т.е. в форме социально справедливого государства, демократического социализма и гражданского общества.

Христианское учение о человеке, его этические требования, борьба с несправедливостью – все это взаимодействующие и органически связанные идеи гражданской и социальной демократии, в конечном счете, можно свести к одному нравственному мотиву: фундаментального выражения многообразия общественно-политических идеалов всеобъемлющего стремление человека к свободе, счастью, расцвету, развитию, творчеству и со-творчеству [7, 125].

Литература

1. Блох, Э. Тюбингенское введение в философию [Текст] / Э. Блох. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. –400 с.
2. Евангелие. I-е Коринфянам, 13:2.
3. Маркс К. Энгельс Ф. К критике Гегелевской философии права. Введение. Сочинения. Т. I.
4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 42. – С. 41-174.
5. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального общества [Текст] / Г. Маркузе. – К.- М., 1994. – 368 с.
6. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. М. - СПб., 1997.
7. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus: wie wir am Wachstum scheitern. Wien : Ueberreuter, 2008. 223 s.
8. Fischer E. Was Marx wirklich sagte? Wien, 1999.
9. Horkheimer M. Die Sehnsucht nach dem ganz Anderen. Hamburg, 1970.
10. Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1999. 230 s.
11. Lafontaine O. Die Gesellschaft der Zukunft: Reformpolitik in einer veränderten Welt. Hamburg, 2008.
12. Marcuse H. Vernunft und Revolution. Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie. Darmstadt/Neuwied: Luchterhand, 1979. 399 s.
13. Reichelt H. Neue Marx-Lektüre. Zur Kritik sozialwissenschaftlicher Logik.- Hamburg: Rotbuch Verlag, 2008. 384 s.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях современного индустриального общества производительные силы достигли такого уровня развития, на котором они фактически самим своим существованием требуют новых потребностей, которые бы отвечали их возможностям. Возникает потребность победить репрессивные разрушительные инстинкты и влечения людей, найти их гуманистические, солидарные биопсихические потребности для качественного общественного развития.

В ситуации перехода к неокapитализму («посткапитализму», «новому индустриальному», «постиндустриальному» обществу) стремление к стабилизации системы обнаруживает недостаточность только экономических рычагов, возникает потребность в непосредственном влиянии на сознание масс, в создании общеобщественного рынка товаров духовного производства как интегрирующей, объединительной общественной силы. Научно-технический процесс, превращение науки в непосредственно производственную силу, революция в сфере средств массовой коммуникации облегчают осуществление этого задания. Это стало новым историческим управленческим шагом на пути создания реальных предпосылок как для материальной, так и для духовной интеграции социальных систем.

Современные изменения в природе развитого индустриального общества привели к тому, что узкоспециализированный анализ рыночного механизма не может уже предоставить реального представления о структуре общественной системы: государство стало неотъемлемым элементом функционирования экономики, и в определенном смысле все общество преобразовано в экономический аппарат и наоборот, наблюдаем масштабное явление государственно-политического интервенционизма в экономическую систему. Разные элементы общества пронизаны экономической и политической рациональностью. На смену классической рыночной экономике пришел не просто монополистический и олигополистический рынок, но сложная структура управляемых и взаимозависимых процессов.

Политико-экономические, мировоззренческие, технологические трансформации общества всегда являются социальной революцией, в какой бы форме она не происходила. Однако она всегда будет безуспешной, если не обеспечит сдвиг в массовом сознании, в моделях индивидуальной и общественной культуры. Доминирование, господство и подчинение в общественных и межчеловеческих отношениях обязательно порождают репрессивное сознание и конфликтно-агрессивное бессознательное в индивидуальной и массовой психике, примитивизируют витальные влечения человека. Многие современные ученые (от социальной, педагогической до экономической и политической деятельности) подчеркивают

наличие глубокого не только общественно-экономического, но и психоморального кризиса современной глобальной цивилизации.

В индустриально развитом, а тем более в «переходном», транзитивном обществе, индивид зачастую становится объектом тотального администрирования, удовлетворяя свои потребности лишь как некий объект манипуляции со стороны государства. Индивид не в состоянии найти творческое воодушевление и в сфере культуры, поскольку она приобрела форму коммерческого предприятия, в понимании которого человеческая жизнь и потребности личности должны фабриковаться наподобие товаров для прибыльной распродажи. Отдавая свою энергию и большую часть в своего времени деятельности отчужденных от человека учреждений, современная личность утрачивает семью, из которой выхолащивается ее настоящее назначение, теряет реальность отношений общения и дружбы и, что является самым главным, – способность к творческому воображению и деятельности, модернизируя себя в качестве производственной силы массового технологическо-коммерциализированного общества. Основными ценностями данного типа общества, которые в то же время являются эффективными рычагами социального управления, есть рациональная иерархическая дисциплинированность и иррационализированное массовое потребление (как основная форма межиндивидуальных отношений). Человек осуществляет преступление против самого себя, если превращается в инструмент, предназначенный для достижения какой-то внешней, чужой для него цели. Этот индивид находится в состоянии самоотчуждения и превращается в “разлаженное”, “общественношизоидное” существо, которое откладывает на неопределенный срок реализацию настоящего смысла своего бытия.

Поэтому и является необходимым формирование и развитие «витальных потребностей в свободе», новой антропологически-психологической структуры человека, который предусматривает качественно другой способ существования людей. Именно непрерывность развитых в репрессивном обществе и удовлетворенных в нем потребностей является тем, что снова и снова воспроизводит репрессивное общество в самих индивидах. Даже в социальных революциях индивиды воспроизводят репрессивное общество, отталкиваясь от господствующего типа потребностей, и это является именно той непрерывностью, которая препятствует прыжку от количественного потребительского к качественно свободному обществу.

Борьба против эксплуатации, угнетения, трансформационные превращения в обществе являются прямо зависимыми от коренных изменений в психобиологической природе человека. Экономическое производство и социальное управление, исходя из этих заданий, должны основываться на новых ценностях. Для этого является необходимой «революция до революции». Создание нерепрессивной цивилизации прямо связано с изменением потребностей человека, которые, с одной стороны, будут приобре-

тать более творческий, плодотворный характер, а с другой – будут сопровождаться десублимацией агрессивных инстинктов. В этом качественное отличие между свободным и несвободным обществом. Имеется в виду возможность социо- и самореализации, когда труд становится творчеством, игрой, где даже общественно необходимый труд может быть организованным гармонично, в соответствии с потребностями человека. В процессе устранения «отчужденного труда» репрессивная структура институтов должна испытать коренные изменения: инстинктивная энергия должна стать свободной и стремиться превратить личностные отношения в универсальные общественные.

Общественным изменениям, социальной революции должна предшествовать революция в человеке, радикальное изменение структуры потребностей и системы технологии воспитания. Является необходимой трансформация потребностей, которая стала решающим фактором стабилизации, увековечения и воссоздания агрессивного и репрессивного общества. Под ее влиянием человек рассматривает мир, ценности, самого себя и других людей как товары для обмена, как материю господства. Должны быть трансформированы не только социальные и политико-экономические институты, но и тоталитарные формы традиционной культуры, мировоззрения, которые способствуют идеологическому усилению социальной амнезии, потребительского иррационализма и дегуманизированного фетишизма потребления и господства.

Общественную революцию необходимо понимать как уничтожение этой детерминации. В мире освобожденного человека должно быть нечто большее, чем только экономика. Более того, приматом в этом мире должно быть именно неэкономичное, человеческое. Сама общественная революция должна первоначально идти через свободу и ради свободы, иначе будет сохраняться принцип притеснения, будет неминуемым фатальное разногласие между “непосредственными” и “истинными” интересами индивидов. Свобода должна выйти за пределы необходимости.

Свобода возможна лишь постольку, поскольку происходят детерминированные процессы, поскольку эта детерминированность является познаваемой, поскольку человек может планировать в соответствии с детерминантами и осуществлять свои планы, по крайней мере, в определенном объеме. В недетерминированном невозможно ни планирование, ни запланированные действия, ни реализация планов. В строгом смысле освобождение предусматривает свободу. Свобода может быть осуществлена лишь в том случае, если ее проводниками и носителями являются свободные индивиды, освобожденные от потребностей и интересов господства и притеснения. Свобода только тогда может стать истинной необходимостью, только если она сама по себе является истинной.

Понимание человека как существа незапрограммированного, свободного, но в то же время требующего в течение всей своей жизни

обучающего развития требует отказа от статического понимания свободы и прогресса. Человек свободен действовать разумно, но также он свободен совершать ошибки и свободно исправлять их, если они поддаются исправлению. Так как неуверенность, несовершенство, способность ошибаться и впадать в рецидивы бесчеловечности является сугубо человеческими чертами, то соответственно и техника, главная движущая сила общественного прогресса, должна быть рассчитанной на человеческие ошибки. Отсюда возникает моральная необходимость проверять общественно-государственные и управленческие процессы, внося в них изменения и делать их полностью исправимыми. Существующие общественные отношения могут быть гуманизированы благодаря тому, что культурный, правовой и политический прогресс открывает путь к социальному прогрессу через разумно сориентированную общественную и экономико-управленческую деятельность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Althusser L., Balibar E. Das Kapital lesen. Hamburg: Rowohlt, 1972. 313 s.
2. Barrow R. Moral Philosophy for Education. N-Y. – Boston – London: George Allen and Unwin, 2011. 367 p.
3. Benson D. Immoral America: beyond Freedom and Dignity. New York: Caplan A.Z. Press, 1991. 208 p.
4. Bloch E. Das Prinzip Hoffnung. Bd I. Frankfurt am Main.: Suhrkamp, 1993. 1085 s.
5. Bookchin M. Hierarchie und Herrschaft. Berlin: Kramer, 2008. 179 s.
6. Bowers C.A. Emergent ideological characteristics of educational policy. Boston: College Record, 1997. 317 p.
7. Brent A. Philosophical Foundations for Curriculum. Boston, 2008. 390 p.
8. Bufford Th. Toward a Philosophy Education. Boston, 2001. 278 p.
9. Byram M. and Dervin F. (eds.) Students, staff and academic mobility in higher education. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2008. 320 p.
10. Christoph K. Solidarität. Baden-Baden: Nomos, 1999. 223 s.
11. Clement St. Handbook of education technology. London: Steven Hackbarth Books, 1994. 284 p.
12. Combs A.W. Personal Approach to Teaching: Beliefs That Make a Difference.-Boston: Allyn & Bacon, 1982. 194 p.
13. Combs A.W. The Schools We Need: New Assumptions for Educational Reform.-Lanham, MD: University Press of America, 1991. 178 p.
14. Cooper D. Psychiatry and Anti-Psychiatry. Boston: Paladin, 2002. 192 p.
15. Dannemann R. Das Prinzip Verdinglichung. Wiesbaden: Panorama, 2005. 166 s.
16. Dennehy R. Education, vocationalism and democracy. New York: The Macmillan Co. Thought, 2002. 195 p.
17. Dent N. Moral Philosophy Virtues. Cambridge (Mass.). 1994. 431 p.
18. Dewey J. Democracy and education. New York: The Free Press, Macmillan Company, 1966. 212 p.
19. Dewey J. Democratie et l'education. Paris: Marabout, 2005. 212 p.
20. Engdahl W. A century of war. Anglo-American oil politics and the New World Order. Wiesbaden: Dinges & Frick, 2011. 356 p.
21. Exner A. (Hg. Ernst Lohoff). Losarbeiten Arbeitslos – Globalisierungskritik und die Krise der Arbeitsgesellschaft. Münster: Unrast Verlag, 2005. 284 s.
22. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus : wie wir am Wachstum scheitern. Christian Lauk , Konstantin Kulterer. Wien : Ueberreuter, 2008. 223 s.
23. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus: wie wir am Wachstum scheitern. Mit Beiträgen von C. Lauk, K. Kulterer. Wien: Ueberreuter, 2008. 223 s.

24. Feinberg W. Behavioral theory and education. Boston: Prentice-Hall, 1994. 467 p.
25. Foucault M. Discipline and Punish: Birth of the Prison. London: Vintage Books, 1977. 523 p.
26. Fuchs A. Solidarität der Sozialpolitik. Bonn: Taschenbuch-Verlag, 2003. 227 s.
27. Gilbert N. The Enabling State: Modern Welfare Capitalism. New York, 2004. 241 p.
28. Gleitze B. Produktivvermögen ist das Kapital der gewerblichen Unternehmen. Bonn: Taschenbuch-Verlag, 2007. 325 s.
29. Gorz A. Kritik der ökonomischen Vernunft. Sinnfragen am Ende der Arbeitsgesellschaft. Hamburg: Rotbuch Verlag, 1994. 388 s.
30. Guruge A. Buddhism, Economics and Science: Further Studies in Socially Engaged Humanistic Buddhism. Bloomington: Author House, 2008. 208 p.
31. Gorz A. Wege ins Paradies. Thesen zur Krise, Automation und Zukunft der Arbeit Hamburg: Rotbuch Verlag, 1986. 157 s.
32. Habermas J. Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2002. 195 s.
33. Habermas J. Theorie und Praxis. Sozialphilosophische Studien. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2005. 303 s.
34. Hardt M. and Negri A. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. New York: The Penguin Press, 2004. 450 p.
35. Harris K. Teachers and Classes. A Social Analysis. Edinburgh: Education Press, 2002. 216 p.
36. Heinrich M. Wie das Marxsche Kapital lesen? Hinweise zur Lektüre und Kommentar zum Anfang von «Das Kapital». Stuttgart: Schmetterling Verlag, 2009. 288 s.
37. Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1999. 230 s.
38. Inoue Sh. Putting Buddhism to Work: A New Approach to Management and Business. Tokyo: Kodansha International (JPN); 1st edition, 1997. 176 p.
39. Jacoby R. Social Amnesia: A Critic of Conformist Psychology. Boston: Campus Politics, 2005. 219 p.
40. Jappe A. Die Abenteuer der Ware.- Munster: UNRAST-Verlag, 2005. 253 s.
41. Kellner D. Technological Revolution, Multiple Literacies, and the Restructuring of Education. NY: Routledge, 2002. 240 p.
42. Kockshott P.W., Kotrell A., Alternativen aus dem Rechner. Für sozialistische Planung und direkte Demokratie. Köln: PapyRossa Verlag, 2006. 267 s.
43. Krugman P. The Return of Depression Economics and the Crisis. New York: W.W. Norton; First Edition edition, 2009. 224 p.

44. Kurz R. Kollaps der Modernisierung: vom Zusammenbruch des Kasernensozialismus zur Krise der Weltökonomie. Frankfurt am Main: Eichborn, 2009. 288 s.
45. Kurz R. Schwarzbuch Kapitalismus. Ein Abgesang auf die Marktwirtschaft. München: Ullstein, 2001. 456 s.
46. Kwiek M. The University and the State. A Study into Global Transformations. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. 424 p.
47. Lafontaine O. Keine Angst vor der Globalisierung: Wohlstand und Arbeit für alle. Berlin / Bonn: J. H. W. Dietz Verlag, 2009. 352 s.
48. Laing R. The Divided Self. Harvard: Darton, Longman and Todd. 2001. 341 p.
49. Leech K. Youthquake: The Growth of a Counter-Culture. London: Sheldon Press, 1993. 231 p.
50. Lichtman R. The Production of Desire: The Integration of Psychoanalysis into Marxist Theory. New York: The Free Press, 2002. 482 p.
51. Liessmann K.P. Theorie der Unbildung: Die Irrtümer der Wissensgesellschaft. Wien: Paul Zsolnay, 2010. 176 s.
52. Lodge P., Brackston T. Educational policy and educational inequality. Oxford: Robertson, 1992. 256 p.
53. Ludtz P. Die Ideologie des Sozialdemokratismus in der Sicht der Kommunisten. Hamburg: Das Vorwärts Buch, 1993. 397 s.
54. Lukács G. Geschichte und Klassenbewußtsein. Studien über marxistische Dialektik. Neuwied/Berlin: Luchterhand, 1988. 342 s.
55. Lukács G. Zur Ontologie des gesellschaftlichen Seins. Die ontologischen Grundprinzipien von Marx (auf Einbanddeckel: Ontologie - Marx). Darmstadt / Neuwied: Luchterhand, 1972. 194 s.
56. Mallet S. Die neue Arbeiterklasse. Neuwied / Berlin. Luchterhand. 1972. 267 s.
57. Marcuse H. Das Ende der Utopie. Berlin: Verlag Neue Kritik, 1995. 190 s.
58. Marcuse H. Kultur und Gesellschaft. Frankfurt a. M.: Verlag, 1970. 183 s.
59. Marcuse H. Vernunft und Revolution. Darmstadt, Neuwied: Luchterhand, 1979. 399 s.
60. Mark S (Stephan). Dialektisches Denken in der Philosophie der Gegenwart. Die Ideen des Marxismus und die Reform der Demokratie. Köln-Hannover: SPD-Verlag, 1997. 224 s.
61. Maslow A.H. Motivation and Personality. Scotland: Harper Collins Publishers, 1987. 293 p.
62. Meyer Th. Grundwerte und Wissenschaft im demokratischen Sozialismus. Berlin - Bonn: J. H. W. Dietz Verlag, 2008. 246 s.
63. Pattern V. Social control and human engineering: A framework for humanistic decision. Bangor: University Press, 1991. 227 p.
64. Payutto P.A. Buddhist Economics: A Middle Way for the Market Place—Badger: Torchlight Publishing, 1996. 99 p.

65. Reich Ch. The Greening of Society. New York: Bantam Books, 2007. 306 p.
66. Reichelt H. Neue Marx-Lektüre. Zur Kritik sozialwissenschaftlicher Logik. Hamburg, 2008. 384 s.
67. Schmidt A. Zur Idee der Kritische Theorie. München: Freiheit, 1994. 370 s.
68. Schumacher E.F. This I Believe, and Other Essays. Hartland: Resurgence Books, an imprint of Green Books; Revised edition, 1998. 224 p.
69. Scoot L. International of norms. Harvard: The Harvard International Press, 2001. 219 p.
70. Sivaraksa S. The Wisdom of Sustainability: Buddhist Economics for the 21st Century. Kihei: Koa Books, 2009. 192 p.
71. Skinner B. Science and Human Behavior. New York: Appleton-Century-Crofts, 1990. 341p.
72. Sloan D. Education and Values. London - New York: Routledge, 2009. 261 p.
73. Talent N. Psychology of Adjustment. N.-Y: Routledge, 1979. 298 p.
74. The Problem of Authority in America. Ed. by J. Diggins and M. Kann. Philadelphia: Temple University Press, 1981. 224 p.
75. Toffler A. The Adaptive Corporation. Aldershot: Gower, 1985. 194 p.
76. Touraine A. Un nouveau paradigme. Pour comprendre le monde d'aujourd'hui. Paris: Livre de Poche, 2006. 410 p.
77. Wallerstein I. The Essential Wallerstein. New York: The New Press, 2000. 471p.
78. Wheeler H. Beyond the Punitive Society. San-Francisco: Hackett Publishing Co, 1983. 301 p.
79. Zizek S.; The Absent Center of Political Ontology. London: Verso, 2000. P. 128-143.
80. Балабанова Н. Суспільство знань та інновацій: шлях до майбутнього України. К.: Арістей, 2005. 104 с.
81. Бек, У. Что такое глобализация? [Текст] / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
82. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования [Текст] / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
83. Бжезинский, З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство [Текст] / З. Бжезинский; пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2004. – 288 с.
84. Блох, Э. Тюбингенское введение в философию [Текст] / Э. Блох. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 1997. – 400 с.
85. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века [Текст] / И. Валлерстайн; пер. с англ. – М.: Логос, 2004. – 368 с.
86. Гидденс, Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации [Текст] / Э. Гидденс. – М.: Академический Проект, 2003. – 463 с.

87. Глобализация и проблема сохранения культурного многообразия [Текст]. – М.: ИФРАН, 2010. – 240 с.
88. Горшков, М.Н. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность: 1992-2002 [Текст] / М.Н. Горшков. – М.: РОССПЭН, 2003. 512 с.
89. Джохадзе, И.Д. Демократия после Модерна [Текст] / И.Д. Джохадзе. – М.: Праксис, 2006. – 112 с.
90. Дьюи, Дж. Введение в философию воспитания [Текст] / Дж. Дьюи. – М.: Работник просвещения, 1921. – 62 с.
91. Зінченко В.В. Соціальна філософія менеджменту і освіти в інституційному вимірі глобального розвитку. – К.: Люксар, 2011. – 664 с.
92. Кагарлицкий, Б.Ю. Управляемая демократия: Россия, которую нам навязали [Текст] / Б.Ю. Кагарлицкий. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 575 с.
93. Кенэ, Ф. Избранные экономические произведения [Текст] / Ф. Кенэ. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 340 с.
94. Кравченко, С.А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире [Текст] / С.А. Кравченко. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 264 с.
95. Кропоткин, П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия [Текст] / П.А. Кропоткин. – М.: Правда, 1990. – 638 с.
96. Ларуш, Л.Х. Физическая экономика как платоновская эпистемологическая основа всех отраслей человеческого знания [Текст] / Л.Х. Ларуш. – М.: Научная книга, 1997. – 210 с.
97. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна [Текст] / Ж.-Ф. Лиотар. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
98. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества [Текст] / Г. Маркузе. – К.- М.: REFL-book, 1994. – 368 с.
99. Матвієнко В. Соціальні технології. – К.: Українські пропілеї, 2001. – 446 с.
100. Парсонс, Т. Система современных обществ [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 266.
101. Подолинский, С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии [Текст] / С.А. Подолинский. – М.: Ноосфера, 1991. – 161 с.
102. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени [Текст] / К. Поланьи. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.
103. Роулз Дж. Політичний лібералізм. – К.: Основи, 2000. – 575 с.
104. Руденко М.Д. Энергия прогрессу. (Нариси з фізичної економії). – Тернопіль: Джура, 2004. – 248 с.
105. Сартр, Ж.-П. Проблемы метода [Текст] / Ж.-П. Сартр. – М.: Прогресс, 1993. – 240 с.

106. Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения [Текст] / М. Хоркхаймер, Т.В. Адорно. – М. – СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.

107. Соболев, В.М. Менеджмент в области инвестиций и персонала: особенности в переходной экономике [Текст] / В.М. Соболев, В.Е. Шедяков. – М.: Бизнес Информ, 1996. – 176 с.

108. Стиглиц, Дж. Глобализация: тревожные тенденции [Текст] / Дж. Стиглиц. – М.: Мысль, 2003. – 304 с.

109. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества [Текст]. – М.: Институт социологии РАН, 2000. – 480 с.

110. Щедровицкий, П.Г. Педагогика свободы [Текст] / П.Г. Щедровицкий. – М.: Архитектура С, 2004. – 128 с.

Научное издание

Зинченко Виктор Викторович
Королева Лариса Александровна

СИСТЕМНЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Монография

В авторской редакции
Верстка Н.В. Кучина

Подписано в печать 15.10.14. Формат 60x84/16.
Бумага офисная «Снегурочка». Печать на ризографе.
Усл.печ.л. 13,7. Уч.-изд.л. 14,75. Тираж 500 экз. 1-й завод 100 экз.
Заказ № 346.

Издательство ПГУАС.
440028, г. Пенза, ул. Германа Титова, 28